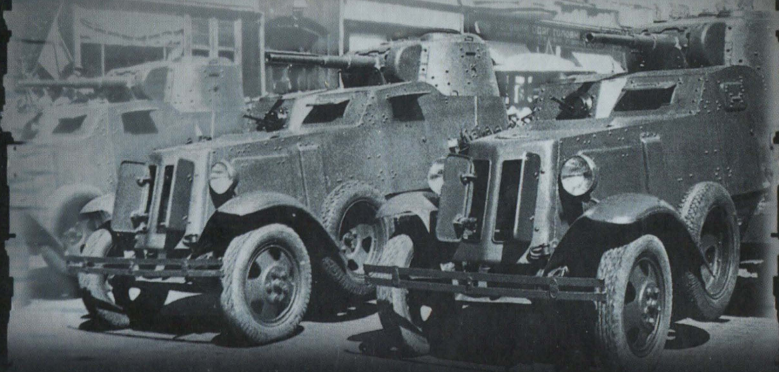

Великая Отечественная: Неизвестная война

Детектор правды

Виктор СУВОРОВ

Великая Отечественная: Неизвестная война

Виктор Суворов

**Детектор
правды
Виктор Суворов**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
Д 38

Сканирование: vmarkanov
Обработка: Vitautus

Оформление серии *П. Волкова*

Д 38 **Детектор правды Виктор Суворов / [авт.-сост. : Д. Хмельницкий].** — М. : Яуза-пресс, 2011. — 320 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-9955-0228-9

«Книги Виктора Суворова стали настоящим ДЕТЕКТОРОМ ЛЖИ — после публикации знаменитого «Ледокола», буквально взорвавшего советскую мифологию Второй Мировой и перевернувшего прежние представления о причинах и виновниках величайшей трагедии XX века, на автора ополчился весь исторический официоз и посыпались заказные «разоблачения» и проклятия кремлевского агитпропа. Но бестселлеры Виктора Суворова — это еще и ДЕТЕКТОР ПРАВДЫ: несмотря на негласную цензуру, всё больше независимых историков со всего мира выступают в его поддержку и находят всё новые подтверждения его сенсационной гипотезы.

В юбилейную, десятую книгу проекта «Правда Виктора Суворова» включены лучшие статьи, доказывающие, что в 1941 году Сталин действительно готовился напасть на Германию и «советизировать» Европу, и проливающие свет на самые запретные страницы прошлого. Сам Виктор Суворов не только одобрил этот проект, но и предоставил для книги свою новую работу, еще не известную читателям».

(От составителя)

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0228-9

© Хмельницкий Д. С., авт.-сост., 2011
© ООО «Яуза-пресс», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Проблемы изучения предпосылок Второй мировой войны не ограничиваются ответом на вопрос, который задал Виктор Суворов, — «Готовил ли Сталин нападение на Европу?».

Исчерпывающий ответ самого Суворова и его ключевые выводы подтвердило множество других исследователей из разных стран мира. Да, Сталин готовил мировую войну и был одним из двух ее основных виновников. Причем главным. Именно от Сталина зависело в конечном счете, сохранится в Европе (и на других континентах) мир или нет. Подрыв хрупкого политического равновесия в мире и провокация войны, в которую СССР смог бы вступить в нужный момент и с выгодой для себя, были главной целью Сталина после его прихода к абсолютной власти в конце 20-х годов.

Альтернативной версии поведения Сталина до войны, хоть как-то объясняющей его внешнюю и внутреннюю политику, сегодня не существует, и нет ни малейших шансов, что она появится в будущем.

Однако процесс изучения истории по-настоящему только начинается после решения главных исторических загадок. Ответ на вопрос о целях и намерениях Сталина тянет за собой уйму вопросов, касающихся того, как он решал поставленную перед собой задачу.

Пока только в самых общих чертах известно, как Сталин обеспечил на пустом месте, без малейших финансовых, материальных и технологических ресурсов строительство многомиллионной высокомеханизированной армии;

откуда добыл средства и рабочую силу для создания тяжелой промышленности, без которой возник-

новение развитой военной промышленности было бы невозможно; какими способами принудил население выполнять его планы;

какие конкретные военно-политические планы разрабатывал в 30—40—50-е годы;

как обеспечивал себе внешнеполитическую поддержку демократических государств, которые, по логике вещей, не могли испытывать к нему и к его государству ничего, кроме глубокого отвращения;

И т. д. и т. п.

Открытыми остаются и многие частные вопросы истории Второй мировой войны, например военные преступления Красной Армии на оккупированных ею немецких, восточно-европейских (да и на своих собственных) территориях. Да и вопрос о том, какие именно территории можно считать советскими, тоже неясен.

Поскольку хорошо известно, что военно-политическим планам (грубо говоря, планам военной агрессии вовне) были подчинены все действия Сталина во всех остальных областях жизни, то можно с полным правом считать изучение экономики, политики и культуры сталинской эпохи частью изучения сталинской военной истории.

И наоборот — изучение военной истории неотделимо от изучения экономики, культуры и политики сталинского государства.

По-настоящему и всерьез работа по комплексному изучению истории сталинской эпохи началась в России не так давно, только после развала СССР, снятия цензурных запретов и возникновения пусть и ограниченного, но доступа к архивным документам эпохи.

Предлагая читателям очередной сборник из серии «Правда Виктора Суворова» со статьями историков из разных стран, касающихся самых разных аспектов истории Второй мировой войны, мы надеемся внести вклад в консолидацию знаний по этой, во многом еще очень загадочной, теме.

Дмитрий Хмельницкий

Виктор СУВОРОВ

КАТЫНЬ ИЛИ ХАТЫНЬ?

Правители Советского Союза нашли радикальное решение для проблемы Катыни: Хатынь!

В ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях, особенно в Белоруссии, шла настоящая гражданская война: нацистские оккупанты творили неисчислимые злодеяния, народ воевал как против нацистов, так и против коммунистических партизан, коммунистические партизаны воевали как против нацистов, так и против собственного народа. Количество жертв не поддается никакому учету. В Белоруссии могилы прошлой войны — везде. А по лесам все еще валяются неубранные кости убитых. Были разрушены десятки и сотни городов, тысячи предприятий, взорваны тысячи мостов и неисчислимые километры железных дорог, сожжены, часто вместе с жителями, сотни и тысячи деревень.

После войны были подведены итоги. И вдруг в списке уничтоженных оккупантами населенных пунктов мелькнуло такое красивое название: Хатынь!

И было решено раздуть культ деревни Хатынь. На это были брошены огромные средства. Район уничтоженной деревни был объявлен государственным заповедником. На месте Хатыни был построен мемориальный комплекс площадью 26 гектаров, впоследствии расширенный до 50 гектаров. Гранит поставляла Украина, белый мрамор — Сибирь. Были возведены

грандиозные монументы и бронзовые статуи, зажжен вечный огонь, открыт музей, каждые 30 секунд звонят колокола. В Хатынь стали возить школьников и ветеранов, там стали принимать присягу молодые солдаты, туда везли туристов со всего мира, на святые могилы женихи приводили невест и тут клялись в верности, священники творили молитвы, помахивая кадилами.

Про Хатынь писали статьи и книги. Про Хатынь снимали фильмы. Хатынь! Хатынь! Хатынь!

Вершиной прославления Хатыни стала выставка в Минске «Хлебное и кондитерское дело-2010». На выставке был представлен свадебный торт «Хатынь». Кондитер вылепил из шоколада центральную статую мемориального комплекса — непокоренный человек с трупом мальчика на руках и счастливую пару молодоженов у подножия обелиска. Мастер шоколадного дела явно рассчитывал сорвать первый приз. Потому как любое упоминание Хатыни всегда поощрялось по высшей шкале. Труп шоколадного мальчика, надо полагать, следовало скушать во время свадьбы.

Деревень на оккупированных территориях Советского Союза сожжено тысячи. Но нас заставляли помнить только одну — Хатынь.

Если вы сегодня спросите любого русского школьника про Катынь, то он вам быстро и четко ответит: Хатынь? Как же, как же. Знаю. Это деревня. Немцы ее сожгли. Но спросите его: а можешь ли назвать имя еще одной сожженной немцами деревни?

Этого он сделать не может.

Спросите любого взрослого русского человека: назовите деревни, которые сожгли немцы. Он без запинки назовет Хатынь и... И это все.

Мой компьютер работает на русских программах. Я пишу «Катынь», а он мне отвечает: допущена грамматическая ошибка, такого слова нет. Спрашиваю: а как надо писать? Умная машина отвечает: «Хатынь».

В «Советской военной энциклопедии» не упомяну- та Катынь, но есть статья про Хатынь.

Постойте! Это ведь Военная энциклопедия. Почему в ней упомянута только одна сожженная деревня, если их сожгли тысячи? Давайте или все перечислим, либо ни одну по имени вспоминать не будем. Отчего великий почет одной деревне, если их было много? Зачем тратить деньги на возведение монументов именно в Хатыни, а не на месте сожженной деревни Ивановки или Петровки? Зачем лепить шоколадные трупы именно этой деревни, но не соседней?

В русском языке на это есть ответ: НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ.

Тот, кто совершил преступление, своими действиями выдает себя. Зачем создан культ деревни Хатынь? Чтобы затмить и заслонить преступление в Катыни. Это прием карточных шулеров — передернуть карту. Мы задаем вопрос об одном, а нам дают ответ о чем-то совсем другом.

Если бы польских офицеров в Катыни расстреляли немцы, то зачем советскому руководству надо было отвлекать внимание народа от Катыни, выставляя вместо этого другую трагедию в Хатыни?

Интересно проследить во времени процесс замещения Катыни Хатынью.

В 1954 году Большая Советская Энциклопедия на карте в районе Минска не показывает никакой Хатыни.

В 1956-м Большая Советская Энциклопедия добралась до буквы «С», на карте Смоленской области показана Катынь.

В 1969 году Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР издало грандиозный «Атлас СССР». В этом очень подробном атласе уже нет никакой Катыни. Правда, еще не появилась и Хатынь.

В 1971 году Хатынь прочно занимает место на картах.

Затраты на строительство колоссального комплекса в Хатыни себя оправдывали. В 1974 году президент США Ричард Никсон во время официального визита в

СССР посетил Хатынь в полной уверенности, что вечный огонь горит на могиле польских офицеров. Никто из советских официальных лиц не пытался вывести высокого гостя из этого столь Кремлю желанного заблуждения.

В то же самое время ряд польских организаций в Лондоне пытался пробить разрешение на возведение скромного обелиска жертвам Катыни. Отказ властей Лондона был мотивирован просто и убедительно: зачем скромный монумент в Лондоне, если есть грандиозный в Хатыни!

Но вот рухнул Советский Союз, и некоторые тайны приоткрылись. И последний президент Советского Союза Горбачев, и первый президент России Ельцин полностью признали вину Сталина, коммунистической партии и НКВД в уничтожении польских офицеров.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ, в девичестве — КГБ СССР) опубликовала сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» (Москва, 1995).

Редакционную коллегию возглавил директор ФСБ генерал-лейтенант С. В. Степашин. В составе редакционной комиссии — все тогдашнее руководство ФСБ: генерал-полковники А. П. Быков и В. М. Зорин, вице-адмирал П. Ф. Дубровин, генерал-лейтенанты А. А. Краюшкин, В. А. Тимофеев, Ю. Н. Степанов, В. И. Кравцов, генерал-майор В. Е. Мануильский и другие ответственные товарищи.

В сборнике документов помимо прочего помещена выписка из протокола заседания Политбюро ЦК Коммунистической партии от 5 марта 1940 года (стр. 156).

Это официальное решение Сталина и его подручных об уничтожении польских офицеров. На следующей странице — Приказ НКВД № 886/Б начальнику управления по делам военнопленных П. К. Супруненко о составлении точных списков польских офицеров, содержащихся в советских лагерях.

После этого — доклад председателя КГБ А. Н. Шелепина Никите Хрущеву от 3 марта 1959 года: расстреляно в Катыни 4431, в Старобельском лагере — 3820, в Осташковском лагере — 6311, в других лагерях и тюрьмах — 7305.

Публикация этих документов — официальное признание вины высшим руководством советской тайной полиции. Никто из всех названных товарищей за такие откровения не был наказан и не был назван фальсификатором. Наоборот, авторы сборника поднялись высоко. Председатель редакционной комиссии С. В. Степашин стал министром юстиции, затем — министром внутренних дел, далее премьер-министром России.

Но вот все изменилось. Рассекреченные документы вновь стали секретными. Правители России заявили: раз поляки нас не любят, мы не будем сотрудничать в деле расследования преступления в Катыни и других местах массового уничтожения пленных офицеров.

Где логика?

Если поляки вас почему-то не любят, то, наоборот, надо срочно открыть все свои тайники и показать: мы ни в чем не виноваты! Или наоборот: да, это вина кровавого режима! Вы можете нас не любить, но мы ничего не прячем, преступления сталинского режима осуждаем.

Но все обстоит прямо наоборот. Центральная газета Министерства обороны «Красная Звезда» (15 апреля 2006) публикует статью о том, что во всем виноваты немцы, а поляки используют это преступление, чтобы «устраивать вакханалии на костях собственных граждан». Так прямо и написано: — вакханалии на костях собственных граждан!

Вышла книга какого-то Мухина о том, что Катынь — это провокация против России. Сталин ни в чем не виноват. Это преступление Гитлера, а поляки используют преступление, чтобы досадить Москве.

И вот после такой идеологической подготовки 22 мая 2008 г. Главная военная прокуратура отказалась

передавать материалы по Катыни польской стороне. Обоснование: большинство из 183 томов имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

Вот и все. И это признание. Официальное и окончательное.

Давайте на секунду поверим, что поляков расстреляли немцы. Что же получается? Преступление совершено семь десятков лет назад. Гитлеровской Германии давно нет. Советского Союза нет уже два десятка лет. Нет ни гестапо, ни СС, ни НКВД. Но современная демократическая Россия почему-то хранит документы о преступлениях гитлеровцев, как великую государственную тайну России.

Как известно, Главная военная прокуратура России укомплектована не самыми умными людьми. Вы только послушайте: преступление совершили гитлеровцы, но мы об этом никому не скажем, мы навеки это сохраним под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно».

Объясните же мне, зачем хранить секреты гитлеровских преступников всей мощью Государства Российского?

Закон России требует открывать архивы через 30 лет. Почему вопреки законам «преступление гитлеровцев» нельзя рассекретить через 70 лет?

Заявление о том, что «преступления СС» раскрывать нельзя, свидетельствует только о том, что Главная военная прокуратура укомплектована скрытыми гитлеровцами, которые, однако, своего нацистского нутра даже и не прячут. Главная военная прокуратура готова нарушать законы России, лишь бы миру не стали известны подробности кровавых преступлений Гитлера, лишь бы даже и через семь десятков лет мир не узнал имена фашистских палачей. Но если так, то вся Главная военная прокуратура должна давно сидеть в Лефортове.

И если Генеральный прокурор России покрывает подчиненных ему военных прокуроров, то и ему место на нарах.

Граждане прокуроры, туши шапки!

Джахангир Наджафов¹

ДИЛЕММА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ

...Будем копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом.

Жданов А. А. Доклад на партийной конференции в Ленинграде 3 марта 1939 г.

...Берлин, и вся война на территории Германии, и вообще вся война за границами СССР были первой битвой Сталина с бывшими союзниками, а вовсе не завершением войны.

Попов Г. Х. Три войны Сталина. М. 2006. С. 91.

На исходе второго года Второй мировой войны, с нападением гитлеровской Германии на сталинский Советский Союз, последний примкнул к уже воюющей коалиции западных демократических стран, приняв провозглашенную ими двуединую цель войны — уничтожение гитлеризма (нацизма) и построение лучшего послевоенного мира. Но так как новоявленная Советско-западная коалиция объединила государства с разнородными социальными системами и различными долгосрочными целями, последствия мировой войны

¹ *Наджафов, Джахангир Гусейнович*, ведущий научный работник-консультант Института всеобщей истории РАН. Занимается общими проблемами истории XX века.

оказались не теми, какие желала бы каждая из сторон. Да, с тоталитарным германским нацизмом, представлявшим общую угрозу, было покончено. В то же время сталинский Советский Союз воспользовался победой союзников над Германией, чтобы навязать свои порядки странам Центральной и Восточной Европы, которые оказались под его военным контролем. Очень скоро континент оказался разделенным взаимной враждебностью, на этот раз между тоталитарным Советским Союзом и демократическим Западом.

Неоднозначные последствия мировой войны, по окончании которой между победившими союзниками возникла «холодная война», вновь и вновь ставят вопрос, чем же была Вторая мировая война, если, развязав один узел противоречий — в результате победы над нацизмом, — она завязала другой тугой узел противоречий на том же глобальном уровне. Отсюда попытки вычленить главную, определяющую черту в характеристике минувшей мировой войны. При этом в центре внимания оказался вопрос о ее причинах, глубинных истоках и предпосылках. Выяснилось, что то или иное истолкование происхождения мировой войны предопределяет, в общем и целом, вывод о направленности войны. С соответствующими последствиями — непосредственными и длительными.

Исследовательский интерес к мировой войне подогревается противоречивостью ее оценок, содержащихся в бесчисленном количестве публикаций. Их авторы, включая мемуаристов и историков, отличаются несхожестью суждений по многим вопросам. В том числе по принципиальным — о причинах и сущности мировой войны. Разброс мнений является данностью, отражая, с одной стороны, сложность проблематики мировой войны; с другой — различия в подходах, обусловленные исходными идейными позициями.

Понятно, что невиданное ожесточение враждующих сторон, вынудившее побежденных к безоговорочной капитуляции, нуждается в должном постижении.

Адекватного смысла войны, охватившей весь мир; ее роли и месту в историческом процессе. Однако в пылу бесконечной полемики (которая не ограничивается рамками историографии, перекинувшись в сферу международной политики) по вопросу о том, кто и как развязал всеобщий вооруженный конфликт, ввергнув народы мира в страшное кровопролитие, а кто своей политикой так или иначе содействовал этому, мировоззренческий, идеологический фактор — важнейший для познания феномена Второй мировой войны — как бы отодвигается на задний план.

Между тем Вторая мировая война, в отличие от Первой, переросла рамки традиционного межгосударственного соперничества, выявив еще на ранней стадии развивавшегося конфликта несовместимость жизненных принципов противников. Само складывание коалиций враждующих государств шло по признаку общности их общественно-политического устройства: тоталитарные против демократических. Стремление Советского Союза возвыситься над противоборствующими капиталистическими коалициями вылилось в его соучастии в войне вначале на стороне нацистской Германии, затем — на стороне демократического Запада, что уже исключает однозначную оценку советской роли в минувшей мировой войне.

Прямая, открытая конфронтация мировых идеологий, по существу, и предопределила расстановку сил. Каждая из идеологий враждующих сторон — нацистская, коммунистическая, либерально-демократическая — выступала как наднациональная идеология, обращенная во внешний мир — «граду и миру»; каждая претендовала на максимальное распространение. Но если первые две идеологии представляли воинственные силы тоталитаризма с достаточно предсказуемыми последствиями их торжества, то за либерально-демократическую идеологию говорил наработанный исторический опыт продвинутых стран западной цивилизации.

Конфликт идеологий явился результатом противоположных представлений о лучшем миропорядке. На вызовы времени стороны конфликта давали разные ответы. Ответы лидеров национал-социалистической Германии и коммуно-социалистического Советского Союза повторяли тоталитарный опыт их стран, отражая линию на последовательную социализацию жизни всеми средствами, вплоть до варварских. Страны западной демократии, хотя и предлагали далеко не новые рецепты, но апеллировали к универсальным человеческим ценностям. Таким, как «четыре свободы» американского президента-либерала Ф. Рузвельта: «свобода слова и самовыражения; свобода каждого исповедовать веру в Бога своим путем, повсюду в мире; свобода от нужды и свобода от страха»¹. Жесткое конкурентное сосуществование столь несовместимых идеологий, по логике истории, не могло длиться слишком долго.

При этом приходится считаться с причудливым сплетением разнонаправленных интересов, сказавшихся на целевых устремлениях участников войны. Одни страны — Англия, Франция, США — отстаивали не только завоевания западной цивилизации, но и свои доминирующие позиции в мире. Другие были заражены амбициями как расово-великодержавными — Германия, Япония, так и классово-имперскими — Советский Союз. Третьи — Китай, Эфиопия, Бельгия и большинство стран, вовлеченных в водоворот мировой войны, вынужденно прибегли к самозащите.

Разрушительные по своей ориентированности нацистская и марксистская идеологии сами по себе являлись источником международной напряженности. Д. М. Проэктор, много занимавшийся историей Второй мировой войны, причины экспансионизма тоталитарных государств усматривал в политике их лидеров, осознавших, что переход мирового сообщества

¹ См. *Наджафов Д. Г.* Нейтралитет США. 1935–1941. М., 1990. С. 148–149.

в новое историческое качество «подорвет основы их власти: у нацизма — расовую доктрину, у сталинизма — доктрины классовой борьбы и мировой пролетарской революции»¹. Расставаться же с властью, с этим «наслаждением из наслаждений» (М. Джилас), диктаторы не желали больше всего.

Тоталитарные режимы XX века — времен И. В. Сталина, А. Гитлера, Б. Муссолини — возникли для достижения целей, вытекавших из определенных идеологических установок. Целей как внутренних, так и внешнеполитических, с преобладанием последних². С такой постановкой вопроса согласен В. С. Лельчук, возглавлявший международную ассоциацию «Изучение сталинизма и его последствий»³. Он следующим образом характеризует признаки, раскрывающие тоталитарную суть сталинизма: 1) повседневная практика насильственного создания общества, где безраздельно господствует одна форма собственности (государственная), одна идеология (марксизм-ленинизм), правит одна партия (коммунистическая), руководит один лидер (верный ленинец); 2) неуклонное стремление преобразовать мир по образцу и подобию социализма, официально провозглашенного в СССР⁴.

Но не для всех отечественных историков такое определение сталинизма, увязывающее внутреннюю политику с внешней, оказалось приемлемым. Вопреки логике причинно-следственной связи между внутренней и внешней политикой в ходу утверждения,

¹ *Прозктор Д. М.* Размышления о холодной войне. Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 395.

² *Загладин Н. В.* Тоталитаризм и демократия: конфликт века. // XX век. Многообразие. Противоречивость. Целостность. М., 1996. С. 16–17.

³ Международная ассоциация «Изучение сталинизма и его последствий» была создана по инициативе известных ученых и деятелей искусств Англии и СССР, ее конференции и симпозиумы проходили в Лондоне, Москве, Афинах, Барселоне.

⁴ *Лельчук В. С.* Апогей и крах сталинизма. Страницы российской истории. М., 1998. С. 5.

будто сталинская внешняя политика (в кричащем отличии от внутренней) была реалистичной, рациональной, даже единственно возможной. Но если от критики сталинизма отсекается его внешняя политика, то многое в нем так или иначе оправдывается. Отсюда продолжающиеся усилия скрыть роль сталинского Советского Союза в возникновении Второй мировой войны, что сделало этот вопрос одним из самых охраняемых тайн сталинизма. Область внешней политики все еще остается прибежищем сталинизма. В интересах объективного анализа генезиса мировой войны сталинская внешняя политика заслуживает самого пристального внимания, а именно — ее экспансионистская суть, классово-имперские цели.

Сверхзадачей агрессивных режимов стала форсированная милитаризация экономики с целью подготовки завоевательных войн. Из многочисленных трудов по предыстории Второй мировой войны хорошо известно о планомерной подготовке к войне Германии и Италии в Европе и Японии на Дальнем Востоке. О подготовке к войне Советского Союза В. М. Молотов, возглавлявший правительство в 1930—1941 гг., впоследствии говорил: «Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было уже невозможно!» И он же: «Готовились с колоссальным напряжением, больше готовиться, по-моему, невозможно. Ну, может быть, на пять процентов больше можно было сделать, но никак не больше пяти процентов»¹. Начиная с октября 1938 г., читаем в одной из последних работ В. Суворова, по приказу Сталина каждый вечер каждый директор военного завода лично отчитывался перед Москвой за выполнение дневного задания².

¹ Чуев Ф. М. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 45, 47. См. также: Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921—1941. М., 2001.

² Суворов В. «Военная наука» на советский манер. // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. С. 21.

При работе над четвертым томом многотомной «Истории Второй мировой войны»¹, посвященным начальному периоду советско-германской войны (я был членом редколлегии и одним из авторов тома), возникла идея дать во введении к тому обобщенную картину соотношения сил будущих главных участников мировой войны — их армий, вооружений и т. п. Но пришлось отказаться от этого, так как среди государств мира явное первенство в деле милитаризации принадлежало как раз Советскому Союзу. По официальным данным, известным с советских времен, ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 гг. составлял 39%, втрое превосходя прирост всей промышленной продукции². По тем же данным, в первые три года третьей пятилетки (1937—1939 гг.) на оборону шло 26,4% всех бюджетных ассигнований, в 1940 г. — 32,6%, в 1941 г. — 43,4%. Германия и Англия в это время тратили на военные нужды примерно 15% бюджета³.

Иллюстрируя вышесказанное, можно сослаться на официальную запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции, состоявшегося в Москве 15 августа 1939 г. К этому времени длительные советско-западные дипломатические переговоры об организации противодействия агрессии гитлеровской Германии переросли в стадию военных переговоров. На заседании советская военная миссия представила план, по которому в случае ожидаемого немецкого нападения на Польшу СССР готов был выставить против агрессора 120 пехотных дивизий (каждая численностью 19 тысяч человек), 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков, 5—5,5 ты-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. В 12 т. М., 1973—1982.

² См. Мельтюхов М. И. Преддверие Великой Отечественной войны. 1939—1941 гг.: Становление великой державы. // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. С. 72.

³ См. Фельштинский Ю. Десять лет спустя. Историческая концепция Виктора Суворова. // Там же. С. 157.

сячи бомбардировщиков и истребителей¹. От этих цифр у англо-французских участников военных переговоров «буквально перехватило дух»². При этом советская сторона исходила из того, что Германия может бросить против Польши до 90 дивизий³.

Следует подчеркнуть и тот факт (ранее замалчиваемый, ныне общепризнанный) — что к 22 июня 1941 г., началу советско-германской войны, по количественным параметрам перевес, притом значительный, был на стороне советских вооруженных сил. Из авторской работы над материалами упомянутого 4-го тома «Истории Второй мировой войны» (не все они вошли в окончательный текст) я вынес убеждение, что первоначальные успехи немецкой армии, с пленением нескольких миллионов красноармейцев, во многом объяснялись неготовностью многих наших людей умирать за советскую власть. Какого иного отношения следовало ожидать от советских людей в военной форме, преимущественно выходцев из крестьян, после жестокостей коллективизации, раскулачивания, голодомора, Большого террора 1937–1938 гг.? Война с гитлеровской Германией стала всенародной — поистине Великой Отечественной советского народа, когда немцы осадили Ленинград, стояли у Москвы и дошли до Сталинграда. Когда встал вопрос о выживании народа и страны, о защите чести и свободы людей.

В последний год перед гитлеровским нападением были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР (они, как правило, писались Сталиным и лишь подписывались «всесоюзным старостой» М. И. Ка-

¹ Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции. 15 августа 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.) Документы и материалы. М., 1971. С. 574.

² *Ширер У.* Англо-французские переговоры с Советским Союзом летом 1939 года. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 39.

³ Там же. С. 576.

лининым), чрезвычайно строго регламентировавшие труд рабочих и служащих. Газета «Правда» в передовой статье от 3 августа 1940 г. «Внешняя политика великой страны социализма» реализацию одного из таких указов, датированного 26 июня 1940 г., поставила в непосредственную связь с тем, как «учит нас товарищ Сталин, — нужно держать весь наш народ в состоянии мобилизационной готовности». Что это означало, растолковал через несколько дней тот же центральный партийный орган в передовой «За высокую дисциплину труда в колхозах». Требование «необходимости крутых мер» против лодырей, тунеядцев, «сидящих на шее колхозов», газета дополнила примером передовиков производства на селе: встают «рано утром, до 5—6 часов, и кончают работу в поле после захода солнца. Они разумно используют каждый час, не теряют ни одной минуты»¹. Работа от рассвета до захода солнца — это 12 часов рабского труда. Деморализующие последствия сталинских репрессивных указов не заставили себя ждать.

Установка свыше «держать весь наш народ в состоянии мобилизационной готовности» естественно вытекала из присущей российской истории и доведенной при советской власти до предела базовой дихотомии — когда в подходе к внешнему миру во главу угла ставится различие «свой — чужой». Свойственное в принципе любому обществу, говорится в исследовании «Левада-центра», в нашем российском случае «оно принципиально, конститутивно и поддержано разными институтами — в первую очередь институтами власти». Такими архаичными отношениями, говорится далее в исследовании, «пронизано все общество, они закреплены в государственной идеологии, легитимируют власть и составляют основу ее авторитета. Обусловленная историей приверженность к таким отношениям ведет к изоляционизму, к острому недоверию

¹ Правда. 1940. 9 августа.

к внешнему миру и к особым способам интеграции общества — оно интегрируется по отношению к любым чужим»¹. Так оправдывается внешняя политика, исходящая исключительно из сугубо эгоистических, экспансионистских расчетов. Что особенно верно для сталинского режима, когда и произошло становление советской тоталитарной системы как таковой.

Советский Союз, неизменно настаивавший на уникальности своего положения в системе международных отношений — как единственная в мире страна социализма, с приближением всеобщего вооруженного конфликта все больше укреплялся в выгодах своей антикапиталистической позиции — обстоятельство чрезвычайной важности для понимания происхождения Второй мировой войны. На это обстоятельство обращал внимание еще в далекие советские времена Д. М. Проэктор в статье о Второй мировой войне для Большой Советской Энциклопедии. В кризисные предвоенные годы, говорилось в статье, межимпериалистические противоречия «развивались параллельно и во взаимодействии с противоречиями между двумя системами», которые характеризуются автором как «главное противоречие эпохи»². Другими словами, факторами мировой войны были как «межимпериалистические противоречия», так и антагонизм двух систем.

На весьма любопытные соображения о направленности предвоенной международной политики СССР наводят сталинские правки в международный раздел последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)», увидевшего свет в середине сентября 1938 г. То есть еще до сговора в Мюнхене (когда на главах Англии и Франции Н. Чемберлене и Э. Даладье еще не было

¹ Фоторобот российского обывателя. Свой — чужой. // Новая газета. № 60. 18.08. — 20.08. 2008 г. С. 8.

² Проэктор Д. М. Вторая мировая война 1939–1945. // Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. М., 1971. С. 480.

клейма «мюнхенцев»), ставшего еще одним оправданием для проведения Сталиным особого, сепаратного внешнеполитического курса в преддверии вооруженного конфликта в Европе. В отпечатанный текст вписан целый абзац, в котором, говоря о двух сложившихся капиталистических коалициях, Сталин подчеркнуто не отдавал предпочтения ни одной из них. Хотя и разделял их участников на «агрессивные» и «неагрессивные» государства, которые, однако, по его мнению, были одинаково враждебны революционным движениям. Пикантность пространной сталинской вставки придавала ее заключительная фраза — угроза «исторического возмездия», высказанная в адрес правящих кругов Англии и их друзей во Франции и США¹.

Имелась в виду, конечно, и антизападная заостренность захватнических планов нацистской Германии. «Кремлевский горец» еще долго будет строить свои расчеты на том, что нападение на СССР не входит в первоначальные планы Гитлера. Вот как Сталин правил то место международного раздела последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)», в котором говорится о немецком плане насильственного пересмотра границ европейских государств (сталинская правка выделана курсивом): *«По этому плану предполагается: сначала захват Австрии, потом удар по Чехословакии, потом, пожалуй, — по Польше, где тоже имеется целостная территория с немецким населением, граничащая с Германией, а потом... потом «видно будет»*². Давнее предположение Сталина, что германская агрессия в первую очередь будет развиваться в за-

¹ Замененные страницы с правкой Сталина. // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 558. Опись. 11. Дело 1217. Лист 33. Текст «Международного раздела» последней 12-й главы «Краткого курса истории ВКП (б)» с правкой Сталина впервые опубликован в газете «Правда» 19 сентября 1938 г.

² Глава XII «Краткого курса», раздел 1: Международный. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1216. Л. 620.

падном направлении, против Франции и Англии¹, переросло в уверенность, что так оно и будет.

1—3 сентября 1939 г. «вторая империалистическая война», о начале которой Сталин впервые публично объявил за год до этого, переросла, как он и предсказывал, в войну мировую, всеобщую. Чему решающим образом он содействовал, заключив пакт о ненападении с Гитлером. Сам Гитлер так оценивал стратегическое значение советско-германского пакта для реализации его программы завоеваний в Европе: «В первый раз за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта. Наступили такие условия, о которых мечтали, начиная с 1870 г.... Сейчас (ноябрь 1939 г. — Д. Н.) Восточный фронт удерживается силами нескольких дивизий. Создалась такая обстановка, которую раньше мы считали совершенно невозможной»².

В Кремле же играли в большую геополитику, прекрасно сознавая, что пакт одномоментно и круто изменил баланс сил в Европе. Достаточно сослаться на заявление В. М. Молотова, подписавшего пакт вместе с И. Риббентропом, сделанное на сессии Верховного Совета СССР 31 августа, о том, что советско-германский пакт знаменует *«поворот в истории Европы, да и всего мира»*³. Следующим днем, 1 сентября 1939 г., как раз и датируется Вторая мировая война, которая действительно стала поворотным актом в мировой истории. Оправдались предположения тех евро-

¹ Рукопись статьи М. Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И. В. Сталина. 29 марта 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 168, 169.

² Совещание руководителей Вермахта 23 ноября 1939 г. (выступление Гитлера). // «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 77—78.

³ Выступление В. М. Молотова на внеочередной IV сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. 31 августа 1939 г. // Известия. 1939. 1 сентября. Курсив мой.

пейских политиков и дипломатов, которые считали, что всеобщий вооруженный конфликт на континенте невозможен до тех пор, пока не определится позиция СССР.

Сталин был готов к такому повороту событий. Вот какую линию внешней политики следовало, по его собственным словам, проводить Советскому Союзу в начавшейся войне между странами «враждебного капиталистического окружения». Через несколько дней после перерастания «второй империалистической войны» в войну «всеобщую, мировую» Сталин инструктировал руководителя Коминтерна Г. Димитрова (по дневниковой записи Димитрова):

Война «идет между двумя группировками капиталистических стран за передел мира, за господство над миром!», «мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», «неплохо, если руками Германии было [бы] расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)», «Гитлер, сам не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему», «мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»¹.

Обосновывая подход к Второй мировой войне под классовым углом, Сталин писал по ее окончании, что война была порождена дальнейшим углублением «общего кризиса капитализма», выход из которого каждая из «вцепившихся друг в друга» капиталистических коалиций (тех самых, которых в разное время поддерживал Советский Союз, чтобы они «лучше разодрались») видела в том, чтобы «разбить противника и добиться мирового господства». А главным результатом мировой войны считал то, что образовался «единый

¹ Из дневника Г. Димитрова об указаниях И. В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах компартий. // Политбюро ЦК РКП (б) — ЦК ВКП (б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 779—780.

и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма»¹. Противопоставив «лагерь социализма» и бывшим врагам, и бывшим союзникам, Сталин по-своему, по-марксистски объяснил, почему в ходе мировой войны отношения СССР с ее участниками основательно менялись — от сотрудничества к враждебности и наоборот, когда это отвечало классово-имперской стратегии Советского Союза.

На закрытом совещании в ЦК ВКП (б), подводившем итоги малоудачной войны с Финляндией зимой 1939—1940 гг., Сталин наглядно раскрыл смысл договоренности с Гитлером — заключение советско-германского пакта о ненападении за несколько дней до всеобщего конфликта. Оправдывая свое нападение на Финляндию (под предлогом обеспечения безопасности Ленинграда), он сослался на подходящую международную обстановку — войну Германии против Англии и Франции, когда «три самые большие державы вцепились друг другу в горло». Когда же решать вопрос о Ленинграде, говорил Сталин, «если не в таких условиях, когда руки (капиталистических противников СССР. — *Д. Н.*) заняты и нам представляется благоприятная обстановка, чтобы их в этот момент ударить»².

Советская внешняя политика, лишенная опоры в виде рациональной теоретической системы (марксизм-ленинизм не мог и не стал такой опорой), была далека от отстаивания идеалов демократии и свободы. Не была она и подлинно антифашистской. Как известно, главным в государственной конструкции Советского Союза и, следовательно, основой советской внешней политики было «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране». Обо-

¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953. С. 71—72.

² И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). // Зимняя война. 1939—1940. В 2-х кн. М., 1999; Кн. 2. С. 272.

ротной стороной медали была антикапиталистическая стратегия, принятая на вооружение с момента прихода к власти большевиков в 1917 г. С тех пор остальные страны как были, так и оставались «враждебным капиталистическим окружением». При этом борьба против «буржуазно-демократического» Запада была фактором первостепенной важности. М. И. Мельтюхов (получивший известность своей книгой «Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 гг.») пишет, что с самого начала стратегической целью советской внешней политики «стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников»¹.

Антикапиталистический тренд внешней политики страны социализма, заложенный Лениным, был закреплён Сталиным. Примерно на рубеже 1936—1937 г., разувверившись в действенности коминтерновского лозунга народного фронта против фашизма и войны и политики коллективной безопасности (в попытке углубить «межимпериалистические противоречия», противопоставив одни капиталистические государства другим), Сталин возобновляет критику с классовых позиций и «фашистских агрессоров», и «так называемых демократических стран». Тем самым задача раскрытия объективно существовавшего конфликта между демократическими и тоталитарными государствами была заменена пропагандой своего рода внешнеполитической версии известной сталинской формулы «социал-фашизма». Лидеров германской социал-демократии, расчисливших, по мнению Сталина, «своей соглашательской политической дорожку для фашизма»², сменили западные «провокаторы войны», расчищавшие путь для агрессии гитлеров-

¹ Мельтюхов М. Преддверие Великой Отечественной войны 1939—1941 гг.: Становление великой державы». // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. С. 32.

² Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 289.

ской Германии¹. В сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)» утверждалось, что западные демократические страны «больше боятся» мирового революционно-освободительного движения, чем фашизма и его агрессии². По этой логике, разоблачение и борьба против «provokatorov войны» на Западе становились предпосылкой и условием успешной борьбы с мировым фашизмом, олицетворяемым германским нацизмом.

И много лет спустя советские руководители оставались в плену представлений об антисоветском капиталистическом Западе, заданных сталинским «Кратким курсом истории ВКП (б)». Страны Запада оказывались виноватыми и тогда, когда пошли на «мюнхенский сговор», и тогда, когда «сорвали» тройственные англо-франко-советские переговоры в Москве, которые велись с объявленной целью предотвратить войну; и тогда, когда после ее начала не оказали, вопреки ожиданиям в Москве, должного, т. е. продолжительного, сопротивления Германии; наконец, и тогда, когда затягивали с высадкой своих войск на севере Франции. Виноваты были все страны — и «агрессивные», и «неагрессивные». Потребность во внешнем враге была присуща советскому руководству во все времена.

Среди части историков существует мнение, что при Сталине произошел отход от линии Коминтерна на мировую революцию (противоположного мнения придерживаются, вероятно, большинство исследователей вопроса). Сторонники такой точки зрения, думается, не учитывают в должной мере известное ленинско-сталинское положение о СССР как *базе и инструменте мировой революции*³. Ни один из совет-

¹ Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. С. 13–14, 15.

² Краткий курс истории ВКП (б). С. 319.

³ Речь И. Сталина на пленуме ЦК ВКП (б) о программе Коминтерна. 5 июля 1928 г. // Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 670.

ских руководителей — преемников Ленина (исключение можно сделать разве что для М. С. Горбачева), никогда не отказывался от коминтерновских идей. И за пределами Советского Союза никто всерьез не верил в то, что Кремль отказался от глобальных коммунистических планов. Роспуск Коминтерна в 1943 г. означал не отказ от революционно-силовых установок в международных отношениях, а стал результатом возраставшей опоры в борьбе против мирового капитализма на военно-стратегические возможности СССР.

При той же долгосрочной цели — низвержения капиталистических правительств, где только для этого представлялись возможности, — менялись лишь методы и средства ее достижения. Известно, например, видение хода мировой революции Сталиным как процесса, совпадающего с территориальным расширением СССР и усилением его роли в переустройстве мира. Произошло вполне назревшее слияние понятий «мировая пролетарская революция» и «мировое господство Советского Союза», писал по этому поводу М. С. Восленский¹. Экспансию 1939–1940 гг. против своих соседей с запада советские руководители оправдывали расширением сферы социализма за счет капитализма. А итоги Второй мировой войны оценивались *прежде всего и главным образом* как еще один, после Октябрьской революции, сильнейший удар по капитализму.

Постоянно декларируя антикапиталистические приоритеты советской внешней политики, кремлевские руководители демонстрировали перед всеми верность наказу авторов «Коммунистического манифеста», призывавших коммунистов не скрывать того, что «их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего об-

¹ *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Издание второе, исправленное и дополненное. Лондон, 1990. С. 481.

шественного строя»¹. Насилие было самым существенным признаком советской системы в соответствии с марксистско-ленинским определением государства как орудия диктатуры пролетариата. «Конечно, — соглашался В. М. Молотов, — без органов госбезопасности советской власти не было бы»². К. М. Каганович оправдывал массовые репрессии 1930-х годов тем, что члены сталинского руководства «были под властью идей наступления на советскую власть»³. Г. А. Арбатов, многие годы связанный с функционированием политических механизмов советской системы, пишет, что эти механизмы «больше приспособлены для того, чтобы захватить и удерживать власть — власть, чем бы это ни прикрывалось и ни оправдывалось, узкой группой людей, нежели для того, чтобы управлять на общую пользу делами государства, решать появляющиеся проблемы»⁴.

При анализе сущности Второй мировой войны не избежать постановки вопроса о степени воздействия на систему международных отношений XX века такого мощного евразийского геополитического образования, каким была Российская империя в ее новом коммунистическом обличье. Линия великодержавной преемственности между Россией царской и советской, прослеживаемая в «национальном большевизме» Сталина, вполне естественно вела к «советскому глобализму» — созданию максимально разветвленной системы имперских отношений и зависимости⁵. Что отвечало

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1952. С. 71.

² Чув Ф. М. Молотов... С. 470.

³ Чув Ф. М. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 45.

⁴ Арбатов Г. А. Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 317.

⁵ См. Наджафов Д. Г. Советский глобализм: теория и практика. // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993. С. 160–170.

традиционному стремлению России к беспредельному территориальному расширению и столь же ее традиционной склонности противопоставлять себя другим странам. «Факт остается фактом, — пишет В. Булдаков в своей книге «Красная смута», — «республика», возглавляемая цареубийцами... пройдя путь от разнузданнейшей анархии к железной деспотии, ухитрилась разгромить почти всех своих противников и не теряла надежды на то, чтобы навязать свою волю всему миру. Это было подобием религиозной войны — того, что по-настоящему меняет ход истории»¹.

Советские руководители чем дальше, тем больше чувствовали себя продолжателями российских имперских традиций. Так, говоря о причинах «зимней войны» 1938–1939 г. с Финляндией, Сталин выразился так: «Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась 4 раза... Мы попытались ее пятый раз потрясти»². Продолжилась традиция соединения собственно политической истории страны с проблемами международных отношений, когда любое решение или действие рассматривалось сквозь призму великодержавности и военно-стратегических интересов. В приверженности архаичной идее классовой борьбы и следовании российской имперской традиции, вопреки печальным для ряда империй последствиям Первой мировой войны, был заложен конечный развал Российско-Советской империи.

Совпадение (но только на первых порах) экспансионистских устремлений лежало в основе взаимного тяготения сталинского Советского Союза и гитлеровской Германии, которые в августе — сентябре 1939 г. заключили между собой два договора — Договор (более известный как пакт) о ненападении 23 августа и Договор о дружбе и границе 28 сентября. Тоталитар-

¹ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 231.

² Зимняя война. 1939–1940. С. 274.

ные режимы, немецкий национал-социализм (нацизм) и советский коммуно-социализм (сталинизм), стремились не просто к перераспределению в свою пользу территорий и влияния, а намеревались изменить направление общественного развития, перестроив мир по своему образу и подобию.

Глава советского правительства В. М. Молотов в ходе советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. говорил Р. Гессу, заместителю Гитлера по руководству нацистской партией: «В СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа»¹. Действительно, в обеих странах налицо были атрибуты тоталитарной системы «партия-государство»: господствующая безальтернативная партийная идеология и государственное насилие как основной метод решения внутренних и внешних проблем. В свою очередь, свою заинтересованность в заключении пакта с Советским Союзом германская сторона была не прочь подкрепить ссылкой на идеологическую общность двух стран, призывая «считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза»².

Когда кинорежиссер М. А. Ромм снял документальный фильм «Обыкновенный фашизм», по большей части состоящий из трофейной хроники и поражавший зрителя зримым сходством порядков в гитлеровской Германии и в Советском Союзе, главный идеолог КПСС М. А. Сулов спросил режиссера: «Михаил Александрович, за что вы нас так не любите?»³.

¹ Записи бесед Молотова с Шуленбургом в Москве и Герингом и Гессом в Берлине. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 3. Л. 59.

² Памятная записка, врученная В. М. Молотову Ф. Шуленбургом 15 августа 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 233.

³ Кречетов А. О сравнении нацизма и сталинизма. // <http://www.bbc.co.uk>. — BBC Russian.

По свидетельству очевидцев, дочь одного из кремлевских руководителей отозвалась об этом фильме как «антисоветском».

За время «советско-германской дружбы» — официальное определение характера сложившихся двусторонних отношений после заключения пакта о ненападении, сталинский Советский Союз немало содействовал военным успехам Германии в обмен на геополитические выгоды для себя. Возможность приступить к проведению «советских мероприятий» на всем протяжении от Балтийского до Черного моря — от Финляндии до Румынии — была куплена за счет обеспечения Германии на время ее войны в Западной Европе «спокойной уверенности на Востоке»¹.

Вторая мировая война началась с нападения двух тоталитарных государств, Германии и Советского Союза, на Польшу, получившей в марте — апреле 1939 г. гарантии безопасности со стороны государств европейского Запада, Англии и Франции. Нападение германских войск на Польшу 1 сентября 1939 г. было согласовано со стратегическим партнером на Востоке при заключении в Москве за несколько дней до этого пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом с его секретным приложением о разделе Польши. Сохранилась географическая карта Польши, заверенная подписью самого Сталина, с проведенной по ней линией разграничения действий советско-германских войск. После вступления в войну против Польши Советского Союза 17 сентября появилось германо-советское коммюнике о задачах советских и германских войск, действующих в Польше, в котором официально заявлялось о соответствии их действий «духу и букве» пакта о ненападении между Германи-

¹ Внешняя политика Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

ей и Советским Союзом¹. Так во всеуслышание было заявлено о том, что советско-германский пакт о ненападении в действительности был пактом войны, а не мира. Пауза, взятая Сталиным перед объявлением об «освободительном походе» Красной Армии против Польши, понадобилась, чтобы избежать объявления войны со стороны Англии и Франции, как это они уже сделали в отношении Германии 3 сентября.

По поводу совместного советско-германского военного разгрома Польши В. М. Молотов даже не пытался сдерживать эмоции. С высокой трибуны он восторженно говорил о том, как быстро удалось покончить с независимостью Польши: достаточно было короткого удара «со стороны германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей». В то же время Молотов высмеял провозглашение английским правительством целью войны с Германией «уничтожение гитлеризма», заявив, что «не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемую фальшивым флагом борьбы за «демократию»².

Впервые положение о «преступности» войны западных стран против нацистской Германии появилось в правительственных «Известиях» 9 октября 1939 г. в статье «Мир или война?», в которой Советский Союз официально поддержал «мирные предложения» Гитлера, призванные закрепить результаты совместной германо-советской военной кампании против Польши. Изучение архивного фонда И. В. Сталина показы-

¹ Германо-советское коммюнике. 16 сентября 1939 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 22. Кн. 2. С. 98.

² О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. // Правда. 1939. 1 ноября.

вает, что это положение внесено в статью после сталинской редакции.

Правя подготовленный к печати текст, Сталин к словам, что так называемые мирные предложения Гитлера, выдвинутые им в речи в Рейхстаге 6 октября, «могут служить базой для переговоров», добавляет — «реальной и практической». В другом месте он берет в кавычки слова «уничтожение гитлеризма». Еще в одном месте текста продолжил мысль о том, что гитлеризм, как и всякая другая идеология, является внутренним делом государств: «Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» — значит допустить в политике преступную глупость». Лозунг борьбы против гитлеризма, по Сталину, «маскирует... иные цели, определяемые стремлением правящих кругов Англии и Франции укрепить свое мировое господство»¹. В. М. Молотов, выходит, лишь повторил сталинскую формулировку о «преступности» войны Запада против нацистской Германии.

В том же ряду заявление Сталина, сделанное в ноябре 1939 г. по поводу разоблачения в мировой печати его классово-имперских замыслов в «новой империалистической войне». Речь идет о реакции Сталина на сообщение французского информационного агентства Гавас, в котором ему приписывались слова о том, что начавшаяся в Европе «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны». В крайнем раздражении, отвергая французское сообщение как «фальшивку», Сталин разразился бранью по адресу стран Запада. Основной пункт его контробвинений был сформулирован недвусмысленно: «не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»². Так западные страны, сперва обвинявшиеся в попустительстве агрессии,

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 33, 34, 35.

² О лживом сообщении агентства Гавас. // Правда. 1939. 30 января.

затем в провоцировании войны, в конце концов превратились в агрессоров, напавших на Германию¹. Обвинить Германию, с которой Советский Союз только что принял участие в разделе Польши, Сталин никак не мог, так как пришлось бы взять на себя долю ответственности за развязанный всеобщий континентальный конфликт.

Сказывался императив начавшейся *мировой* войны: или с демократиями Запада, или с нацистской Германией. Предвоенные официальные англо-франко-советские и закулисные советско-германские переговоры показали, что Советскому Союзу, учитывая его роль в системе европейских международных отношений, все же придется определиться со своими предпочтениями. Сталин принял ту сторону, которая, как он полагал, поможет реализации его экспансионистских планов. Пришлось борьбу стран Запада, Англии и Франции за «уничтожение гитлеризма» назвать «преступной глупостью».

Советский Союз с его предельно идеологизированной общественно-политической системой внес не меньшую, чем его капиталистические оппоненты, лепту в двухполюсную модель международных отношений XX века. Идеологическая сущность советской системы, становление которой приходится на годы

¹ См. подробнее: Дорошенко В., Павлова И., Раак Р. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года. // Правда Виктора Суворова. М., 2006. С. 205–238. Отечественный автор, оспаривая достоверность текста «выступления Сталина 19 августа 1939 года», в то же время подчеркивает, что его положения, обнажающие советские устремления воспользоваться «новой империалистической войной» для территориальной и революционной экспансии, нашли фактическое подтверждение во Второй мировой войне. Поэтому вряд ли, как полагает автор, публикация сообщения агентства Гавас имела лишь пропагандистское значение. Без учета материалов подобного рода трудно понять политику западных участников войны в таких вопросах, как непризнание ими территориальных захватов СССР 1939–1940 гг., причины «странной войны», проблема «второго фронта» и т. п. — См. Случ С. З. Речь Сталина, которой не было. // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

сталинского правления, когда идеология стала инструментом и власти, и политики, не могла не проявиться особенно зримо в сфере международной. Там, где напрямую сталкивались классовые противники. Если отвлечься от идеократической природы советской системы, нельзя понять роль СССР в международных отношениях как их специфического субъекта, по принципиальным соображениям противопоставляющего себя остальным — капиталистическим государствам мира.

Советская внешняя политика проводилась в раз и навсегда идеологически очерченных концептуальных рамках. В плане стратегическом она осуществлялась на уровне идей, составляющих целостное мировоззрение — идей, сцепленных классовым началом. Направленная на борьбу с мировым капитализмом, она не ограничивалась политически мотивированными целями, а включала весь комплекс социалистических принципов, на которых зиждилось советское общество. Коммунистическая идеология, напрямую сопряженная с соответствующим видением мира, являла собой реальный контекст международной политики Советского Союза.

В первые месяцы мировой войны в Кремле царил эйфория по поводу практических выгод от дружбы с Гитлером. Время, когда в Москве прекрасно осознавали последствия советско-германского пакта для экспансионистских планов обоих тоталитарных государств. «Крутой поворот» в отношениях «между двумя самыми крупными государствами Европы», ставший следствием подписания (по советской инициативе) еще одного договора с Германией — на этот раз «о дружбе и границе», признавал В. М. Молотов, «не мог не сказаться на всем международном положении»¹. Как представляется, имелось в виду, в обозримом бу-

¹ О внешней политике Советского Союза. Доклад В. М. Молотова 31 октября 1939 г. // Правда. 1939. 1 ноября.

душем, нечто еще более перспективное для обеих сторон, чем «разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе» (формулировка секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту)¹.

По некоторым высказываниям Сталина можно предположить, что какое-то время он носился с мыслью о более или менее продолжительном сотрудничестве с Германией. После подписания пакта 23 августа 1939 г., прощаясь с И. Риббентропом, Сталин заявил под свое «честное слово», что «Советский Союз никогда не предаст своего партнера»². А после заключения спустя месяц договора о дружбе и границе, обещал, что «если, вопреки ожиданиям, Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили,.. чтобы Германию повергли на землю»³. В декабре 1939 г., отвечая на поздравления И. Риббентропа по случаю своего шестидесятилетия, Сталин выражал уверенность, что дружба народов Германии и Советского Союза, «скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»⁴.

Демонстрация желания укрепить советско-германские отношения продолжалась и далее. Сталин, непосредственно занимавшийся германскими делами, во время переговоров в Москве в конце 1939 — нача-

¹ Секретный дополнительный протокол. (23 августа 1939 г.) // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 632.

² Запись беседы имперского министра иностранных дел со Сталиным и Молотовым. 24 августа 1939 г. // СССР — Германия. В 2-х кн. Vilnius, 1989. Кн. 1: 1939. С. 69.

³ Цитируется по записи переговоров И. В. Сталина и В. М. Молотова с И. Риббентропом в Москве 27 сентября 1939 г., обнаруженной в личном архиве посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга, присутствовавшего на переговорах. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 610.

⁴ Министру иностранных дел Германии господину Иоахиму фон Риббентропу. Берлин. // Правда. 1939. 25 декабря.

ле 1940 г. о заключении широкого хозяйственного соглашения, заявил, что «он не думает сделать торговый оборот простым коммерческим оборотом, он думает о помощи» Германии¹. Эту же мысль высказывал на переговорах В. М. Молотов: «Мы даем Германии некоторое сырье, которое не является у нас излишним, а делаем это за счет урезывания своих нужд обороны и хозяйственного плана»². Заключенное 11 февраля 1940 г. в Москве экономическое соглашение стало самым крупным из подобного рода соглашений между двумя странами³.

Геополитические выгоды, на которые рассчитывал Сталин, идя на пакт с Гитлером, не ограничились очередным в истории разделом Польши. Используя различные средства — от политико-дипломатических до угрозы применения силы — и саму войну, Советскому Союзу удалось навязать Финляндии передачу ему части своей территории; присоединить к себе три Прибалтийские республики — Эстонию, Латвию, Литву, а также Бессарабию с Северной Буковиной, входившие в состав Румынии. Газета «Правда» в передовой статье, комментируя «добровольное вхождение» в состав СССР летом 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии, писала без стеснения: «Малые буржуазные государства не выдерживают напряжения, созданного второй империалистической войной»⁴. Достаточно откровенное, в каких условиях удалось, по признанию В. М. Молото-

¹ Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с послом по особым поручениям, главным экономическим экспертом МИД Германии К. Риттером. В ночь с 31 декабря 1939 г. на 1 января 1940 г. Особая папка. // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 8.

² Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 7 января 1940 г. // Там же. С. 24.

³ Хозяйственное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией. (11 февраля 1940 г.); Приложение: Конфиденциальный протокол: Обмен письмами между А. И. Микояном и К. Шнуре 11 февраля. // Там же. Т. 23. Кн. 1. С. 80—84, 84—85.

⁴ Великий союз шестнадцати республик. // Правда. 1940. 8 августа.

ва, «значительно расширить нашу территорию и умножить силы Советского Союза»¹. «Время не теряли», — вспоминал много позже тот же Молотов².

Весьма показателен ультиматум, который в июне 1940 г. Советский Союз предъявил «боярской» Румынии. От нее потребовали не только немедленного «возвращения» Бессарабии (как отторгнутой от России), но и о «передаче» части Буковины (никогда не принадлежавшей России). Эти требования оправдывались тем, что такова «создавшаяся международная обстановка», которая «требует быстрее разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами...»³. «Прочного мира», навязанного силой!

Так Вторая мировая война еще раз предстала перед многими европейцами, да и не только перед европейцами, как попытка тоталитарных режимов Германии и СССР, руководимых амбициозными диктаторами, перекроить политическую карту мира, начиная с Европы. О том, чтобы наметить рубеж, пределы совместной экспансии, не было и речи. Наоборот, провозглашались далеко идущие намерения.

Вскоре после советского ультиматума Румынии газета «Правда» в публикации «Германские газеты о планах нового политического и экономического порядка в Европе» цитировала официальный бюллетень

¹ Внешняя политика Советского Союза. Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

² Чув Ф. М. Молотов... С. 36.

³ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Королевстве Румыния А. И. Лаврентьеву. 27 июня 1940 г. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 385–386. Первоначально Советский Союз претендовал на всю Буковину, но ему пришлось учесть «соображения германского правительства». // Там же. С. 376 (сноска).

«Динст аус Дейчланд»: «Господствующим центром новой Европы будет ось Берлин — Рим. По отношению к России будет проведено четкое разграничение сфер влияния»¹. Читалось как обещание еще одного размежевания «сфер обоюдных интересов», на сей раз более пространныго, чем это предусматривалось секретным протоколом к советско-германскому пакту 1939 г. Хотя в это же самое время по распоряжению Гитлера германский генштаб приступил к разработке плана нападения на СССР.

Не ясно было также, согласится ли Сталин на еще одно «размежевание» на немецких условиях. Итоги визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре того же года показали, что нет, не согласится². У сталинского руководства были свои планы в мировой войне. Партнеры по агрессии не сошлись в главном — вопросе о контроле над Европой. Что стало бы и для нацистской Германии, и для коммунистического Советского Союза решающим этапом к мировому лидерству. Советско-германская война стала неизбежной тогда, когда Сталин отказался от требования Гитлера уйти из Европы и ограничиться экспансией в южном направлении — в сторону Индийского океана. Согласиться, умерив свои амбиции, на присоединение к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии в качестве младшего партнера.

Но пока что, в первый год мировой войны, будущее обитателям Кремля виделось в ярко-розовом тоне.

На сессии Верховного Совета СССР, прошедшей в конце лета 1940 г., В. М. Молотов под «бурные аплодисменты» депутатов подвел итоги до сих пор удачной экспансионистской политики. Подыгрывая националистическим и имперским чувствам, сделал упор на значительное территориальное расширение Советско-

¹ Правда. 1940. 15 июля.

² См. Из Архива Президента РФ. Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99.

го Союза. Вернули, говорилось, то, что «было силой отторгнуто от СССР в момент его военной слабости империалистическими державами Запада»¹. Выступивший вслед за этим руководитель столичной партийной организации А. С. Щербаков поддержал докладчика: «Капиталистическому миру пришлось еще раз потесниться и отступить, а Советский Союз еще далее продвинул свои границы». По его предложению решено было прений по докладу «не открывать», а внешнюю политику правительства «одобрить»².

Несостоявшиеся прения на сессии Верховного Совета СССР официозная пресса подменила шумной пропагандистской кампанией, призванной продемонстрировать единодушную поддержку внешней политики простыми гражданами. На страницах «Правды» писательница В. Василевская выступила со статьей «Родина растет». Ее стоит процитировать:

« — Кто хочет взять слово по докладу товарища Молотова? Но что еще можно сказать? Все происходит так, как это страстно желалось. Только еще радостнее, и еще великолепнее. Можно только встать и аплодировать, и кричать — и радоваться глубочайшей радостью, и выпрямляться от гордости. И утвердить. Стократно с гордостью и счастьем — утвердить...

Не среди грома оружия, не в зареве пожаров движется вперед моя родина. В ореоле славы, в величии мощи, в счастье мира и братства расширяет она свои пределы...

Как это великолепно, как дивно прекрасно, что когда весь мир сотрясается в своих основах, когда гибнут могущества и падают величия, — она растет, крепнет, шагает вперед, сияет всему миру зарей надежды. Она одна! Наша родина — родина трудящихся всего мира»³.

¹ Внешняя политика Советского Союза. Доклад В. М. Молотова 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

² Там же.

³ Там же.

Наглядный пример манипуляции общественным сознанием при тоталитарном режиме. Столь демонстративное пренебрежение мнением своего народа восходило корнями к временам принудительной высылки на «философском пароходе» лучших представителей российской гуманитарной интеллигенции. Идеологическая вертикаль, неизбежная при одной общеобязательной идеологии, окончательно установилась с возвышением Сталина как непререкаемого теоретика партии. Нововведения, к какой бы области жизни они ни относились, чаще всего вызывали отторжение у правящей номенклатурной элиты. Если в нацистской Германии заслужившие признание представители науки и искусства спасались бегством за границу, то в Советском Союзе, лишенные возможности эмигрировать, они затаивались, а неосторожные и смелые подвергались репрессиям. Естественное в творческой среде независимое мышление, тем более в области общественно-политической, преследовалось вплоть до ареста. Это верно и в отношении рядовых граждан, принуждаемых следовать по одному и тому же идеологическому маршруту. Во времена Большого террора «шаг право, шаг влево» вело к обвинению «враг народа».

Курс на самоизоляцию страны, диктовавшийся интересами консервирования условий общественной жизни в СССР, распространялся далеко за пределы информационной области. До минимума были сведены политические, культурные и прочие контакты на международном уровне. Возрастали закрытость и секретность, которые всегда были важнейшими атрибутами советской системы. Лишенные питательной почвы мировой общественно-политической мысли, советские руководители были обречены на узость политической культуры¹.

¹ См. Tucker R. C. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev*. New York — London, 1987.

На очередном витке войны, с нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г., мировая война, сохраняя антитоталитарную направленность, приобрела дополнительное свойство. Два тоталитарных государства, гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз, по причине непримиримости их глобальных амбиций, вступили в смертельную схватку. Как и предыдущая, новая мировая война была прежде всего битвой сухопутных армий, и протяженный восточно-европейский советско-германский фронт стал основным театром военных действий.

Так, несколько неожиданным образом Советский Союз оказался на одной стороне с ненавистными Сталину правящими кругами Англии, уже почти два года воевавшей с Германией. С вступлением в войну в конце того же года США сформировалась Советско-западная коалиция, воссоздающая Антанту времен Первой мировой войны. Новоявленные союзники пришли в коалицию не сразу и разными путями, а объединила их, по собственным публичным заявлениям, одно — война против «общего врага». Во всяком случае, именно с такой констатации начиналась коалиция СССР и стран Запада.

Напомним об официальной советской реакции на гитлеровское нападение. О выступлении по радио 22 июня 1941 г. В. М. Молотова, в свое время подписавшего пакт о ненападении между СССР и Германией и не раз в этой связи превозносившего мудрость «сталинской внешней политики». Какое же объяснение было дано в выступлении столь кардинально изменившейся ситуации — переходу от дружбы к вражде?

Выступление В. М. Молотова, второго лица государства и правой руки Сталина во внешнеполитических делах, выдавало растерянность в Кремле¹. Молотов, в составлении речи которого принимали участие

¹ В составлении текста выступления Молотова приняли участие все члены Политбюро. // *Чувств Ф. М. Молотов...* С. 59.

другие члены Политбюро, не нашел ничего лучшего, чем сделать упор на «вероломство» партнера по пакту. Противопоставив этому политику советского правительства, которое, подчеркивалось, выполняло условия пакта «со всей добросовестностью»¹. Уже несколько месяцев весь мир жил в предчувствии случившегося, а сталинское руководство публично заявило, что оно не только не ожидало нацистского нападения, но и не видело причин для начавшегося конфликта! Лишь нажаловавшись вдоволь на вероломство бывшего партнера, Молотов вспомнил о кровожадности фашистских правителей Германии, «поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы». Вот в таком виде, без упоминания продолжающейся войны Англии против держав Оси (Германии и Италии), невнятно прозвучал мотив антифашистской войны. Призыв подняться на «отечественную войну за Родину, за честь, за свободу» обошелся без его увязывания с общедемократическими идеалами и целями².

То, что в своем выступлении В. М. Молотов даже не упомянул о войне между странами демократического Запада и нацистской Германией, вполне понятно. Ведь вплоть до дня гитлеровского нападения Советский Союз считался невоюющим союзником Германии, которая черпала материальные ресурсы из СССР, подрывая английскую блокаду³. Как писал

¹ По одной из версий, В. М. Молотов, получив от германского посла Ф. Шуленбурга ноту об объявлении войны, обиженно спросил: «Чем мы это заслужили?». Похоже на правду, учитывая слова Молотова из его речи по радио в тот же день, что советское правительство выполняло условия пакта с Германией «со всей добросовестностью» и его же обвинения партнера по пакту в вероломстве.

² Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. 22 июня 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 8—9.

³ Кстати, заатлантические Соединенные Штаты тоже считались «невоюющим союзником», но Англии.

У. Черчилль 24 июня 1940 г. И. В. Сталину, «Германия стала Вашим другом почти в тот же момент, когда она стала нашим врагом». Заканчивалось письмо напоминанием о тактике Германии, пытающейся «осуществлять в Европе последовательными этапами методический процесс завоевания и поглощения»¹. Однако это и последующие предупреждения рассматривались в Кремле как стремление английских консерваторов столкнуть Советский Союз с Германией. «Без видимых на то оснований», как, видимо, все еще продолжал, с марта 1939 г., считать Сталин².

Соединение военных усилий СССР с усилиями Англии и, несколько позже, с США носило вынужденный характер. Преследуя при этом собственные цели, правители в Кремле рассматривали войну с фашизмом под углом укрепления позиций социализма за счет государств «враждебного капиталистического окружения». В разгар войны, в 1943 г., при обсуждении на Политбюро сценария киноповести А. П. Довженко «Украина в огне» Сталин обвинил кинорежиссера в «непонимании» того, что идущая война «есть также война классовая»³. Союзников, различавшихся резким несходством государственного устройства, социальных и экономических структур, поневоле объединила общая военно-политическая задача — покончить с все более разрастающейся агрессией нацистской Германии. Противника сильного, успевшего к тому времени закабалить большую часть Европы и мечтавшего об установлении тысячелетнего мирового господства германской расы.

¹ Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле. 1 июля 1940 г. Сов. секретно. // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 399—400 (Приложение).

² Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

³ *Марьямов Г. Б.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 54.

Но быстрый отклик Англии и США на 22 июня 1941 г. с предложением немедленной и всесторонней помощи Советскому Союзу имеет и другие объяснения. Лидеры Запада предвидели такой поворот в мировой войне, верно оценив несовместимость беспредельных целей нацизма и сталинизма. В то же время правящие круги западных стран считали нацизм, в отличие от коммунизма, угрозой ближайшей, непосредственной. Сталинский Советский Союз, несмотря на Большой террор и военную экспансию 1939—1940 гг. против малых сопредельных с запада стран — от Финляндии до Румынии, представлялся им меньшим из зол. А памятуя вклад России в Первую мировую войну (до прихода к власти большевиков в октябре 1917 г.), более чем полезным военным союзником. Во всем остальном участники Советско-западной коалиции были так же далеки друг от друга, как и до начала мировой войны.

Официальные западные заявления о поддержке Советского Союза говорят сами за себя.

Выступая вечером 22 июня 1941 г. по радио, премьер-министр Великобритании У. Черчилль был откровенен: «Никто не был в течение последних 25 лет более упорным противником коммунизма, чем я. И я не возьму назад ни одного из сказанных мною слов, но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, — это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара»¹.

Заявление Государственного департамента США, выпущенное на следующий день, как и в речи У. Черчилля, начиналось с осуждения «принципов и доктрин

¹ Churchill W. C. The Second World War. Vol. 1—6. L., 1949—1954. Vol. 3. P. 332—333.

коммунистической диктатуры», которые объявлялись столь же чуждыми и нетерпимыми, «как и принципы и доктрины нацистской диктатуры». «Однако, — подчеркивалось в заявлении, — перед американским народом стоит непосредственный вопрос: можно ли успешно противостоять и расстроить план завоевания мира, безжалостного и грубого порабощения всех народов и конечного уничтожения остающихся свободных демократий, план, который теперь Гитлер отчаянно пытается осуществить... Поэтому, по мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение противостоящих гитлеризму сил, каково бы ни было их происхождение, приблизят конечное свержение нынешних германских лидеров и тем самым будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности». Заявление заканчивалась фразой, собственноручно вписанной президентом Ф. Рузвельтом: «Гитлеровские армии представляют сегодня главную опасность для Америки»¹.

«Союзники поневоле» (на эту тему существует большая литература), естественно, не доверяли друг другу. Для советских руководителей демократический Запад, несмотря ни на что, оставался все тем же «империалистическим». В. М. Молотов, подчеркивая, что он «не сомневался» в том, что западные союзники не выполнят обещания открыть «второй фронт», добавляет: «А тем более Сталин никакого доверия к ним не имел»². В «Беседах со Сталиным» М. Джилас приводит откровения Сталина о его взаимоотношениях с западными союзниками, высказанные за ужином в ночь накануне высадки союзников в Нормандии (Франция) летом 1944 г.:

«— А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль?

¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1941. Vol. 1. Washington. 1963. P. 767–768.

² *Чув Ф. М.* Молотов... С. 82.

у них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — в Первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль? Черчилль — и за копейкой»¹.

Для советских руководителей Вторая мировая война так и не стала войной, в равной мере затрагивавшей всех участников коалиции. Отсюда рано проявившееся стремление вычленить из контекста мировой войны 1939—1945 гг. ее восточный, советско-германский фронт, с приданием войне со стороны СССР особого статуса — Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг. Отсюда и обвинение бывших западных союзников в годы холодной войны в том, что они пытались руками гитлеровцев — «ударным кулаком империализма» — расправиться со страной социализма. Отсюда и наше определение Советско-западной коалиции как антигитлеровской, а не антифашистской, что следовало бы из характеристики мировой войны как освободительной. Всё это делалось, чтобы, с одной стороны, ограничить цели участия СССР в коалиции с Западом войной против гитлеровской Германией, а с другой — избежать противопоставления западных демократических стран и нацистской Германии как социально-политических антиподов. Просто капиталисты разных стран не поделили мир между собой, а нам, Советскому Союзу, пришлось вмешаться, чтобы потеснить и тех и других. Усилиями коммунистических правителей, начиная со Сталина, удалось навязать удобное им одностороннее, ограниченное восприятие народами СССР Второй мировой войны.

¹ Джилас М. Беседы со Сталиным. // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 58.

Заявления западных лидеров в поддержку СССР, озвученные сразу после 22 июня 1941 г., с их подчеркнутыми оговорками о неприятии ими идеологии как нацизма, так и коммунизма, не могли не вызвать в Кремле замешательства. Об этом можно судить по записи беседы В. М. Молотова, возглавлявшего по совместительству НКВД СССР, с английским послом С. Криппсом. Принимая через несколько дней посла, советский нарком старался заручиться поддержкой стран Запада, прибегая к аргументу, странному на фоне последующей официальной оценки характера войны с нацистской Германией. «Базой взаимной помощи» назвал Молотов «наличие общего врага». В ходе беседы он неоднократно оперировал словами: «обе страны имеют одного и того же врага», «обе стороны имеют одного врага». Соглашаясь с Молотовым, посол в то же время говорил, что «общий враг является недостаточной базой для сотрудничества политического»¹. Документ любопытен тем, что западным демократиям, за неимением лучшего, предлагалось руководствоваться принципом «враг моего врага — мой друг». Могли ли отношения, определяемые таким принципом, стать прочными и долговременными?

Термин «общий враг» пришел на смену определениям того времени, когда будущие союзники оперировали различными понятиями, говоря о своем отношении к мировой войне. Того времени, когда Англия воевала за «уничтожение гитлеризма», а Сталин считал такую войну «преступной глупостью». Неудивительно, что первоначальные соглашения между участниками создаваемой Советско-западной коалиции были достаточны скупы на определение их общих целей. Так, советско-английское соглашение от 12 июля

¹ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании С. Криппсом. 27 июня 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 46–50.

1941 г. называлось соглашением «о совместных действиях в войне против Германии»¹, а соответствующее соглашение между правительствами СССР и США от 11 июня 1942 г. констатировало, что «они заняты общим делом»². Тем не менее формула «общий враг», при всей ее ограниченности, означала готовность новых союзников помогать друг другу, что имело ключевое значение, руша надежды Гитлера на разлад между противниками Германии. Сталинский Советский Союз, далеко не сразу оказавшийся на стороне демократических стран, разделял, так или иначе, общую военную задачу коалиции со странами Запада, преследуя в то же время свои, антикапиталистические задачи. В этих условиях провозглашение целей новообразованной коалиции с прицелом на послевоенное переустройство приобрела особую актуальность.

Демократический Запад, не питая иллюзий насчет долгосрочных советских планов, тем не менее проявил гораздо большую заинтересованность в сближении с СССР, чем наоборот. Известно, что инициатива советско-западных переговоров с целью остановить Гитлера, которые шли весной — летом 1939 г., исходила от западных стран. Даже после неожиданного заключения советско-германского пакта западные лидеры или заявляли, что, несмотря ни на что, Советский Союз связан общностью интересов с их странами (У. Черчилль в Англии), или выражали серьезные сомнения в долговечности союза между нацистской и советской тоталитарными системами (Ф. Рузвельт и К. Хэлл в США). Но из-за пакта с Германией сотрудничество с Западом было не только отсрочено почти на два года, но всю мировую войну отягощалось грузом фактического противостояния Советского Союза с Англией и Францией в самое тяжелое для этих стран время.

¹ Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 96.

² Там же. С. 67—68.

Различия в ценностных ориентациях стран Советско-западной коалиции сказались на формулировании ими целей войны. Страны Запада сделали это в Атлантической хартии, подписанной от имени правительств США и Великобритании Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем и датированной 14 августа 1941 г. Кстати, опубликование хартии, требовавшей «окончательного уничтожения нацистской тирании», означало фактическое объявление войны Германии со стороны США, давно ставшими «невоюющим союзником» Англии.

Хартия декларировала отказ от территориальных приобретений и непризнание насильственного захвата чужих территорий, уважения прав народов на самоопределение, равенство в торговле и доступе к мировым сырьевым источникам (с оговоркой о соблюдении существующих англо-американских обязательств), построение послевоенного мира на основе отказа от применения силы, экономического сотрудничества, всеобщей безопасности, свободы морей и разоружения¹.

Современники высоко оценивали провозглашенные хартией принципы как отвечающие духу времени. Посол СССР в США в 1933–1938 гг. А. А. Трояновский писал, что в хартии «даны основные вехи демократического мира, к которому стремятся все народы, объединяющиеся против средневекового варварства, насаждаемого Гитлером и его подручными»². Известный либеральный деятель, член Верховного суда США Ф. Франкфуртер поздравил Ф. Рузвельта с принятием документа, который «придал смысл конфликту между цивилизацией и надменным, грубым вызовом...»³.

¹ Англо-Американская декларация (Атлантическая хартия). // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. М., 1944. С. 147–148.

² Трояновский А. А. Почему США воюют против гитлеровской Германии. М., 1942. С. 85.

³ Roosevelt and Frankfurter: Their Correspondence, 1928–1945. Boston, Toronto, 1967. P. 612–613.

Если в период советско-германского партнерства сталинское руководство высмеивало лозунг «уничтожение гитлеризма», под которым Англия и Франция вступили в мировую войну, то теперь пришлось объявить о своем согласии с Атлантической хартией с ее положением об «окончательном уничтожении нацистской тирании». А по окончании войны с ее неисчислимыми жертвами Советский Союз участвовал в Нюрнбергском судебном процессе над нацизмом.

Присоединяясь к хартии, советское правительство согласие с ее «основными принципами» поставило в связь с необходимостью, как оно считало, «собразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны...» Оговорив таким образом за собой возможность отстаивать прежде всего свои цели в войне, несмотря на заверение, что «последовательное осуществление» принципов хартии «обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского правительства и народов Советского Союза»¹. Советские люди внесли самый большой вклад в победу над фашизмом, но воспользоваться в полной мере плодами победы им было не суждено.

Почему же сталинское руководство в своих заявлениях о целях войны не решилось выдвинуть от имени Советско-западной коалиции, в противовес расистской идеологии и практике немецкого нацизма, идеологию и практику советского коммуно-социализма? Не решилось отстаивать коммунистическую идею как альтернативу фашизму? Ответ очевиден. Не решилось хотя бы потому, что лидеры Запада, высказываясь в поддержку борьбы Советского Союза против нашествия нацистов, одновременно подчеркнули свое решительное неприятие коммунизма. Вот где корни

¹ Декларация правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 147.

противоречий внутри советско-западной коалиции и причины холодной войны.

Все же странам — участницам Советско-западной коалиции удалось на время войны как-то согласовать свои интересы с интересами всеобщими, общечеловеческими, следствием чего явилась победа над фашизмом. Тем самым опыт этой коалиции доказал возможность решить, пусть временно и не до конца, извечную проблему соотношения национального и интернационального — проблему рационального, разумного их сочетания, особенно важного в сфере международной политики. В столкновении двух тенденций — национализма и интернационализма многие исследователи усматривают осевую линию мирового развития. Попытка после Первой мировой войны выйти на решение этой проблемы через Лигу наций не удалась, о чем говорила неспособность этой международной организации предотвратить новую мировую войну. Свою политику великие державы строили, как и прежде, на национально-государственном эгоизме. Национализм во внешней политике питал (и все еще питает) межгосударственные противоречия. Приоритет, отданный интересам национальным над интернациональными, объясняет упор на силу как на главное средство отстаивания таких интересов. Сила оставалась доминирующим фактором международных отношений в многополярном мире, в котором СССР был одним из центров военной мощи. Со своей специфичной стратегией, с собственным, отличным от других держав, пониманием своей роли в системе межгосударственных отношений. Частью последовательно проводимой им в жизнь классово-имперской стратегии было разрушить Версальско-Вашингтонскую геополитическую структуру мира, используя агрессию нацистской Германии. Однако заготовленный сценарий «помощи» ослабевшим вконец Англии и Франции с вступлением советских войск в Париж не удался. Правда, удалось, заручившись просьбой союзников о помощи, включиться

на завершающем этапе войны против Японии, расширяться территориально и укрепиться на Дальнем Востоке. Но основательное, на коммунистический манер, переустройство мира не состоялось. Запад не только устоял перед напором тоталитарных стран, но даже помог одному из них — Советскому Союзу в войне с германским нацизмом.

О значении помощи со стороны США и Англии «в обнаженной форме» высказывается в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев. В «вольных беседах» между наиболее приближенными к нему членами Политбюро ЦК Сталин «прямо говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну». Хрущев, соглашаясь с мнением Сталина, услышанным им «несколько раз», поставил целью в своих широко известных воспоминаниях «аргументировать со своей стороны то, что говорил Сталин, и то, что я сам тогда видел и понимаю»¹. Хотя по окончании войны официальная пропаганда утверждала обратное, Советский Союз нуждался в помощи западных стран не меньше, чем они в советской.

Взаимная помощь государств Советско-западной коалиции отвечала чаяниям широких народных масс, чье активное участие превратило войну коалиции в освободительную миссию. Однако проявленная во Второй мировой войне антифашистская солидарность масс была подготовлена не столько политикой и деятельностью властвующих элит государств коалиции, сколько активностью наиболее продвинутой, образованной части человечества — интеллигенции, олицетворявшей собой самое передовое, благородное, гуманное. Рост интеллектуализма стимулировал тягу к углубленному миропониманию, включая проблемы

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 168–169.

всеобщие, интернациональные. Неуклонное возвышение в общественной структуре многих стран роли науки и ее носителя — интеллигенции, ставшей наиболее динамичной частью современного общества, стало важнейшим фактором распространения в XX веке идей общности интересов человечества.

В борьбе против фашизма и милитаризма ускори-лась смена приоритетов общественных ценностей, еще недавно слишком близко связываемых марксистами с рабочим классом. В противостоянии сил тоталитаризма и демократии дискредитировали себя как международное коммунистическое движение, представленное III Интернационалом, так и европейская социал-демократия, не сумевшие стать действенной преградой на пути сил агрессии и фашизма. Что доказало преходящий характер исторического потенциала пролетариата — такого, каким его представляли классики марксизма-ленинизма. А социалистический опыт нацистской Германии и сталинского Советского Союза, прозорливо сведенный воедино в их тоталитарной сущности В. С. Гроссманом в эпохальном романе «Жизнь и судьба», показал всю опасность следования идеям, отталкивающимся от классового или расового антагонизма. Каковы идеи, таковы и последствия.

Фактом истории является то, что именно интеллигенция — «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» (В. Даль), а не какая-либо иная социальная структура, была и остается главным противником тоталитаризма в любом его проявлении, будь то немецкий национал-социализм или социализм советского типа.

На стадии обсуждения рукописи моей монографии об антивоенно-антифашистском движении 1930-х годов в США¹ со стороны одного из рецензентов выска-

¹ См. *Наджафов Д. Г.* Народ США — против войны и фашизма. 1933—1939. М., 1969.

зывалось недоумение тем, что движение против наступления мирового фашизма направлялось не американским рабочим классом, а интеллигенцией; что инициаторами массового движения были представители интеллигентских слоев, а не рабочие профсоюзы. Но такова была американская реальность, с ней приходилось считаться и нью-йоркской коммунистической газете *Daily Worker*, из которой я черпал многие факты. Если говорить о внутренних причинах крушения советского тоталитаризма, то не в последнюю очередь следует иметь в виду возрождение интеллигенции с ее созидательным потенциалом. И хотя коммунистические власти всегда с подозрением относились к интеллигенции, видя в ней скрытого врага, после смерти Сталина второго издания Большого террора не произошло.

Антифашизм интеллигенции означал колоссальное расширение практики применения морально-этического принципа к общественным явлениям. Справедливо отмечая минусы идеологизации международных отношений в XX веке и столь же справедливо увязывая это с великодержавной политикой, в то же время нельзя не отметить и определенный позитивный момент в акценте на идеологию как фактора межгосударственных отношений. Момент, привнесенный в эти отношения интеллигенцией благодаря ее настойчивости в отстаивании необходимости выбора между добром и злом, решения мировых проблем с позиций нравственности и справедливости. Недаром в середине XIX века основоположники марксизма отмечали усиливающееся стремление к тому, чтобы «простые законы нравственности и справедливости», которыми руководствуются в своих взаимоотношениях порядочные люди, стали высшими законами и в отношениях между народами¹.

¹ Манифест Коммунистической партии. // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 16. С. 11.

Другое важное обстоятельство, связанное с ролью интеллигенции в новейшей истории, — это дальнейшее развитие процесса *интернационализации* (сейчас оперируют больше понятием глобализации). То есть умножения и выдвижения на первый план актуализации общих для разных стран и народов проблем и целей, диктующих координацию их усилий в мировом масштабе. Публичные осуждения фашизма и его агрессии в предвоенные годы сыграли свою роль в формировании мирового антифашистского общественного мнения, подготавливая этим морально-политическую базу борьбы против тоталитаризма.

Но не успела закончиться война, как между союзниками началась откровенная борьба за то, чтобы решить вопросы послевоенного мирного урегулирования в свою пользу¹. Уже во время войны, говорилось в декларации по вопросу о международном положении первого совещания Коминформа в 1947 г., *в определении как целей войны, так и задач послевоенного устройства* между союзниками существовали различия, которые стали «углубляться» в послевоенный период². Суть многочисленных оценок советско-западных отношений периода мировой войны, которые давались Сталиным и его преемниками в Кремле, сводилась к тому, что во время войны Советский Союз проводил ту же внешнюю политику, что и до войны. Что соответствует действительности: советская внешняя политика была и оставалась антикапиталистической.

¹ См. Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре — декабре 1945 г. // Источник. 1999. № 2.

² Декларация Совещания представителей компартий Югославии, Болгарской рабочей партии (коммунистов), Компартии Румынии, Венгерской коммунистической партии, Польской рабочей партии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Компартии Франции, Компартии Чехословакии и Компартии Италии по вопросу о международном положении. // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 242.

Как стороне, побеждавшей врага на главном фронте мировой войны, СССР удалось навязать западным союзникам раздел Европы по соглашениям в Ялте и Потсдаме. Кейстут Закорецкий в книге «Третья мировая война Сталина» приходит к выводу, что уже в период ялтинских переговоров и даже ранее Сталин отработывал планы подготовки новой мировой войны¹. В. М. Молотов по-своему объясняет раскол в послевоенной Европе: западные союзники-«империалисты» рассчитывали в конечном счете на ослабление Советского Союза в результате войны. Но: «Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении»².

Остановимся на положении книги Г. Х. Попова, вынесенном в эпиграф. На положении о том, что война против Германии, выйдя за пределы СССР, стала «первой битвой Сталина с бывшими союзниками, а вовсе не завершением войны». Чем же была в таком случае Вторая мировая война, если к ее концу — как это ни покажется немыслимым — союзники считались с возможностью продолжения войны, но на этот раз уже между самими победителями? Но каким образом могла возникнуть такая война, по чьей инициативе?

Обратимся к имеющимся документальным свидетельствам.

Прежде всего остановимся на сенсационном заявлении, сделанном летом 1983 г. на сессии Верховного Совета СССР А. А. Громыко, в то время членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем главы правительства и долголетним министром иностранных дел. В его докладе о международном положении впервые с советской стороны было публично заявлено о том, что сразу по окончании мировой войны не ис-

¹ Закорецкий К. Третья мировая война Сталина. М. 2009. С. 489.

² Чув Ф. М. Молотов... С. 82.

ключалась новая война, на этот раз между победоносными союзниками — между СССР и западными странами.

Речь А. А. Громыко была выдержана в резко антиамериканском тоне — холодная война переживала очередной пик напряженности. Его гнев вызвали высказывания неназванных американских деятелей о том, что США, обладая с конца войны атомной монополией, тем не менее не стали диктовать свою волю Советскому Союзу. В ответ Громыко призвал взглянуть на события того времени, как он выразился, «с другого угла». Он рекомендовал американцам подумать вот над чем: «А что мог сделать Советский Союз, когда фашистская Германия уже была повержена, и до каких рубежей мог пройти могучий вал советских армий, только что перемоловших гитлеровскую военную машину, если бы СССР не был верен своим союзническим обязательствам?»¹. Поразительно! Получается, что после разгрома нацизма Советский Союз «мог» (?) повернуть «могучий вал советских армий» против своих же союзников, продолжив, сметая все на своем пути, движение в западном направлении, к Ла-Маншу и Атлантике.

Отметим, что из ряда вон выходящее заявление А. А. Громыко — свидетельство непосредственного участника событий периода мировой войны. Посла в США в 1943—1946 гг., члена делегации СССР на конференциях в верхах, человека, пользовавшегося доверием Сталина и Молотова (о чем Громыко не без гордости писал в воспоминаниях, опубликованных в 1988 г.).

Есть, конечно, и другие удивительные свидетельства.

Когда В. М. Молотова, второго человека в советском руководстве после Сталина, спросили, верна ли версия, «по которой Жуков предлагал не останавли-

¹ Доклад первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на 8-й сессии Верховного Совета СССР 10-го созыва 16 июня 1983 г. // Правда. 1983. 17 июня.

ваться на Берлине, а двинуть дальше, взять Париж», ограничился словами, что «такого он не помнит»¹. Не возмутился, не оскорбился, а счел вопрос обыденным, даже естественным. В другом случае, говоря об отношениях между союзниками в конце войны, Молотов подтверждает опасения западных союзников: «Боялись, что мы пойдем дальше...»². Недаром, по его же воспоминаниям, Молотов ставил в один ряд и западных союзников, и общего с ними врага — нацистов.

Воинственные антизападные настроения вряд ли были распространены в советских войсках, только что овладевших немецкой столицей, но они были. По внутренней партийной информации, которую в октябре 1947 г. работники Агитпропа ЦК сообщили секретарю ЦК ВКП (б) М. А. Суслову, вопросы войны и мира находились в центре внимания советских людей. В информации из Челябинской области о «политических настроениях» населения сообщалось об ожиданиях скорой войны — «через 3—5 лет, а может, и раньше». В г. Миассе среди демобилизованных солдат и офицеров бытовало мнение, что в скором времени предстоит война с Америкой, которую поддержит Англия. Некоторые из ветеранов войны говорили: «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили «союзников». Надо было спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием»³.

Не означает ли все это, что мировая война отнюдь не устранила все причины, ее породившие? Мировая война, по смыслу давней статьи Д. М. Проэктора в БСЭ (процитированная выше), была вызвана как так называемыми межимпериалистическими противоречиями, так и противоречиями между двумя системами. Противоречия первого рода, внутри капиталисти-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 65.

² Там же. С. 77.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 518. Л. 1—3.

ческого мира, так или иначе, были сняты в результате победы над Германией и ее союзниками. Противоречия же между социализмом (СССР) и капитализмом (страны Запада), сглаженные союзническими отношениями, не только не были устранены, а вышли по окончании мировой войны на первый план.

Дело в том, что сталинское руководство подходило к мировой войне не с общедемократических, а с классовых позиций. Н. С. Хрущев, с 1935 г. возглавивший Украину и с 1938 г. вошедший в сталинское Политбюро (вначале кандидатом в его члены), вспоминает то время как время подготовки к неизбежной «большой войне» СССР с его врагами¹. Из его повторных упоминаний темы «большой войны» с врагами социализма становится ясно, что имелась в виду мировая война с активным участием Советского Союза². Новой войны между союзниками удалось избежать, но на смену пришло ее политико-дипломатическое продолжение — холодная война.

Сошлемся на еще одно свидетельство о советских намерениях во Второй мировой войне, почерпнутое из материалов бывшего партийного архива КПСС. Имеются в виду два документа из архивного фонда А. А. Жданова, входившего в ближайшее сталинское окружение.

Один из них — стенограмма выступления А. А. Жданова на партийной конференции в Ленинграде 3 марта 1939 г., ровно за неделю до XVIII съезда ВКП (б), на котором Сталин заявил, что для конфликта СССР с Германией нет «видимых на то оснований», в то же время обвинив западные страны в провоцировании войны³.

¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 75.

² Там же. С. 82, 90, 99, 104, 105.

³ Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 13.

В марте 1939 г., после партийного съезда, А. А. Жданов становится полноправным членом Политбюро, будучи уже членом Оргбюро ЦК и секретарем ЦК и одновременно руководя ленинградской областной и городской партийными организациями. Другие его официальные посты: член Президиума Верховного Совета СССР и председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР. Внушительный должностной список, отражавший восхождение вверх по партийной номенклатурной лестнице. Положение, которое занял после съезда Жданов — как глава Агитпропа ЦК и внешнеполитической комиссии Верховного Совета СССР, дает основание, подкрепляемое документами, в том числе архивными, назвать его третьим, после Сталина и Молотова, основным действующим лицом с советской стороны, вовлеченным во внешнеполитические дела. И, следовательно, одним из тех советских лидеров, по чьим словам мы можем судить о целях советской политики в мировой войне.

В речи, не предназначавшейся для публикации¹, а потому довольно откровенной — «здесь партийная конференция, стесняться нечего», — сталинская критика политики Запада, получившая огласку на съезде, была доведена до своего логического конца. Это, с одной стороны, указывает на факт единодушия в советском руководстве относительно предвоенной международной стратегии Советского Союза, а с другой — помогает увидеть подоплеку этой стратегии, ее не афишируемые публично экспансионистские цели.

Заявление «постоянно не забывать о существовании капиталистического окружения» А. А. Жданов дополнил призывом «готовиться к тому, чтобы капиталистическое окружение, товарищи, когда-либо

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 714. Л. 33–54. Далее ссылки на отдельные листы не приводятся.

заменить социалистическим окружением». Реакция партийной аудитории выразилась в «бурных аплодисментах, переходящих в овацию». Партийцам «когда-либо» не показалось слишком отдаленным будущим.

Разумеется, А. А. Жданов говорил об угрозе войны, созданной наступлением фашизма, но смотрел в будущее с оптимизмом. По его словам, «мировая обстановка складывается так, что фашизм, этот зверь, это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии, который является капиталистическим хищником, вооруженным до зубов, питается слабыми, беззащитными государствами; вы, наверное, заметили, что сейчас эта ось направлена главным образом против Англии и Франции». Хотя Англии, продолжил он, «очень хотелось бы уравновесить положение таким образом, чтобы Гитлер развязал войну с Советским Союзом. Но Гитлер понимает по-своему и считает, что должен развязать войну там, где слабее. И, так как видит, что слабее на Западе, он туда и прет, вместе с Муссолини». Слушатели-партийцы аплодировали и смеялись.

Англии в выступлении А. А. Жданова было уделено особое внимание — как главному поджигателю войны. Но английская политика стравливания одних держав с другими, чтобы «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут и забрать», рассчитана на людей наивных, простоватых. Что касается Советского Союза, то «у нас даже пионеры могут разгадать это дело, уж очень грубовато это дело».

Раз все так очевидно для советского руководства, которое «обмануть трудно», то и советская внешняя политика также уже вполне определилась: *«...Будем копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом».* (Не лишне повторить эпиграф к статье.) Встре-

чено было аплодисментами. Достаточно откровенно о том, что скрывалось за сталинским предупреждением Западу, сделанным спустя неделю на XVIII съезде, что его ожидает «серьезный провал», и за сталинским же обещанием «исторического возмездия» все тому же Западу в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Ключевое слово здесь — «возмездие», то есть присвоенное себе Сталиным право вершить суд.

О последовательности взятого сталинским руководством курса на то, чтобы, дождавшись, чтобы капиталисты «лучше разодрались», своим вмешательством обеспечить господство Советского Союза над обессиленной Европой, говорит второй документ из архивного фонда А. А. Жданова¹. Это — пространный документ под названием «О текущих задачах пропаганды». Судя по первым словам документа: «За прошедшие двадцать месяцев со времени начала войны...», он составлен в ЦК ВКП (б) в мае 1941 года. Вероятно, после выступления Сталина в Кремле перед выпускниками курсов по усовершенствованию командиров штабов при Военной академии им. М. В. Фрунзе, когда он дал самую высокую оценку боеспособности Красной Армии. То есть тогда, когда подготовка СССР к «большой войне» с врагами социализма вступила в решающую стадию.

Один из пунктов документа (всего их десять) гласит (курсив мой):

«8. СССР живет в капиталистическом окружении. Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Исходя из неизбежности этого столкновения наше первое в мире социалистическое государство обязано изо дня в день упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением, с тем, чтобы из этих боев выйти победителем и тем самым обеспечить окончательную победу социализма.

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 13. Л. 162—177.

Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало.

Еще в 1915 году Ленин предвидел возможность наступательной политики после утверждения социализма в одной стране. Он писал: «...возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (т. XVIII, стр. 232—233)¹.

Мирное строительство, передышку от военных столкновений Ленин расценивал как средство накопления сил для последующего боя. Еще в 1920 году он писал: «...но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот» (т. XXV, стр. 500)².

Далее мы имеем следующее указание Ленина:

«... Говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож... говорить это нам значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активновраждебными нам силами должны были дать зарок... что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут

¹ Ленин В. И. О лозунге Соединенных штатов Европы. 23 августа 1915 г. Цитировано по 3-му изданию его Сочинений.

² Ленин В. И. Речь на собрании секретарей ячеек московской организации Р. К. П. (б.). Сочинения. 3-е издание. Ни в 4-м издании (т. 31, с. 403—405), ни в 5-м (т. 42, с. 43—46) этого положения нет. Текст 3-го издания, насчитывавший 16 страниц (с. 498—513), в обоих последующих изданиях сокращен в несколько раз.

оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками» (т. XXVI, стр. 49—50)¹.

Итак, ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма.

До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое. Опираясь на свое военное могущество, используя благоприятную обстановку — СССР освободил Западную Украину и Западную Белоруссию, вернул Бессарабию, помог трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии организовать советскую власть. Таким образом, капитализму пришлось потесниться, а фронт социализма расширился.

Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась как никогда. В этих условиях ленинский лозунг «на чужой земле защищать свою землю» может в любой момент обратиться в практические действия.

Таковы коренные изменения, которые произошли в международной обстановке и в жизни Советского Союза. Итак, ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма».

В таком же «наступательном» духе составлен следующий, 9-й пункт документа, в котором, в частности, говорится: «Эти новые обстоятельства, в которых живет страна, требуют от партийных организаций коренного

¹ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о деятельности Совета Народных Комиссаров на XIII Всероссийском съезде советов 23 декабря 1920 г. Прочитировано по 3-му изданию Сочинений.

поворота в партийно-политической работе по большевистскому воспитанию личного состава Красной Армии и всего советского народа в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага».

В этом же 9-м пункте содержится указание на необходимость критики фашизма как идеологии, враждебной марксизму, развенчание пропаганды непобедимости германской армии.

И — самый конец документа: «Всею своею пропагандистскою и агитационною работою партийные организации обязаны воспитывать боевой наступательный дух Красной Армии и всего советского народа, подчинив все средства пропаганды и агитации — газеты и журналы, брошюры и книги, лекции и доклады, собрания трудящихся и беседы — этой величайшей задаче».

В свете таких разнообразных документальных свидетельств нетрудно представить себе, что взятие Берлина и разгром германского нацизма для сталинского руководства не означали конец схватки с капитализмом. Его бастионы — страны демократического Запада, несмотря на союзнические отношения периода мировой войны, по-прежнему оставались мишенью как классовые враги.

Удивительно ли, что по-разному складывались общественно-политические условия там, куда ступала нога солдата советско-западной коалиции? В зоне англо-франко-американской ответственности в Германии искоренение нацизма сопровождалось созданием предпосылок для демократических порядков. В советской зоне Германии и в странах Восточной Европы, на которые распространялась юрисдикция советских военных властей, также преследовали нацистов, а заодно и тех, кто стоял за буржуазно-демократический строй. На смену последнему шли порядки, очень скоро приобретшие черты порядков советских¹. Пресле-

¹ См., например: *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М., 1995.

дую собственные классово-имперские цели, СССР так и не заключил мирный договор ни с Германией (его де-юре заменили Хельсинские договоренности 1975 г.), ни с Японией (вопрос все еще остается открытым).

Показательно и то, как по окончании войны советские руководители делали все, чтобы свести на нет демократизирующее воздействие на страну победы над нацизмом. Чтобы, говоря словами В. М. Молотова, не оправдались «ожидания наемных буржуазных писак», что советские люди, познакомясь с порядками и культурой на Западе, «вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине»¹. Ветеран войны писатель В. П. Астафьев писал о причинах послевоенных массовых репрессий: «Нужно было убирать тех солдат, тех вольнодумцев, которые своими глазами увидели, что побежденные живут не в пример лучше победителей, что там, при капитализме, жизнь идет гораздо здоровей и богаче... Вот и стал товарищ Сталин губить тех, кто ему шкуру спас»². Показательно, что по окончании войны власти старались приглушить память о гитлеровском геноциде евреев, введя негласный запрет на публикации о холокосте. Известный публицист О. Р. Лацис писал по этому поводу, что «действовала логика соучастников, стремившихся скрыть глубинное родство сталинских преступлений с гитлеровскими»³.

Изучение материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГА-СПИ) показывает, что Сталин лично инициировал репрессивные политико-идеологические кампании

¹ Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад В. М. Молотова на торжественном собрании Московского Совета 6 ноября 1947 г. // Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1947 год: В 2-х ч. М., 1952. Ч. 2. С. 65.

² Родина. 1991. № 6–7. С. 54–55.

³ Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 232.

первых послевоенных лет, направленные на подавление любых ростков свободомыслия¹. Продолжилась начатая в годы войны депортация малых народов Крыма и Кавказа, представителей других народностей, пострадали многие творчески мыслящие интеллигенты, на государственный уровень был поднят антисемитизм, усиленно культивировался «образ врага» на Западе в развернувшейся холодной войне. Исследователь этого исторического периода Е. Ю. Зубкова подчеркивает основополагающее значение первых послевоенных лет в развитии советской системы и советского общества². Сложившая еще до этого сталинская модель тоталитарного социализма приняла стабильные очертания.

Обоснованием политико-идеологических кампаний послевоенного времени, в ряду которых была кратковременная, но шумная кампания против «безродных космополитов», стала давняя марксистско-ленинская концепция борьбы «двух систем», трансформировавшаяся в годы холодной войны в концепцию борьбы «двух лагерей», возглавляемых соответственно Советским Союзом и Соединенными Штатами. В развернутом виде она была представлена в докладе, с которым выступил А. А. Жданов на совещании при создании преемника Коминтерна — Коминформа (1947 г.). Обвинив США в проведении курса на установление мирового господства, Жданов сделал упор на обострение идеологической борьбы, в то же время стараясь опровергнуть утверждения, что линия идейного противостояния пролегла между западной демократией и советским тоталитаризмом³.

¹ См., например: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М., 2005.

² См. Зубкова Е. Ю. Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.

³ Из доклада А. А. Жданова «О международном положении» на первом совещании Коминформа. // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. С. 143.

Участие СССР в коалиции со странами Запада, с одной стороны, явилось одним из решающих условий победы над объединенными силами нацизма, фашизма и милитаризма, с другой — способствовало выживанию и укреплению тоталитарного советского режима. Отсюда продолжение глобального конфликта по линии демократия против тоталитаризма в наступившей холодной войне. В противостоянии с продвинутыми, демократическими странами силы тоталитаризма были обречены на конечное поражение. Раньше Германия — во Второй мировой войне, позже СССР — в итоге холодной войны, которая завершилась крушением коммунистической идеи и распадом Советской империи.

Дитер Шмидт-Нойхауз

СПОСОБЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДЛОГОВ О ТОМ, КАК НКВД ПРИМЕНЯЛ «КАТЫНЬСКУЮ МОДЕЛЬ»

1. Предыстория. НКВД в Тернополе, 1939—1941

Западноукраинский районный центр Тернополь (украинский Тернопиль, русский Тернополь) находится в Восточной Галиции, северо-восточнее Карпатской гряды, на волыньско-подольском плато у реки Серет, левом притоке Днестра, в 110 километрах юго-восточнее Львова.

Тернополь был основан в 1540 г. и сначала в течение более двух столетий принадлежал Польше. При первом разделе Польши в 1771-м Галиция вместе с Тернополем вошла в качестве коронных земель в Австрийскую империю. По шеннбрунскому мирному договору в октябре 1809-го Австрия уступила эту землю России, но по решению Венского конгресса в 1815 г. получила ее снова в свои владения. После Первой мировой войны и до 1939 года Тернополь принадлежал Польше.

Большинство населения региона составляли украинцы, в основном крестьяне и мелкие фермеры. В 1939 г. в Тернополе жило примерно 40 000 человек. Самую большую группу населения города, как многих других городов (местечек) Галиции, составляли

евреи — от 17 до 18 тысяч человек. За ними следовали 12 тысяч украинцев и 10 тысяч поляков. Несмотря на сильную полонизацию и существующую взаимную дискриминацию, жители Тернополя сосуществовали относительно мирно.

Тернополь, конечно, всего лишь один из тысяч или десятков тысяч населенных пунктов, ставших жертвами войны 1941—1945 гг. между Германией и Советским Союзом и попавших в историческую литературу. Однако описываемый случай — военные события всего лишь нескольких дней, а также их описания — характерный пример того, как рождаются заблуждения, фальсификации, к чему приводит замалчивание фактов и как труден впоследствии поиск правды. Именно этот случай привел к открытию механизма фальсификации истории, пропущенного в научном мире.

В сентябре 1939 г. в ходе польской кампании немецкие войска заняли Тернополь на несколько дней и затем передали город, согласно пакту Гитлера—Сталина, Красной Армии. Восточная Польша была аннексирована Советским Союзом. Южная часть с Тернополем была присоединена к Украинской Советской Республике. Кардинальные перемены во время короткого советского господства, с сентября 1939 г. по июнь 1941 г., (21 месяц) играют в оценке более поздних событий существенную роль.

Советизация и массовые преступления советской стороны касались всех групп населения, особенно националистически настроенных украинцев, поляков, а также зажиточных евреев, принадлежавших к сионистским кругам¹. В регионе Тернополя с 1939 по 1941 г. несколько тысяч жителей — украинцев, поляков и евреев — были арестованы и, начиная с февраля 1940 г., тремя этапами депортированы в глубь Советского Союза. Эта участь миновала примерно 60 000 га-

¹ Jan T. Gross: *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*, Princeton University Press, 2002.

лицийских немцев, которые были переселены в Германию по соглашению с германским рейхом. Четвертый этап, целью которого была очистка пограничной территории, совпал с нападением немецких войск. В этот момент в тернопольской следственной тюрьме, штаб-квартире НКВД, рассчитанной на 700 узников, находилось около 2000 арестованных.

Репрессии достигли своего максимума в конце июня 1941 г., через несколько дней после начала германо-советской войны, когда в НКВД поступил приказ из Москвы передислоцировать все тюрьмы, расположенные недалеко от границы, либо, если это невозможно, ликвидировать всех политических заключенных. Более 1000 человек из Тернополя погнали на железнодорожную станцию, находящуюся восточнее города, причем многие были по дороге просто расстреляны¹. 574 политических заключенных, в основном украинцы², и 10 немецких военнопленных³ были убиты, и трупы их остались в тюрьме НКВД. Эти процессы были хорошо документированы, все жертвы записаны поименно, в противоположность событиям, случившимся после вывода советских войск.

Более 200 уголовников НКВД освободил. Снабжение населения продуктами во время хозяйствования советских было организовано очень плохо. Оружие доставалось легко, начались грабежи магазинов, а насилия и убийства достигли масштаба, до той поры еще не виданного.

Без этой предыстории трудно понять дело, названное «Тернополь, июль 1941».

¹ *Krzysztof Popinski/Aleksandr Kokurin/Aleksandr Gurjanow: Drogi Śmierci — Ewakuacja więźniów sowieckich z Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej w czerwcu i lipcu 1941. Warszawa 1995, S. 84, 97, 102.*

² *Oleh Romaniv, Inna Fedushchak: Western Ukrainian Tragedy 1941. Shevchenko Scientific Society/Ukrainian Free University Foundation in USA, Library of Ukrainian Studies, No. 18, Lviv — New York, 2002.*

³ Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) Freiburg, RW 2/149, Blatt 270.

2. События начала июля 1941 — Дело «Тернополь»

В районе Тернополя шли бои с Красной Армией, в которых участвовали девятая танковая дивизия из Вены, дивизия ваффен-СС «Викинг» и две пехотные дивизии. После отхода Красной Армии, но еще перед занятием города девятой танковой дивизией, группа украинцев под предводительством некоего врача ворвалась в здание тюрьмы, где и обнаружила трупы жертв энкавэдэшной бойни.

Родственники расстрелянных, созданная в городе украинская милиция, не контролируемые немецкой армией украинские «маршевые эшелоны» фракции Бандеры и, вероятно, также служба безопасности «Организации украинских националистов» (OUN/Sluzba Bezpeki) убили в первые дни июля до сих пор неизвестное количество жителей города. Среди них были виновные в убийствах и пособники советской системы, русские, евреи, поляки и украинцы. Можно предположить, что жертвами мести стали и не замешанные ни в чем жители-евреи, потому что население считало, что евреи играли главную роль в советском аппарате угнетения¹. Ясно, что в эти дни многие сводили и старые счета.

Сколько человек пало жертвами личных актов мести или массовых убийств, организованных силами ОУН, в отличие от предшествующих событий, не выяснено до сих пор. Предположительно, от 50 до 500 жителей Тернополя стали жертвами бесчинств, творимых во время и после ухода советских, а также актов отмщения.

Разница между минимальным и максимальным количеством жертв на целый порядок — 50:500 — неприемлема для историографии и требует уточнения. До сих пор не сделано никаких попыток к выяснению

¹ *Osyf Zaloba: U pochodi na schid [Going into Ukraine]. In: Na zov Kieva [On the Call of Kiev].* Ukrain's'kyj

этой ситуации, что, несомненно, было бы важной задачей юристов и историков, особенно украинских.

Немецкие солдаты и офицеры не были готовы к зрелищу гор трупов — результатов политических чисток и этнических массовых убийств. Когда командующий XIV армейским корпусом, генерал от инфантерии Густав фон Витерсхайм осознал масштаб бесчинств, в основном антисемитских актов мести украинцев, он назначил 4 июля 1941 г. артиллерийского командира, полковника Зандера, комендантом города и временно подчинил ему 3-ю роту полка «Север» дивизии ваффен-СС «Викинг» в качестве охранного подразделения. Как сообщал тогдашний старший лейтенант и адъютант девятой танковой дивизии, требовалось «жесткое руководство, чтобы удерживать от беспорядков возмущенное городское население»¹. Под угрозой жестокого наказания армия через несколько дней прекратила грабежи, акты возмездия и другие преступления. Тела десяти убитых немецких военнопленных были похоронены пятого и шестого июля 1941 г.

Количество жертв — вообще тема сложная. Во время катастроф и демонстраций данные о количестве жертв сильно разнятся из-за трудностей учета и из-за различий интересов участников событий. Расхождения в цифрах в десять раз, то есть на целый порядок, не редкость. Однако для серьезной исторической науки приемлемой может быть неточность, равная максимально фактору 1:2².

В деле «Тернополь, июль 1941» сообщенные свидетелями данные о числе жертв беспорядков, длившихся нескольких дней, максимум неделю, расходятся на три порядка. Речь идет о сотнях (300–600), тысячах (4, 5, 8 тысяч) и о десятках тысяч (15 и 25 тысяч) жертв одного и того же события. Для жертв погромов нет по-

¹ *Carl Hans Hermann*: Der Einbruch in die Stalin-Linie. Mitteilungsblatt der Kameradschaft... 9. Panzer Division, Wien, Folge 34, Juni 1965, S. 8.

² *Gunnar Heinsohn*: Lexikon der Völkermorde, Hamburg 1998. S. 11.

именных списков, в отличие от 574 жертв НКВД июня 1941-го. Это создает много возможностей для ошибок, полуправды и фальсификаций. Свидетели видели на улицах города трупы. Но лишь некоторые из жертв были опознаны и названы по имени, как, например, отец раввина Оренштейна, глава бывшего еврейского предприятия Парнас, которого советские поставили руководить украинским кооперативом обувщиков. Или фотограф Альтер Кацизне (Alter Kacyzne), польский еврей из Варшавы. Он был известен как советский культурный функционер в Лемберге (Львове), в 1940—1941 гг. сбежал из Львова, был в Тернополе узнан украинцами и убит. С советской властью в Тернополе, а тем более с предшествующими преступлениями НКВД, ничего общего он не имел.

По-настоящему приблизиться к исторической правде можно только тогда, когда каждая жертва будет названа по имени, и по отношению к жертвам это единственная справедливость. В советском блоке, например, отношение к евреям как к жертвам не приветствовалось. В государствах — наследниках Советского Союза почти ничего не предпринимается для того, чтобы были выявлены все жертвы Сталина и Гитлера. Эту задачу, по утверждению Сержа Кларсфельда,¹ в Восточной Европе предстоит еще решать — в отличие от Западной Европы, где судьбы жертв преследований и депортаций во время Второй мировой войны исследованы достаточно.

В течение пяти десятилетий в деле «Тернополь» ничего не происходило. Опубликованный в мемуарах, свидетельских показаниях и в справочных пособиях материал не ставился под сомнение и не обсуждался вплоть до 1990-х годов.

В 1995 г. на очень успешной и хорошо посещаемой передвижной выставке «Война на истребление. Пре-

¹ *Serge Klarsfeld: Aussage zu Deportationen und Verfolgung in Europa am 16.6.2009 auf der Konferenz «Operation 1005» in Paris.*

ступления вермахта с 1941 по 1944», проходившей в Австрии и Германии, были представлены материалы, которые обвиняли солдат вермахта в убийстве по меньшей мере тысячи евреев в Тернополе. Поводом для этой акции была якобы месть за 10 немецких военнопленных, убитых НКВД.

Опровержение этих ложных обвинений привело к тому, что в 1999 году выставка закончила свое существование. Единичный случай «Дело Тернополь» раскрыл механизм фальсификации истории, не замеченный никем в течение многих десятилетий.

3. Происхождение данных о числе жертв в Тернополе в июле 1941 г.

Самое меньшее число жертв — 600 человек — упомянуто в документах Главного управления имперской безопасности (РСХА) в Берлине, касающихся этого случая летом и осенью 1941 г. Документы были открыты для общественности в 1945 г. Цифра 600 не подтверждалась другими источниками, но могла, однако, примерно соответствовать правде. Следует принять во внимание, что сотрудники действовавшей тогда в Тернополе зондеркоманды 46 айнзатцгруппы С вполне могли сообщать начальству в Берлине завышенные данные о результатах своей деятельности. Так в Штутгарте в 1966 г., в районном суде во время процесса над одним нацистским преступником, между прочим было установлено, что казням, совершенным зондеркомандой 46 в Тернополе, «предшествовали украинские погромы, вызвавшие примерно 500—600 жертв»¹.

Цифра 1000, касающаяся жертв, возникает только однажды, а именно, осенью 1941 г. в Вене, в так называемом «Тексте Францля». Этот неавторизованный пропагандистский документ, составленный одним из

¹ LG Stuttgart: Urteil Ks 7/65, Raebel u. a., 15.7.1965.

лидеров местной группы НСДАП, играл важную роль в середине 1990-х гг., поскольку на первой передвижной выставке Гамбургского института социальных исследований он фигурировал в качестве ключевого документа о массовых преступлениях вермахта.

Важным источником для отражения событий в Тернополе стали мемуары польско-еврейской учительницы Жанеты Маргулис, главного свидетеля и очевидца событий, работавшей в Варшаве до 1939 г. Родом из известной в Тернополе богатой еврейской семьи Парнасс, она возвратилась в родной город после захвата Варшавы немецкими войсками. Ее родители, крупные предприниматели, оказавшись в оккупированной советскими войсками Восточной Польше, хоть и лишились собственности, сумели, однако, приспособиться к новой власти и потому не были депортированы. Отец был даже назначен главой кооператива обувщиков. Сама госпожа Маргулис, продолжавшая работать учительницей в одном из государственных учебных заведений, выступала в роли пропагандиста советской власти.

В начале июля 1941 г. некоторые из членов семьи пали жертвами актов возмездия, глава семьи был убит своими подчиненными, украинскими обувщиками, а госпожа Маргулис сумела скрыться под видом арийки и спастись.

После освобождения в 1944 г. госпожа Маргулис вернулась с советской Украины на прежнее место жительства в Варшаве. Там она написала свои воспоминания и передала их некоей советско-польской комиссии. В 1949 г. госпожа Маргулис покинула Польскую Народную Республику, эмигрировав в Израиль. Ее мемуары были опубликованы впервые в 1955 г. в Иерусалиме на идиш¹, а затем, пять лет спустя, по-польски в

¹ *Janet Margulies: «Mein Überleben im Tarnopoler Ghetto».* In: Ph. Korngruen: *Encyclopaedia of the Jewish Diaspora, Poland Series, Tarnopol Volume.* Jerusalem 1955, S. 417–436.

Варшаве¹. Дополненные воспоминания вышли на иврите в 1981 г. в Тель-Авиве² и в 1992 г. на английском в США³. Английское издание носит название, вводящее читателя в заблуждение, поскольку госпожа Маргулис никогда не была в Бельжеце.

Различные версии ее воспоминаний отличаются друг от друга деталями. Однако госпожа Маргулис, живя в условиях свободы, выступая свидетельницей в немецких послевоенных процессах, до конца своей жизни продолжала утверждать одно и то же, а именно, что в течение одной недели, до 11 июля 1941 г., было убито «5000 евреев, среди них 800 женщин и детей». В течение десятилетий эти данные с готовностью публиковались, цитировались и не подвергались сомнению.

Свидетельство госпожи Маргулис попало в 1991 г. в английский перевод в США в антиукраинскую книгу, инспирированную и снабженную материалами с советской стороны⁴. В этой же книге был, правда, опубликован один советский документ 1944 г., в котором то же число жертв — 5000 — обозначалось «жертвами среди мирного советского населения». Таким образом, происхождение этой цифры могло быть приписано НКВД. Этот факт, однако, прошел мимо историков, во всяком случае, не вызвал их интереса.

Похожие показания были даны и другими очевидцами. Например, Пинхас Шейман на предварительном следствии в Западной Германии⁵ сообщил, что на

¹ *Zaneta Margules: Moje przeżycia w Tarnopolu podczas wojny.* In: Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego Heft 36 (1960), S. 62–94.

² *Yaffa Margulies-Shnitzer: Nitsalti mi-kioshane Belz'ats [I escaped from Belzec Crematories],* Israel, 1981.

³ *Yaffa Margulies-Shnitzer: I survived Belzec Crematories.* Brooklyn, 1992, S. 13–56.

⁴ *B. F. Sabrin (Ed.): Alliance for Murder. The Nazi-Ukrainian Nationalist Partnership in Genocide.* New York 1991, S. 61–75; S. 269–275.

⁵ *Pinkas Scheimann: Vernehmung am 16.3.1966, Strafverfahren Landgericht Stuttgart (Ks 7/64) gegen Raebel u. a., Band 239, S. 13; BAArch B 162/18057, Bl. 4537.*

третий день после занятия Тернополя немецкими войсками украинцы отвели его туда, где на улицах были расстреляны 5000 евреев. Абрахам Окс¹ сообщает о двух погромах, одном «официальном антиеврейском», и о другом, устроенном украинскими националистами с общим количеством жертв примерно 5000.

В некоторых показаниях число жертв отличается друг от друга, как, например, в показаниях доктора Израиля Шорра из Бучача, который 2 июля 1941 г. был в Тернополе. По его свидетельству, находящемуся в архиве в Варшаве², 4 июля 1941 г. в городе произошел погром, в результате которого были убиты 5600 евреев. В другой книге воспоминаний о Бучаче³ 1956 г., сообщалось о трех тысячах жертв еврейского погрома. В одной книге возникает даже цифра 8000 жертв⁴, но это, скорее всего, опечатка. Во всех самых важных справочных изданиях после окончания Второй мировой войны можно найти цифру 5000, касающуюся количества жертв тернопольских событий июля 1941 г. Эта цифра лежит в основе большинства свидетельских показаний, например: «К началу немецко-советской войны в Тернополе проживало около 17 000 евреев....5000 евреев были убиты, в основном мужчины»⁵, или: «В 1939 г. в Тернополе было 18 000 евреев... 5000 евреев было уничтожено (4–11 июля)»⁶.

¹ *Abraham Ochs: The Dark Clouds*; in: B. F. Sabrin (Ed.): *Alliance for Murder. The Nazi-Ukrainian Nationalist Partnership in Genocide*. New York 1991, S. 23.

² *Israel Schorr*, *Zydowski Instytut Historyczny*, Warsaw (Jewish Historical Institute, ZIH) ZIH 301/4682, 699–70; USHMM RG 15.084M Reel 51.

³ *I. Kahan (Ed.): Book of Buczacz*; in memory of a martyred community, Tel Aviv, Am Oved, 1956, S. 284.

⁴ *Eric Joseph Epstein, Philip Rosen: Dictionary of the Holocaust. Biography, Geography, and Terminology*, Greenwood Press, Westport, Conn., London, 1997.

⁵ *Pinkas Hakehillot Polin: Encyclopedia of Jewish Communities, Poland*, Volume II, Yad Vashem 1963. 234–251.

⁶ *Encyclopaedia Judaica* Jerusalem, Vol. 15, 1971, S. 818.

То, насколько бесспорной оказалась эта цифра даже после распада Советского Союза, продемонстрировал Богдан Хинка, профессор Высшей педагогической школы в Тернополе в 1999 г. Он прочитал лекцию, позже опубликованную в печати, в которой говорилось о том, что 4 июля 1941 г. гитлеровцы организовали первый погром среди 15 000 живущих в Тернополе евреев, и 5000 из них расстреляли¹. Автор, который умолчал об участии украинцев в этих бесчинствах, не понял, что эти данные были им взяты из советских источников, где и число преступников, и количество жертв не соответствовали правде. Первое уточнение по этому поводу появилось только в 2008 г.²

Существовало очень странное расхождение в числе жертв в многотомной «Энциклопедии холокоста». Обзорная статья, написанная Аароном Вайссом, была переведена буквально дословно. Однако в английском и немецком изданиях количество жертв разнится на порядок: согласно оригиналу на иврите и английском³, немцы и украинцы убили «примерно 5000 евреев». В немецком переводе «немцы и украинцы» уничтожили во время погрома «около 600 евреев»⁴. Возможно, редактор немецкого текста уже тогда сомневался в достоверности числа 5000 или не счел его убедительным. В любом случае, он поставил цифру 600, как информацию из Главного управления имперской безопасности, без единого объяснения этого изменения со своей стороны. Издатели немецкого текста ничего не заме-

¹ *Bohdan Hinka*: Ternopil in der Zeit des Krieges, Zeitweiser der Galiziendeutschen 2000, Stuttgart 2000, S. 204–207.

² *Dieter Schmidt-Neuhaus*: Der Fall Tarnopol 1941/1944 und das erfolgreiche Katyn-Modell der sowjetischen Geschichtsfälschung. Zeitweiser der Galiziendeutschen 2009, Stuttgart, S. 293–295. [Im Internet: www.swg-hamburg.de].

³ *Israel Gutman (Ed.)*: Encyclopedia of the Holocaust, Vol. 4, Jerusalem. 1990, S. 1458: Ternopol, Verfasser: Aharon Weiss.

⁴ *Jäckel/Longerich/Schoeps (Hg)*: Enzyklopädie des Holocaust, Band III. Berlin 1994, S. 1402.

тили, в любом случае ничего об этом не сообщили. Внести ясность в этот сомнительный вопрос не представлялось возможным, поскольку ответственный редактор Петер Лонгерих в 1999 и 2000 гг. не ответил на три запроса автора этой статьи о существующем расхождении.

Все четырехзначные числа, обозначающие количество жертв, а именно, более одной тысячи, основываются на заблуждениях или фальсификациях.

4. Август, граф фон Кагенек, или Как можно поверить в абсолютную чушь

Август, граф фон Кагенек, отпрыск знатного дворянского рода, молодой лейтенант и командир взвода разведывательного батальона 9-й танковой дивизии (9 PD), был при взятии Тернополя награжден Железным крестом 2 класса. Он был действительным очевидцем тех событий. С 1955 г. он жил во Франции в качестве журналиста известных немецких газет и немецкого телевидения. В 1968 г. он опубликовал свои воспоминания юности — книгу с названием «Лейтенант под знаком Смерти»¹. На обложке изображен он сам в черной униформе танкиста с нашивками в виде черепа на воротничке. Новый тираж 1994 г. в связи с возможным недоразумением — изображения черепа носили соединения СС — получил иное название: «Лейтенант танковых войск»². Ссылаясь на свидетельство своего шофера Ханзена, Кагенек пишет, что дивизия ваффен СС «Викинг», которая прошла через Тернополь после его 9-й танковой дивизии, уничтожила за два дня «все еврейское население Тернополя... более чем 15 000 мужчин, женщин и детей». По другим свидетельствам, из его батальона, из-за недостатка боеприпасов эсэсов-

¹ *August von Kageneck: Lieutenant sous la tête de mort. Paris 1968.*

² *August von Kageneck: Lieutenant de Panzers. Paris 1994, S. 121–124.*

цы приказывали будущим жертвам «убивать друг друга всем, чем придется». Звучит это скорее как советская пропаганда ужасов, как и другие утверждения Кагенек. Не говоря уже о том, что убийство десятков тысяч людей за два дня — процедура трудоемкая и бессмысленная.

В своей книге «Испытание совести»¹, вышедшей также во Франции в 1966 г., Кагенек посвятил массовым убийствам, приписываемым дивизии «Викинг», отдельную главу «Евреи Тернополя». В этот раз он назвал другого очевидца, своего тогда еще здравствующего бывшего шофера, унтер-офицера Райффа, правда, не поставив того в известность и не получив от него согласия на публикацию. По словам Каганека, дивизия ваффен-СС «Викинг» за два дня, 3 и 4 июля 1941 г., уничтожила все еврейское население города целиком. Если население Тернополя, по его неверным сведениям, насчитывало тогда 50 000 человек, то жертвами стало 25 000. Какой-то начальник приказал, «чтобы сэкономить боеприпасы, убивать лопатами и мотыгами». В этой книге Кагенек приводит «текст Францля», как «письмо одного солдата от 6 июля 1941 г. из Тернополя», в качестве дополнительного доказательства своего абсолютно бессмысленного тезиса об уничтожении всех тернопольских евреев. Кагенек в качестве почетного гостя присутствовал на первой выставке «Преступления вермахта» в Дрездене в 1998 году, которую он и открыл своей речью². На большое количество противоречий между его изложением событий и представленным на выставке материалом не обратили внимания ни участники, ни гильдия историков.

Книга «Испытание совести», вышедшая во Франции, привлекла к себе внимание в Германии тогда,

¹ *August von Kageneck: Examen de Conscience. Paris 1996, S. 35–48, 161.*

² *August Graf von Kageneck: ...wenn Verrat ehrenhaft und Treue ehrlos wird. Rede zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg — Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944.» Dresden 18.1.1998.*

когда два известных рецензента крупных газет повторили абсурдное утверждение Кагенека об уничтожении всех евреев Тернополя войсками СС, приняв его, очевидно, за правду. Таким образом, десятки тысяч немецких читателей узнали впервые об обвинениях Кагенека в отношении своих же тогдашних товарищей по оружию, что вызвало читательские протесты. Кагенек отреагировал на критику немедленно: в открытом письме в газету¹ он взял обратно обвинения, касающиеся дивизии «Викинг». Не она, а айнзатцгруппа СС доктора Раша повинна в преступлениях, по его мнению, доказанных историей. Ни себя, ни своего «тогдашнего свидетеля ефрейтора Р., он не может обвинить в фальсификации или клевете». Его свидетель якобы перепутал солдат дивизии «Викинг» ваффен-СС с членами айнзатцгруппы. Хотя этого не могло быть уже только потому, что они носили совершенно разную униформу². Таким образом, Кагенек, хоть и переложил вину на плечи SIPO-SD-зондеркоманды, обелив дивизию «Викинг», но продолжал настаивать, что преступление имело место. Названный свидетель пытался протестовать³, но заставить Кагенека изменить позицию не смог.

О событиях в Тернополе Кагенек упомянул в третий раз в своей книге, вышедшей в Германии в 1998 г.⁴ В этот раз он не называл никаких чисел и ссылался, не упоминая имени, на свидетельство «моего патрульного солдата», который ему якобы рассказал, что «люди СС в конце, устав стрелять, убивали свои жертвы лопатами, очевидно, чтобы сэкономить боеприпасы».

¹ August von Kageneck, Leserbrief «Nicht die Wiking-Division», FAZ 17.1.1997.

² Brian Leigh Davis, Pierre Turner. German Uniforms of the Third Reich, Blandford Press Ltd., Poole, Dorset, 1980.

³ K. R.: Brief vom 22.10.1997 an August Graf von Kageneck.

⁴ August Graf von Kageneck: In Zorn und Scham. Ungesammelte Gedanken zum größten anzunehmenden Unfall unserer Geschichte. Mainz 1998, S. 81–84.

Подтверждением этого свидетельства Кагенек считал «письмо к родителям некоего Ф. от 6 июля 1941 г. из Тернополя», которое экспонируется на выставке «Война на истребление. Преступления вермахта с 1941 по 1944». Он цитировал дословно выдержки из этого письма полевой почты, сделав, таким образом, сомнительный «текст Францля» единственным документальным доказательством военного преступления немцев в Тернополе.

В книге, вышедшей в Париже в 2002 г.¹ Кагенек предложил четвертый вариант событий. Кто-то из его солдат видел, как люди в униформе СС в течение двух дней, 3 и 4 июля 1941 г., уничтожили всех евреев города с помощью остального населения. Чтобы экономить боеприпасы, убивали лопатами и мотыгами. Всего убито около 1000 человек. Так Кагенек отказался от десятков тысяч и использовал фальшивую цифру, стоящую в «тексте Францля», которая противоречила его же утверждению о гибели всех евреев.

Кагенек — очевидец, действующее лицо и сообвиняемый, описывал не собственные наблюдения, а абсурдные сфабрикованные свидетельства, ссылаясь на своих тогдашних подчиненных. Пережившая эти события госпожа Маргулис описывала солдат в черных униформах с черепами, как мародеров и убийц. Эту униформу носил Кагенек в качестве офицера девятой танковой дивизии. Историк Дитер Польш (Dieter Pohl) даже предположил, что массовый убийца «Францль» был одним из дивизионных товарищей Кагенека. Итак, устроители выставки² не отрицали, что девятая танковая дивизия могла в числе прочих дивизий участвовать в массовом уничтожении евреев, тем

¹ *Hélie de Saint Marc et August von Kageneck: Notre Histoire (1922–1945). Les arènes*, Paris 2002, S. 187–188.

² *Hamburger Institut für Sozialforschung: Errata und Ergänzungen zum Ausstellungskatalog «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944»*. Hamburg 1998, S. 2.

не менее они пригласили Кагенека на открытие как важную персону.

Чтобы доказать абсурдность заявлений Кагенека, можно рассмотреть событие, происшедшее весной 1940 г., когда советские войска уничтожили примерно такое же количество польских военнопленных, примерно 25 000 (Дело «Катынь»), но в разных местах. Это была бы непосильная задача для нескольких дюжин людей, которые входили в зондеркоманду 46 айнзатцгруппы С, ликвидировать примерно 20 000 человек, то есть половину населения небольшого городка, в течение двух дней. Массовое преступление такого масштаба в самом начале советско-немецкой войны с уверенностью сохранилось бы в памяти многих людей и не укрылось бы от преследователей нацистских преступников.

Самое худшее, однако, в случае Кагенека то, что ни один историк не поставил его данные под вопрос и не затеял дискуссию по поводу несоответствия количества жертв и преступников, временных рамок и всех остальных очевидных глупостей. Заявления Кагенека были известны во Франции и в Германии десятки лет, их использовали известные публицисты и формировали таким образом общественное мнение.

5. Проверка достоверности происхождения данных о 5000 жертв

Гамбургский институт социальных исследований — учреждение частное. Его основатель — наследник табачной фирмы Reemtsma Ян Филипп Реемтсма. В начале 1990 гг. в рамках научно-исследовательского проекта «Перед лицом нашего столетия. Насилие и разрушения в процессе цивилизации» институт разработал передвижную выставку. Называлась она «Война на истребление. Преступления вермахта в 1941—1944 гг.» и с марта 1995 года по октябрь 1999 г. с

огромным успехом была показана в 27 городах Германии и в шести городах Австрии. Ее посетили 800 000 человек. Критика в адрес формы и содержания выставки звучала с момента ее открытия, особенно сильно — когда в 1997 г. ее привезли в Мюнхен. Но ни тогдашняя критика, ни более поздняя, когда в январе 1999 г. еженедельный журнал «Шпигель» опубликовал доказательства Мусиала по поводу фальшивых фотографий, не принималась во внимание организаторами выставки. Ни представители исторической науки, ни власти, ни средства массовой информации не видели очевидного, и выставка, финансируемая из разных источников, была осенью 1999 г. на пике своего успеха. Уже готовилась параллельная выставка в США, которую собирались открыть к концу года.

Достойным удивления, правда, было то, что на передвижной выставке данные о количестве жертв Тернополя ограничивались 1000, а потом — 600 человек, хотя в целом преступления вермахта представлялись в как можно более ужасном виде. Вполне возможно, что и в этом случае работникам института цифра в 5000 показалась малопримемой. Фактически это бы означало, что в Тернополе после первой недели июля 1941 г. не осталось ни одного еврея мужского пола в возрасте от 18 до 65 лет. Можно с уверенностью сказать, что это неправда. Документальные доказательства этого тоже отсутствуют.

Данные выставочных материалов «Дела Тернополь» часто бездумно перенимались историками и журналистами, что, несомненно, сыграло важную роль в истории падения самой выставки. На стенде «Тернополь» были вывешены четыре фотографии из одного Венского архива, а рядом с ними — предполагаемое письмо солдата Францля, посланное якобы полевой почтой его родителям в Вену. Это письмо стало единственным документом, свидетельствующим об уничтожении 1000 евреев солдатами вермахта. Однако письмо не содержит в себе никаких доказательств о

преступлениях вермахта в начале июля 1941 г. Пять из семи фактов, приведенных в письме, — фальшивые. Два остальных основываются на преступлениях советских войск. «Письмо Францля» смогло стать ключевым документом единственно потому, что было при- слано якобы полевой почтой, а автор этого текста был самовольно кем-то обозначен как солдат вермахта. После первой же публикации в 1995 г. это было под- хватчено некоторыми специалистами, с готовностью перенято прессой и распространено средствами массо- вой информации. На самом деле так называемый Текст Францля, появившийся в Вене летом/осенью 1941 г., не что иное, как пропагандистский плакат, в котором факты о преступлениях НКВД — убийство 600 украин- цев и десяти немецких военнопленных в конце июня 1941 г. — превратились в желаемую, но не реализован- ную кровожадную фантазию убежденных нацистов¹. Это не единственный текст такого рода, доказываю- щий только одно: антисемитские взгляды некоторых венских партийных чиновников и их аморальность.

В октябре 1999 г. в журнале для преподавателей истории Германии появился короткий разбор «Дела Тернополь», правда, речь шла только о четырех фо- тографиях². Случайно в это же время были опубли- кованы два расследования, проведенные молодыми иностранными историками, также касающиеся этих фотографий. Поскольку самая большая газета Гер- мании — «Франкфуртер аллгемайне цайтунг» (FAZ) поместила эти сообщения на первой полосе, разные

¹ Dieter Schmidt-Neuhaus: Der Fall «Franzl-Brief aus Tarnopol» — Wie aus einer nicht realisierten Rachemordphantasie ein NS-Propagandaaushang und schließlich ein Beweis für Verbrechen der Wehrmacht fabriziert wurde. <http://www.tu-berlin.de/fb1/AGiW/Hospitium/FranzlBA.htm>, 2004 und 2010.

² Dieter Schmidt-Neuhaus: Die Tarnopol-Stellwand der Wanderausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941.1944». Eine Falluntersuchung zur Verwendung von Bildquellen. Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU) 10/1999, S. 596–603.

СМИ начали обвинять организаторов выставки в экспонировании фальшивых фотографий. Точнее, фотографии были настоящие, но экспонировались не в нужном месте и неправильно атрибутировались. В течение нескольких дней разоблачения трех «чужаков»¹ — Мусяля² (Musial), Шмидт-Нойхауза (Schmidt-Neuhaus) и Унгвари³ (Ungváry) — привели к внезапному и бесславному концу до тех пор очень успешной выставки. На самом деле она была подготовлена очень небрежно и с большими ошибками. Естественно, готовившаяся параллельно выставка в США не состоялась. В этом сыграло огромную роль «Дело Тернополь», поскольку на одной из фотографий трупы десяти военнопленных, убитых НКВД, ошибочно выдавались за еврейские жертвы вермахта. Неловкость положения усугублялась тем, что на гробах были видны — если приглядеться — христианские кресты. Разбор «Дела Тернополь» с того времени описывается в учебниках⁴ и разбирается на семинарах.

Итак, «Дело Тернополь» было вначале представлено как тяжкое военное преступление вермахта. На двух страницах каталога публике рассказывали о том, как солдаты вермахта уничтожили от 600 до 1000 мирных евреев. К концу 1999 года ложность этого обвинения

¹ Jörg Friedrich: Die 6. Armee im Kessel der Denunziation. Ende der Legende von der sauberen Wehrmachtsausstellung, Berliner Zeitung 30.10.99, S. 1–2.

² Bogdan Musial: Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944», Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ) 47, Heft 4, Oktober 1999, S. 563–591.

³ Krisztián Ungváry: Echte Bilder — problematische Aussagen. Eine quantitative und qualitative Fotoanalyse der Ausstellung «Vernichtungskrieg — Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944», Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU) 10/1999, S. 586–595.

⁴ Thomas Hertfelder: Vermittlung. Die Macht der Bilder. Historische Bildforschung. In: Andreas Wirsching (Hg): Neueste Zeit, Oldenbourg Geschichte Lehrbuch, Oldenbourg Verlag, München, 2006, 2. Auflage 2009, S. 281–292.

казалась уже достаточно выясненной, что и было подтверждено многими средствами информации. Станным образом этот случай выплыл снова на поверхность в материалах хорошо подготовленной второй выставки того же института в 2001–2004 гг. «Преступления вермахта. Масштабы войны на истребление 1941–1944». Тернополю было посвящено 23 страницы каталога¹, то есть в десять раз больше, чем на первой выставке. В главе «Вермахт и геноцид» организаторы вновь утверждали, что в свое время в Тернополе действительно имело место преступление вермахта.

Теперь организаторы выставки попытались доказать истинность этого преступления на основании трех послевоенных свидетельств. Из них интересен только один документ, да и то тем, как сотрудники института, а также историки, изучавшие «Дело Тернополь», обращались с исторической правдой. На одной странице каталога (стр. 105) были напечатаны всего три абзаца из восьмистраничной стенограммы допроса в Мюнхене², 5.03.1974 г. Заявления касались «участия немецких солдат» и «волны погромов, прежде всего организованных вермахтом». В конце второго абзаца после предложения «Мой отец тоже погиб во время этой акции» организаторы без всякого основания или объяснения вынули из текста короткую фразу: «Жертв было примерно 5000». Отсутствие этого предложения не дает возможности читателю усомниться в правильности заявления свидетеля О., а также и в том, что сотрудники института не считали эту цифру — 5000 — приемлемой и на прошлой выставке. Однако редкостное разгильдяйство организаторов дошло до

¹ Hamburger Institut für Sozialforschung (Hg.): Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg 2002.

² Vernehmung Dr. Aaron Ohrenstein vom 05.03.1974 in München, StA beim LG Stuttgart 82 Js 10/73, Blätter 138–145, Vernehmungsniederschrift, München 5. März 1974. ZStLJV 208 AR-Z 13/73.

того, что на стр. 110 одной из тернопольских фотографий сопутствовал факсимильный текст из центра Симона Визенталя: «Погром в Тернополе длился 7 дней, во время которых было убито 5000 евреев».

Известный свидетель доктор Оренштайн, до 1941 г. раввин в Тернополе, во время немецкой оккупации — водитель грузовика на одной немецкой строительной фирме, а с 1945 по 1955 г. главный раввин Баварии, тоже распространял в Германии неправдоподобную цифру в 5000 жертв. Свидетельства, найденные сотрудниками института в архивах, объясняют появление «текста Францля» как нереализованную фантазию убийц.

6. Советская Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК) 1942 года

Указом Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года советское правительство постановило создать комиссию, состоящую из известных личностей, для учета материального ущерба, нанесенного войной, и выявления военных преступлений. Ее полное название: «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Основание ЧГК было вполне законной мерой, она соответствовала похожему следственному органу немецкого вермахта. Таким образом, ЧГК еще долгое время после войны считалась серьезным учреждением, возможно, еще потому, что шесть из десяти ее членов были членами академии наук. Только гораздо позднее стало ясно, что официальная версия не вполне соответствовала правде. Политбюро ЦК КПСС и НКВД контролировали ЧГК на всех уровнях. Пропаганда была одним из важных ком-

понентов в работе, и потому у комиссии появился дополнительный секретный заказ.

К концу существования Советского Союза еще не было никаких исследований по ЧГК. Первая диссертация по работе ЧГК¹, представленная в 1995 г. в США, еще не содержит ссылок на роль НКВД. Диссертация, защищенная в 1995 году в Высшей школе МВД в Волгограде², хоть и осталась под замком, но частично была опубликована в Вене³. Ее автор А. Епифанов впервые затронул тему особой роли ЧГК в сокрытии преступлений советского режима.

Датский историк Поульсен (Poulsen) в 2004 г. в своей диссертации о ЧГК⁴ отметил работу Епифанова как самое основательное из имеющихся исследований о ЧГК. Он был согласен с Епифановым, что «высшие представители государственных и партийных органов тщательно контролировали работу комиссии», что НКВД допрашивало свидетелей для местных отделений ЧГК и что ЧГК «время от времени принимала участие в фальсификации доказательств». К сожалению, Поульсен не углубил выводы Епифанова, а его выражение «время от времени» здесь, несомненно, неуместно.

О методах работы ЧГК и о роли в ней советской секретной службы НКВД впервые рассказала в 2005 г.

¹ *Marian R. Sanders*, Extraordinary Crimes in Ukraine: An Examination of Evidence Collection by the Extraordinary State Commission of the U. S. S. R., 1942–1946. Ph. D. Diss., Ohio University, 1995.

² *Aleksandr E. Epifanov*: Crevycajnaja gosudarstvennaja kommissija po ustanovleniju i rassledovaniju zlodejanij nemecko-fasistkich zachvatcikov i ich soobscnikov i pricinnogo imi ucerba grazdanam, kolchozam, obscestvennym organizacijam, gosudarstvennym predprijatijam i ucresdenijam SSSR. Istoriko-pravovoj aspekt. Diss. (A) Volgograd 1995.

³ *A. E. Epifanow*: Die Außerordentliche Staatliche Kommission. Eigenverlag Erwin Peter, Wien 1997.

⁴ *Niels Bo Poulsen*: The Soviet Extraordinary State Commission on War Crimes. An Analysis of the Commission's Investigative Work in War and Post War Stalinist Society. Ph. D. dissertation, Copenhagen, 2004.

в русском¹ и американском² журналах московский историк Мария Сорокина. Она обнаружила, что у ЧГК были «свои собственные скрытые цели», секретное задание «записывать» советские преступления на немецкий счет, и что ЧГК «предпринимала далеко идущие и успешные попытки переложить бремя преступлений советской власти на плечи Гитлера». Она ввела для этого широко употреблявшегося успешного метода советской фальсификации истории термин «Катынская модель». Хотя это выражение встречается в Википедии, в других местах оно пока не принято.

Конкретный пример перекалывания вины за преступления НКВД на немцев произошел на Кавказе в 1942 г. Сорокина, как и Епифанов, цитировала этот случай по одной книге³, вышедшей в России уже в 1994 г. Речь идет о жертвах войск НКВД в советской автономной республике Кабардино-Балкарии, которые были выданы ЧГК за жертвы немецких войск. Есть и другие опубликованные примеры «Катынской модели». Так, в 2009 г. Мусиаль установил, что «советские органы, расследовавшие фашистские преступления, выдавали жертвы советского террора за жертвы фашистского террора». Как пример «Катынской модели» (хоть это и не его определение) он представил факт перекалывания вины на плечи немцев за советские преступления в Гомельском деле⁴, скрываемом даже после развала Советского Союза.

¹ *Marina Sorokina*: Gdje swoi, a gdje tschutschie? K istorii rassledovaniia nazistskich prestuplenii w SSSR. Priroda No. 11, 2005, p. 57–64.

² *Marina Sorokina*: People and Procedures. Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Volume 6, Number 4, Fall 2005, p. 797–831.

³ *K. G. Azamatov et al.*, Cherekskaia tragediia, Nal'chik: El'brus, 1994.

⁴ Bogdan Musial: Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn, 2009, S. 449.

Еще в 1995 г. немецкий военный историк Иоахим Хофман¹ в своей книге «Сталинская война на истребление», в главе «Гитлеровские злодеи. Советские зверства приписываются немцам», на многих примерах описал пропагандистские подделки, представленные советской стороной. На самом деле открытие факта перекалывания собственной вины на плечи немцев принадлежало молодому русскому архивариусу Дмитрию Юрасову, который в 1990 г. дал интервью московской профсоюзной газете «Труд». Он выяснил, что ЧГК имела секретное задание: объявлять массовые захоронения НКВД делом рук немцев². Это разоблачение хотя и было озвучено радиостанцией «Свобода» и опубликовано в одном журнале³, но не привлекло к себе особого внимания.

Определение действий советской власти как «сознательное и преднамеренное мошенничество» не сработало даже в 1990 г., когда советское руководство подтвердило официально, что «Катыньское дело» — это уничтожение польской элиты руками НКВД весной 1940 г.

Обвинения, предъявленные немецким войскам в Нюрнберге по докладу ЧКГ (доклад комиссии Бурденко, всего лишь один из 27 опубликованных докладов ЧГК), были без лишнего шума сняты международным военным трибуналом (МВТ). Винницкое дело, где убийства, совершенные ранее НКВД, расследовались в 1943 г. двумя экспертными комиссиями, советская сторона в Нюрнберге даже не озвучила.

¹ *Joachim Hoffmann*: *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. Planung, Ausführung und Dokumentation*. Verlag für Wehrwissenschaften, München 1995.

² *O. Gorelow und A. Iwanizkij*: 250 Tausend Namen (Interview mit Dmitri Yurasov), *Trud*, Moskau, 4.3.1990, S. 4.

³ *Vera Tolz*: *Archives Yield New Statistics on the Stalin Terror*. Report on the USSR, Volume 2, Number 36, September 7, 1990, 1–4 (Report on a broadcast of Radio Liberty in Munich on 29 August 1990, RL 370/999).

Во многих местах, где происходила «двойная резня», то есть за советскими зверствами следовали немецкие¹, было относительно просто записать все злодеяния на немецкий счет. По принципу «Катынской модели» ЧГК объявляло каждый раз о таком числе жертв захватчиков, которое соответствовало либо превышало количество жертв НКВД, погибших в данном районе до 1941 г.

Доклады ЧГК, касающиеся большинства населенных пунктов и регионов, как и основной доклад, оставались под замком. Тем не менее их заключения, преувеличения и фальсификации разошлись по всему миру (каким образом — это еще предстоит выяснить), и попали в научную литературу и справочники точно так же, как и 5-тысячное число тернопольских жертв². Эта ошибка десятилетиями с готовностью цитировалась, публиковалась и принималась на веру. Даже еще в 2007 г. в книге американского историка Омера Бартова³, а в начале 2008 г. — в кратком переводе этой книги на немецкий язык⁴. В отличие от большинства историков и журналистов, переписывающих одно и то же, как раз Бартов должен был бы давно знать детали тернопольского дела, поскольку он до 1999 г. участвовал в организации параллельной выставки Гамбургского института в США и до ноября 2000 г. был в составе «независимой» исторической комиссии⁵.

¹ *Irina Paperno*: *Exhuming the Bodies of Soviet Terror, Representations* 75 (Summer 2001), S. 109.

² *Martin Gilbert*: *Endlösung. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden. Ein Atlas*. Reinbek 1982, S. 67, und viele andere Nachschlagewerke.

³ *Omer Bartov*: *Erased. Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-day Ukraine*, Princeton University Press, Princeton and Oxford, 2007, S. 154.

⁴ *Omer Bartov*: *Weißer Stellen und schwarze Löcher: Vergangenheit und Gegenwart in Ostgalizien*, Naharaim: Zeitschrift für deutsch-jüdische Literatur und Kulturgeschichte. Band 1, Heft 2, Januar 2008, S. 187.

⁵ *Omer Bartov, Cornelia Brink, Gerhard Hirschfeld, Friedrich P. Kahlenberg, Manfred Messerschmidt, Reinhard Rürup, Christian Streit, Hans-Ulrich Thamer*: *Bericht der Kommission zur Überprüfung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944»*, Hamburg, November 2000.

7. Доклад ЧГК о Тернополе 1944 г.

Когда Красная Армия вновь заняла Тернополь летом 1944 г., в городе, как и везде, начала действовать комиссия ЧГК, руководимая партией и НКВД. Комиссия составила акт, в котором говорилось, что «немцы с помощью местных украинских националистов»... «в первые дни немецкой оккупации уничтожили примерно 5000 мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков»¹.

Доступ к этой информации стал возможен гораздо позднее. Однако каждый историк уже с 1991 г. мог обнаружить, что число 5000 впервые было названо НКВД в конце июля 1944 г. Маловероятно, что НКВД установило такое количество жертв путем широкого опроса выживших. ЧГК, зная примерно, какое количество жертв оставило после себя НКВД в Тернополе с 1939 по 1941 г., взяла это число за основу, увеличила на порядок и результат приписала немцам, совершенно в духе «Катынской модели».

Количество жертв погромов в Тернополе, увеличенное в десять, если не больше раз, после 1944 г. (без указания на ЧГК как источник информации) распространялось и встречалось даже за пределами Советского Союза — в мемуарах и свидетельских показаниях, данных в суде. Эти непроверенные данные попали в справочники и научную литературу. До сегодняшнего дня историки не понимают, что это подделка, подтасовка или фальсификация, которая повторяется из книги в книгу.

Только в 2002 г. в одной статье, посвященной «Делу Тернополь»², было наконец указано, что число 5000 было названо ЧГК в 1944 г. и что заключение

¹ Städtische Kommission Tarnopol der ASK: Urkunde vom 31.7.1944, Staatsarchiv der Russischen Föderation, Moskau (GARF) 7021–75–105.

² Dieter Schmidt-Neuhaus: Der Fall Tarnopol Juli 1941. In: Seidler/de Zayas (Hrsg.): Kriegsverbrechen in Europa und im Nahen Osten im 20. Jahrhundert. Hamburg, Mittler, 2002, S. 167–169.

комиссии о течении событий и количестве жертв — фальшивка, точно такая же, как и еще более раздутые цифры Кагенека. В то время еще не было объяснено, каким образом эта фальшивая информация могла распространиться так широко.

Кроме Катыни и Винницы, советским удалось переложить на немцев большинство своих преступлений. Это было легко, поскольку в местах, оккупированных немцами, было много расстрелянных мирных жителей, их могил и массовых захоронений¹. Как утверждалось в одном винницком расследовании², «иногда трудно отличить жертвы Сталина от жертв Гитлера». С помощью «Катыньской модели» Советской власти удалось обвинить немецкую сторону в гораздо больших преступлениях, чем нацистский режим на Востоке совершил на самом деле.

8. Фальсификация истории «фильтрацией» и манипуляцией выживших

Каждый гражданин, который во время Второй мировой войны находился за границей, особенно вражеской, без специального задания или разрешения властей, был для советского режима персоной подозрительной. Попасть в плен считалось преступлением. Военнопленные рассматривались как предатели, а гражданское население во вражеских руках — как коллаборационисты.

Все военнопленные и увезенные на принудительные работы — миллионы людей, возвращенных в Советский Союз после 1944 г., были пропущены вначале через более чем сотню организованных НКВД проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ). При-

¹ Ereignismeldungen UdSSR, Bundesarchiv (BAB), R 58, Nr. 214–221.

² *Irina Paperno*: Exhuming the Bodies of Soviet Terror. Representations 75. Summer 2001, S. 90.

мерно 10% из них были осуждены или посланы на принудительные работы. Но даже и те, кто был отпущен домой, всю жизнь оставались под надзором партийных органов и милиции. Этот факт упоминался уже в 1995 г. в одной диссертации и затем был подробно описан в литературе¹.

Легко догадаться, что каждый советский гражданин, находившийся во временно оккупированных немцами местах, то есть уже ставший однажды жертвой Гитлера, немедленно после освобождения был «охвачен» советскими органами. Он не только снабжался документами, необходимыми для дальнейшей мирной жизни, работы, получения медицинской помощи и т. д., но и «фильтровался» секретными службами, становясь, таким образом, снова жертвой, на этот раз Сталина.

Тема «фильтрации освобожденных» до сих пор не затронута в достаточной мере в литературе. Существуют единичные скупые, но ясные намеки. Павел Полян указывал на то, что «на территориях, освобожденных Красной Армией... в полном объеме становилась проблема фильтрации или проверки освобожденного населения»².

Гёкен-Хайдль в большом исследовании о репатриации коротко высказывалась точно в таком же духе: «За Красной Армией, движущейся на Запад, по пятам следовали советские секретные службы, которые проверяли поведение и отношение к советской власти освобожденного населения во время оккупации, а позже и тех, кто находился в Западной Европе»³.

¹ Pawel M. Polian: *Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung*. R. Oldenbourg Verlag München/Wien, 2001.

² Pavel M. Polian: *Stalin und die Opfer des nationalsozialistischen Vernichtungskrieges*. In: Jürgen Zarusky (Hg.): *Stalin und die Deutschen*. Oldenbourg Verlag München 2006, 89–109.

³ Ulrike Goeken-Haidl: *Der Weg zurück. Die Repatriierung sowjetischer Zwangsarbeiter und Kriegsgefangener während und nach dem Zweiten Weltkrieg*. Essen, Klartext, 2006.

После возвращения своих территорий Советская власть присвоила себе полномочия толковать историю по-своему, и никто не имел права на иную точку зрения, и прежде всего находящееся под постоянным подозрением «освобожденное» население. О сталинских преступлениях, разумеется, в высших сферах власти десятилетиями хранилось полное молчание.

Проходя процедуру фильтрации и боясь очередных репрессий, освобожденные на допросах, естественно, принимали советскую версию прошедших событий во время немецкой оккупации. Эту же версию они повторяли и впоследствии. Таким образом, НКВД удалось распространить свою трактовку исторических событий не только через агентов, засланных на Запад, но и с помощью выживших очевидцев, сумевших покинуть пределы Советского Союза.

Естественно, все важные свидетели тернопольского дела были «охвачены» и «профильтрованы». И госпожа Маргулис конечно же не упоминала в протоколе в Варшаве, в мемуарах, а также в свидетельских показаниях в западногерманском суде о своих контактах с местными органами НКВД и о том, какое влияние они оказывали на ее показания. До конца жизни она осталась верна фальсифицированным данным ЧГК.

Некоторые из тех свидетелей, которым удалось со временем вырваться на Запад, рассказывали тем не менее о своих проблемах с советскими секретными службами^{1,2}. Однако, как известно, никто из тех, кто под давлением давал фальшивые показания, не признался в этом и не объяснил, что с ним произошло и почему и потом, на Западе, он повторял одну и ту же ложь. Никто не сознался в том, что он распростра-

¹ *Eliyahu Yones: Die Straße nach Lemberg. Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944. Fischer, Frankfurt/Main, 1999, S. 204.*

² *Leon W. Wells: Ein Sohn Hiobs. Hanser, München, 1963, S. 305.*

нял неправду, даже после развала Советского Союза. Был ли это страх перед длинными руками НКВД или стыд перед признанием содеянного? В переписке и в личных архивах, несомненно, найдется много интересного, если историки захотят что-нибудь найти.

Советской системе удалось даже на Западе распространить ложное представление о ходе событий и значительно преувеличить количество жертв. Этому послужили не документы и факты, а свидетельские показания и мемуары, похожие друг на друга в разных регионах. В послевоенных процессах фальшивки появлялись в судебных актах, поскольку чиновники недостаточно критически относились к свидетелям. Никто не осознал тогда особую манеру «советского» языка и манипуляцию общественным мнением с помощью этого языка. Эти исторические фальсификации очевидцев, казавшиеся абсолютно достоверными, пережили даже конец советской системы.

Извлеченный здесь на поверхность механизм подделки истории окольным путем, «по-советски», с помощью мошеннических искажений действительности, трудно понять непрофессионалам. Профессиональные историки, однако, были в состоянии его обнаружить и вполне могли сообщать общественности правду. По крайней мере, они могли бы уже давным-давно разоблачить советские манипуляции с количеством жертв.

Первым случаем такого редкостного мошенничества стал Освенцим, где ЧГК в 1945 году установило 4 миллиона жертв, и эта цифра, высеченная в камне, сохранялась официально до 1990 г. Уже в 1953 г. Геральд Райтлингер, первый автор, написавший об Освенциме, так же как и Пауль Нильберг в 1961 г., склонялся к цифре 1 миллион. Франтишек Пайпер из Музея в Освенциме, который еще во времена «Солидарности» высказывал сомнения в заявленной цифре 4 миллиона жертв, после объединения Германии назвал в своей книге число жертв 1,13 миллиона. На Западе уже с

60-х гг. только единичные СМИ использовали официальные советские данные. По сведениям Фритюфа Майера, опубликованным в 2002 г., речь идет о 510 000 жертвах Освенцима, из них — 356 000 евреев. Это соответствует примерно одной десятой от числа, официально заявленного Советским Союзом. Историки должны были бы давно задать себе вопрос, почему советские должны были иначе поступать с другими данными? В конце концов, преподающий в Мюнхене историк Вольфсон уже в 1991 г. установил, что «воспоминания лучше всего подпитываются настоящей правдой»¹.

9. Заблуждения, признание правды, сокрытие ее и ответственность историков

Лишь некоторые историки, работающие в университетах, институтах или архивах, начиная с 1990-х гг. занимались тернопольским делом. Это понятно, поскольку события нескольких дней войны в маленьком городе с относительно небольшим количеством жертв были крошечным эпизодом Второй мировой войны на востоке. Тем больше и ответственность этих историков² за нахождение и распространение исторической правды и разоблачение заблуждений, лжи, умалчивания и мошенничества.

Ральф Огоррек³, описывая ситуацию в Тернополе, не называл никаких цифр. Он рассказывал о деятельности зондеркоманды 46 айнзатцгруппы С и рассматривал как советские преступления, так и убийства из

¹ *Michael Wolffsohn: Zahlenspiele mit den Auschwitzopfern? Frankfurter Allgemeine Zeitung Nr. 7, 8.1.1991, S. 10.*

² *Antoon de Baets: Responsible history, New York, 2009.*

³ *Ralf Ogorreck: Die Einsatzgruppen und die «Genesis der Endlösung». Metropol Verlag Berlin 1996, S. 127 ff.*

мести без того, чтобы называть их погромами: «Когда местному населению стало известно об убийствах, совершенных НКВД, это стало поводом для эксцессов против своих еврейских соседей. Беспредельная ненависть к евреям и спонтанная готовность к насилию заставили горожан обвинить евреев в соучастии в преступлениях, виновниками которых были отступающие советские соединения».

Томас Зандкюлер¹, хоть и верно заметил, что «было бы очень сложно подсчитать количество еврейских жертв до середины июля», принял, однако, за правду «официальную» цифру: «Маргулис, стр. 67ф, которая рассказывает о 5000 жертв, среди них 800 женщин и стариков». Более тщательно Тернополем занимался Дитер Польш. В своей диссертации о преследованиях евреев в Восточной Галиции, изданной в 1996 г.², он обращается сначала к польскому исследованию, основанному на опросах еврейских свидетелей. «Насколько возможно реконструировать события, обширные эксцессы проходили в Лемберге и Тернополе». Относительно количества жертв в Лемберге (Львове) он пишет: «Очень трудно определить количество жертв львовских погромов. Очевидцы говорят о четырех тысячах», и в заключение утверждает: «Погромы в Лемберге можно сравнить с погромами в Тернополе. Туда вступила 2 июля 9-я танковая дивизия, за ней — тремя днями позже — зондеркоманда 4б». Польш предлагает версию, по которой в маленьком городке Тернополе оказалось количество жертв, сравнимое с большим городом Лембергом. В списке его источников это утверждение ничем не подтверждено.

¹ *Thomas Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn 1996. S. 120; 489.

² *Dieter Pohl*: Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München 1996 (München, Univ., Diss., 1994/95), S. 45–65.

Что касается жертв НКВД, то Поль в одном случае занижает цифру до 200, в другом — называет примерно 560, о найденных в тюрьме трупах немецких военнопленных не упоминает вообще. Далее он заявляет об «участии немецких солдат, и особенно о письме полевой почты», из которого цитирует 4 предложения. Важно его заключение: «Как и в Лемберге, в Тернополе речь идет о десятках тысяч жертв». Заключение однозначно ложное, основанное на заявлении Маргулис. Если предположить, что масштабы погромов во Львове (300 тыс. населения) и Тернополе (40 тыс. населения) были похожими, то был бы вероятен следующий порядок величин: тысячи к сотням. Ни молодой докторант Поль, ни его преподаватели-академики не проверяли свидетельские показания. Книга Поля была принята достоверной во всем мире и расходилась на цитаты.

Поль был одним из первых, кто без сомнений принял спекулятивное и ложное толкование сотрудниками Гамбургского института «письма Францля». Таким образом, он подтверждал интерпретацию организаторов первой выставки и способствовал ее признанию. Он зашел со своими спекулятивными утверждениями еще дальше, определив неидентифицированного Францля на службу в 9-ю танковую дивизию.

Когда первая выставка бесславно закончила свое существование, Поль обратился с открытым письмом в газету «Ди Вельт»¹. В письме он обозначил «текст Францля» как «один из многих отрывков из солдатских писем, которые отделения вермахта копировали для своих личных целей». Далее он утверждал, что текст не может «быть придуманным, учитывая его уровень детализации». На самом деле текст был изъят районным военным командованием в Вене как антисемитский нацистский пропагандистский плакат. Поль вводит многих в заблуждение своим ненаучным

¹ Dieter Pohl: Die Bilder und der Zweifel. Leserbrief, Die Welt, 30.10.1999.

подходом к делу, утверждая, что детальность письма гарантирует его достоверность. Ответ одного из читателей звучал так: «Письмо некоего (неизвестного) «Францля», который со своей (не выясненной) группой якобы убил (не подтвержденное число) 1000 евреев, существует только в качестве (аутентичной) копии одного из (несуществующих более) публичных плакатов НСДАП в Вене. Пять из шести содержащихся в тексте утверждений уже опровергнуты. Доказательства противоречат тому, что этот текст написан настоящим очевидцем»¹.

Однако Поля не смогла переубедить никакая критика. За ним слепо следовали историки и пресса. Таким образом, Гамбургский институт более чем десятилетие представлял украинские акты возмездия в Тернополе в качестве массовых преступлений вермахта. Поль и его последователи даже не потрудились выяснить, что в природе не существует вообще никаких документов об участии солдат вермахта в начале июля 1941 г. в этих эксцессах. Уже в 2004 г. была снята беседа Поля с режиссером Михаэлем Верхефеном по поводу его фильма² ко второй выставке о преступлениях вермахта. Высказывание Поля приводится дословно: «По поводу письма Францля нужно сказать, что это копия, снятая почтовым отделением, контролирующим заграничную почту. Это они, которые все читают, военная цензура. И они это скопировали, а оригинала нет. Но нет ни одного доказательства, что это фальшивка, но это копия, у нас нет оригинала. А проблема Шмидта-Нойхауза состоит в том, что он говорит, что вермахт не имеет к этому вообще никакого

¹ Dieter Schmidt-Neuhaus: Eine Alleintäterschaft der Wehrmacht gibt es nicht. Leserbrief, Die Welt, 02.11.1999.

² Michael Verhoeven: Film (Dokumentarisches Essay) «Der unbekannte Soldat», Aufführung und Diskussion im Forumkino des Deutschen Museums, München, 3. Oktober 2004. Niederschrift des Kameragesprächs mit Dr. Dieter Pohl, Seiten 19–20.

отношения. И во время погрома в Тернополе, это совсем не так, я считаю, что это 9-я танковая дивизия, это из нее некоторые в этом участвовали».

В своей книге, изданной в 2008 г. на основе диссертации¹, Поль изучает вермахт как оккупационную власть на Востоке. О Тернополе он теперь вспоминает лишь один раз: «Немалое количество солдат вермахта участвовало в массовых беспорядках в Лемберге, Тернополе и Золочеве». По сравнению с его прежними высказываниями о Тернополе в диссертации это его заключение значительно более сдержанное, об убийствах он вообще не говорит. Но также не объясняет, почему он уклоняется от уточнений. Из четырех его ссылок на источники две касаются Тернополя. Вторая — утверждение из его собственной диссертации, на котором он стоит твердо. Однако до 2008 г. он так и не представил никаких доказательств об участии солдат вермахта в событиях в Тернополе.

Поль также не обратил внимания на семь документальных материалов о Тернополе, напечатанных в брошюре ко второй выставке в 2004 г.²: 1. Тернопольское дело (к двум выставкам), 2. Копия письма Франця от 6.7.1941 г., 3. Послевоенные показания доктора О., 4. Послевоенные показания Джонни Е., 5. Послевоенные показания Лотара Ф., 6. Фотографии, как исторический источник, 7. Письма в качестве документов о военных преступлениях.

Историк не может заниматься наукой, не обращая внимания на факты либо замалчивая их. Конечно, из всей Восточной Галиции, исследованной Полем, Тернополь только один из многочисленных населенных

¹ *Dieter Pohl*: Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. R. Oldenbourg Verlag, München 2008, S. 245.

² *Meinrad von Ow*: Fragen und kritische Anmerkungen zur Ausstellung «Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Eine Handreichung für die Besucher der Ausstellung», 4. Auflage, München. Januar, 2004.

пунктов, однако он, по заключению автора, по количеству жертв занимает такое же место, как и Львов. Еще в 1999 г., когда началась критика того, как подаются события в Тернополе, Поль мог бы легко прояснить ситуацию и избежать обвинений в умалчивании правды и в том, что возможно, что и в других случаях его данные выборочны и предвзяты.

Ложная подача событий Дитером Полем объясняется тем, что он принял на веру ложную информацию ЧГК 1944 г. Он не понял, что мемуары госпожи Маргулис, которые он приводит в качестве источника, повторяют лишь то, что было приказано ей НКВД говорить для протокола. Даже без архивных изысканий Поль еще в 1991 г. мог бы прочитать в очень важной для его темы книге о преследовании евреев на Украине, не только о мемуарах Маргулис (стр. 61), но и найти на странице 269 протокол городской комиссии ЧГК в Тернополе от 31 июля 1941 г.. Может быть, тогда он обнаружил бы полное совпадение в цифрах и задал бы себе вопрос: кто первый назвал число 5000? Даже то, что устроители выставки, которую он так поддерживал, не решились опубликовать эту цифру, его не смутило.

В 2002 г. Поль коротко высказался в одном сборнике¹ по поводу ЧГК, что «нельзя точно оценить влияние региональных организаций КП и секретных служб, которые тесно были связаны с Государственной комиссией, на результаты расследований. До сих пор бросаются в глаза только относительно обобщенные оценки количества жертв».

Высказывается Поль по-прежнему расплывчато. На самом деле коммунистическая партия и НКВД

¹ Dieter Pohl: Die einheimische Forschung und der Mord an Juden in den besetzten Gebieten. In: Wolf Kaiser (Hg.): Täter im Vernichtungskrieg. Berlin, 2002, 204–216.

были хозяевами в ЧГК, а не «оказывали на нее влияние». Поль ошибается также, когда думает, что члены комиссии действительно что-то оценивали. Согласно полученному заданию, в соответствии с «Катынской моделью» они без исключения приписывали все жертвы НКВД до 1941 г. немецкой стороне.

Совершенно справедливо указывает Поль в своей диссертации на то, что к документам послевоенных расследований различных государственных и судебных органов нужно относиться очень критически. Так, например, протоколы допросов последующих нюрнбергских процессов имели характер очень мутных источников, а «больше всего это относилось к советским расследованиям, особенно если это были показательные процессы». Далее Поль пишет: «Документы советской так называемой Чрезвычайной комиссии, занимающейся расследованием нацистских преступлений — прежде всего из-за преувеличенного количества жертв, — должны подвергаться особенно тщательной критике». Однако обращение Поля с историческими фактами, касающимися Тернополя, показывает, что он далеко не до конца понял механизм и масштабы советского мошенничества. То есть сам он оказался не в состоянии выйти на нужный уровень критики. Основательный анализ деятельности ЧГК в работе Сорокиной и понятие «Катынская модель» Поль просто не принял к сведению, точно так же, как и появившееся в 1990 г. разоблачение роли ЧГК Дмитрием Юрасовым, и последующие публикации.

Как и другие историки, Поль не понял смысла механизма косвенной фальсификации исторических фактов с помощью показаний очевидцев, руководимых НКВД. Вряд ли можно кого-то в этом упрекнуть. Поль, как молодой докторант, заблуждался, когда слепо доверял источникам, как и многие его коллеги, но, к сожалению, он не смог сам разобраться в своих заблуждениях и ошибках. В начале 1990 гг. Поль был научным консультантом немецкого издания Энцикло-

педии холокоста. Поэтому можно предположить, что именно он в своем дословном переводе статьи о Тернополе заменил цифру 5000 на 600. Трудно вообразить, что историк, который в самом начале исследований сомневался в цифре 5000, скрывал эти сомнения в течение двух десятилетий и распространял заведомую фальшивку.

Собственно говоря, ситуация в Тернополе во время советского господства с сентября 1939 г. до июня 1941 г. изучена хорошо. О массовых убийствах НКВД (574 заключенных и 10 немецких военнопленных) в конце июня имеются неопровержимые доказательства и цифры. Но с последующими событиями происходит совершенно другое. Именно советские зверства привели к бунтам и погромам первых дней июля 1941 г., в которых погибли и виновные, и случайные. 2 июля город перешел в немецкие руки, 4 июля был назначен немецкий комендант, который восстановил порядок — скорее всего, 5 июля. Поэтому говорить о длительном погроме, продолжавшемся с 4 по 11 июля, не приходится. Об этом написано только в актах ЧГК и в свидетельских показаниях. И, что самое важное, абсолютно ничего не известно о количестве жертв. Можно дать только приблизительную оценку, что их было не меньше 50, но и не больше 500.

Из этого следует, что свидетельские показания с советской стороны не могут быть достоверными источниками, поскольку они были основой для фальсификаций и пропаганды. Результаты этого мошенничества не только насильно внедрялись в Советском Союзе и его сателлитах еще до 1990 г. в качестве исторической правды, но иногда и на Западе охотно принимались на веру.

Примеры украинского профессора-лингвиста, немецкого историка и его американского коллеги указывают на то, что фальсификации истории при любой диктатуре живут гораздо дольше, чем сама диктатура. При этом жизни или свободе распространителей не-

правды ничто не угрожало. Ими двигало всего лишь желание сделать карьеру или не выпасть из общего ряда в случае признания своих ошибок или разоблачения лжи.

По словам известнейшего немецкого историка Леопольда фон Ранке, долг историков с помощью тщательной критики источников и добросовестной их интерпретации, по крайней мере, попробовать «рассказать о том, как было на самом деле».

Перевод с немецкого Ольги Завадовской

Александр Кузьминых¹

**«НАВЕРНОЕ, БУДЕТ ВОЙНА...»:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Накануне Великой Отечественной войны в СССР окончательно оформляются контуры политического режима, который одни исследователи называют тоталитарным, другие — военно-мобилизационным, третьи — административно-командным. Одним из типологических признаков этого режима был тотальный контроль со стороны власти за политическими настроениями в обществе. Эта функция возлагалась на органы государственной безопасности, в структуре которых были сформированы специальные подразделения, известные как секретно-политические отделы (СПО). Изучение политических настроений населения весьма перспективно, так как позволяет выявить точки напряжения, существовавшие в системе «власть — общество», реконструировать социальную реальность рассматриваемого периода.

Источниковой базой настоящей статьи стала отчетная документация областного Управления НКВД

¹ Кузьминых Александр Леонидович — доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России. Живет и работает в Вологде.

за 1937–1942 гг., находящаяся на хранении в архиве УФСБ РФ по Вологодской области. Характерной особенностью данного вида документов является акцент на фиксации «негативных» политических настроений, представляющих наибольшую опасность для существующего режима.

Изученные документы позволяют говорить о том, что накануне войны в обществе существовало скрытое и явное недовольство, вызванное внутренней и внешней политикой сталинского руководства.

Население отчетливо осознавало, что сложившаяся в стране модель управления далека от тех демократических принципов, которые декларировала сталинская Конституция 1936 года. Это проявлялось в скептическом отношении к выборам в центральные и местные органы власти. Так, в спецсообщении УНКВД от 14 ноября 1939 г. отмечалось: «В связи с подготовкой к выборам в областные, городские, районные и сельские советы депутатов трудящихся отмечен ряд фактов контрреволюционных проявлений. Так, колхозник деревни Ельнинское Череповецкого района во время изучения «Положения о выборах» сказал: «Этими выборами нам только дым в глаза пускают, а на самом деле, кого они хотят, того и выберут. Нас спрашивать не будут»¹.

Вологжане воспринимали коммунистический строй как некую социальную утопию. Характерны представления о коммунизме одного из агитаторов: «При коммунизме будем меньше заботиться о работе, больше о себе; делать будем так: если у тебя брюки плохие, а у меня хорошие, отдай и не греши, сахар и продукты будем брать в неограниченных количествах»².

Подобные представления резко расходились с социальной действительностью. Населению было сложно объяснить, почему уровень жизни в странах Запада

¹ Архив УФСБ РФ по Вологодской области. Ф. 1 пх. Оп. 2. Д. 1. Л. 241.

² Там же. Л. 250–253.

значительно выше, чем в Советском Союзе. К примеру, агитатор Вологодского «Нефтесбыта» М. сообщала в вышестоящую инстанцию: «Мне рассказывают домохозяйки, что муж одной дамы с Красной Армией вошел в Польшу, оттуда прислал жене много хорошего шелку, обуви и др. предметов, которых у нас и во сне не увидишь. А мне, как агитатору, приходится говорить, что у них гнет и нищета были, а у нас живется хорошо, тогда как фактически получается наоборот»¹. «Вступили в социализм, а в десятки раз экономически отстаем от буржуазии» — эта мысль рефреном звучит со страниц донесений информаторов НКВД.

Характерной чертой сталинского стиля руководства были настойчивые попытки путем усиления административного нажима и репрессивных мер повысить эффективность хозяйствования и решить социальные проблемы. «Советский Союз хвастает, что мы хорошо живем. Передают по радио, что в Германии голод, нищета и безработица. Верно, что в СССР нет безработицы. Знают, как работу дать: 5 лет дадут, вот и работа», — именно так объяснял достижения СССР в борьбе с безработицей рабочий-стекольщик А. из Вологды².

Глухой ропот среди вологжан вызвало принятие законов, ужесточавших трудовую дисциплину. В спецсообщении УНКВД от 8 марта 1939 г. «О реагировании и извращениях в Череповецком районе в связи с проведением в жизнь постановления СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС от 28/XII — 38 г. по вопросу о трудовой дисциплине» отмечалось, что выход данного закона, усиливавшего меры наказания для нарушителей трудовой дисциплины, стал поводом для массовых увольнений рабочих и служащих. К примеру, только за январь 1939 г. в Череповецких судовых мастерских 71 рабочий был уволен с работы, еще на 48 чел. было наложено

¹ Там же. Л. 242–243.

² Там же. Л. 139.

административное взыскание¹. «Это дурацкий закон, и издали его дураки... Правильно ли будет, если меня, честного работника, работающего на фабрике десятки лет, уволят за опоздание на 25 минут»², — именно так прокомментировал новые законодательные инициативы мастер бумажно-картонной фабрики имени 7-й годовщины Октября.

Аналогичным образом население отреагировало на выход Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 года. И хотя территориальные органы НКВД рапортовали в Москву, что данный указ «встречен с одобрением широкими массами рабочих и служащих» и «вызвал небывалый подъем производственной активности трудящихся», они не забывали упомянуть об «отрицательных высказываниях». Сообщалось, что граждане расценивали выход упомянутого указа либо как «введение крепостного права, либо как «издевательство над трудящимися», либо как «способ пополнения тюрем»³. Так, кладовщик завода «Северный коммунар» среди рабочих посетовал: «Даже Максим Горький говорил, что если труд недобровольный, так это барщина. А что теперь сделали? Хочешь, не хочешь, а работай»⁴.

Помимо происходящего в СССР, вологжане активно обсуждали события на международной арене. При этом действия сталинского руководства, имевшие явную экспансионистскую направленность, вызывали неоднозначную реакцию среди населения. Так, один из колхозников 15 октября 1939 г. по вопросу об «освобождении» Красной Армией Западной Украины и Западной

¹ Там же. Л. 87.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Ф. 3 пх. Оп. 24. Д. 1. Л. 196–199.

⁴ Там же. Л. 197 об.

Белоруссии заметил: «Большевики на словах говорят, что нам чужой земли не нужно. Зачем же они перешли польскую границу и захватили чужую землю? Выходит, что и большевики не лучше капиталистов»¹. Зигзаги внешней политики СССР на рубеже 1930—1940-х гг. приводили к размыванию в сознании советского человека понятия об «агрессоре» и «жертве агрессии».

Рост международной напряженности, вызванный агрессивной политикой Германии, неизбежно ставил вопрос: Какова роль СССР в приближающейся мировой войне? Сможет ли он противостоять формирующейся коалиции фашистских государств? Как свидетельствуют архивные документы, далеко не все советские граждане верили в возможность победы «малой кровью» и «на чужой земле». В спецсообщении УНКВД от 1 апреля 1939 г. «О реагировании населения по вопросам международного положения» отмечалось: «Проходящий 18-й съезд ВКП (б) и вопросы международного положения находят широкий отклик среди всех слоев населения. В связи с этим отмечается активность антисоветских элементов, которые пытаются дискредитировать решения 18-го съезда партии, а агрессивные действия фашизма (особенно в Испании и Чехословакии) расценивают как признаки растущей силы фашистских государств, близость их столкновения с Советским Союзом и неизбежного поражения СССР»². Приведем и другие характерные высказывания: «Наверное, будет война, она неизбежна. Везде говорят о войне»³; «А все-таки я не желала бы видеть Гитлера, эти еврейские погромы — это что-то ужасное. Но и наши правители жестоки. Все же так остаться не может. Бог не допустит окончательного торжества безбожья...»⁴.

¹ Там же. Ф. 1 пх. Оп. 2. Д. 1. Л. 292.

² Там же. Л. 136.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 142.

Было закономерным явлением, что среди населения, испытывающего явное разочарование советской действительностью, распространялись религиозные настроения. Спецсообщение УНКВД от 22 апреля 1939 г. «Об активизации церковников в г. Вологде» отчетливо свидетельствует об этом: «За последнее время в связи с «великим постом» и религиозным праздником «пасхой» духовенство и церковники г. Вологды значительно активизировали свою деятельность... Обе церкви — Богородская (4500 чел.) и Горбачевская (1000 чел.) были переполнены. Молодежь составляла 15–20% к общему числу. Народу пришлось в два раза больше, чем прошлым году»¹. Аналогичный наплыв верующих наблюдался в церкви Череповца, Сокола, Харовска и других райцентров. «Характерно отметить... приспособление церковников к условиям советской действительности» — говорилось в спецсообщении. — Священник Богородской церкви Д. по окончании литургии возгласил: «Да существует наше государство», а хор пропел «многие лета»².

Антисоветские настроения фиксировались не только сотрудниками СПО, но и других подразделений УНКВД, например сотрудниками экономического отдела (ЭКО УНКВД). Так, в спецсообщении ЭКО от 16 апреля 1940 г. «Об итогах агентурно-оперативной работы за 1939 год и о состоянии работы с агентурой по объектам сельского хозяйства» отмечалось: «За весь 1939 г. по линии сельхозотделения экономического отдела арестовано антисоветского контрреволюционного элемента 56 чел. В основном это одиночки, контрреволюционная деятельность которых выражалась в высказывании террористических намерений по адресу руководителей ВКП (б) и советского правительства, в попытке сорвать хозяйственно-политические мероприятия, проводимые в деревне, в распространении

¹ Там же. Л. 153.

² Там же. Л. 154.

провокационных слухов, клеветы и дискредитации политики Советской власти»¹.

В другом из отчетов ЭКО отмечалось, что по состоянию на 1 ноября 1940 г. на оперативном учете состоит 841 чел., в том числе 6 троцкистов, 5 членов правых партий, 3 эсера, 2 члена «Трудовой крестьянской партии», 96 вредителей, 44 репрессированных и их родственников, 18 церковников, 4 бывших жандарма и полицейских, 2 бывших белогвардейца, 8 бывших членов ВКП (б), исключенных из партии, 10 лиц, «связанных с границей», 43 бывших кулаков, 55 «бывших людей», 545 представителей «разного антисоветского элемента». Далее сотрудники ЭКО рапортовали, что за январь — октябрь 1940 г. ими арестовано 165 чел., «в большинстве случаев за высказывание враждебных намерений в адрес советского руководства». Из них 35 чел. были осуждены, в том числе на сроки: 10 лет — 9 чел., 8 лет — 9 чел., 7 лет — 7 чел., 6 лет — 1 чел., 5 лет — 9 чел.²

В условиях разгорающейся Второй мировой войны тревожным сигналом для власти было отсутствие массовых патриотических настроений среди населения, что приводило к провалу призывных кампаний. Об этом свидетельствует спецсообщение УНКВД от 13 января 1940 года. В нем говорится следующее: по приказу Наркомата обороны в Вологодской области к 15 января 1940 г. должны были быть сформированы 3 батальона добровольцев-лыжников. Повестки были разосланы 500 призывникам. В военкоматы же явились всего 40 чел., из них дали согласие идти в ряды РККА только 3 чел. Причиной этого стали слухи о невиданных потерях на фронте, где части РККА в условиях суровых морозов с огромным трудом взламывали оборону финской армии.

¹ Там же. Ф. 3 пх. Оп. 24. Д. 1. Л. 54.

² Там же. Л. 392—393.

Нападение фашистской Германии стало потрясением не только для советского руководства, но и для абсолютного большинства простых граждан. Вологодчина явилась одним из регионов, которые наиболее сильно пострадали в годы войны, что выразилось в беспрецедентной заболеваемости и смертности населения¹. Нечеловеческие страдания и лишения, выпавшие на долю вологжан, не могли не отразиться на их настроениях. Значительно выросла доля так называемых «негативных» настроений, которые тщательно фиксировались органами политического контроля.

Безрадостную картину положения населения демонстрирует спецсообщение УНКВД «О положении семей военнослужащих», датированное 21 февраля 1942 года. В его основу легли материалы органов военной цензуры. Из изъятых политконтролерами писем явствует, что семьи военнослужащих находились в крайне тяжелом положении. Им не оказывалась помощь в трудоустройстве, снабжении продуктами питания, медикаментами, что ставило их на грань гибели от голода и болезней. Крик отчаяния слышен в письме жены одного из красноармейцев: «...Так жить больше не могу. Сдыхать с голоду мне совсем не желательно, а если мы будем жить так, как сейчас, снабжаться на общих основаниях, то это медленное угасание жизни, это голод, это смерть. Сейчас в жизни идет вакханалия, жрут кто посильнее и кто ловчее. Ходить искать правду — смешно, а жить мы хотим. Я говорю, так как я не одна, у меня трое иждивенцев, которые не могут еще работать. О, если бы я была одна, я бы не горевала и не ныла...»².

¹ Конасов В. Б. Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы дальнейшего изучения // Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: уроки прошлого и опыт настоящего. Сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2002. С. 5.

² Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1 пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 273.

По-настоящему безысходным было положение эвакуированных ленинградцев, размещенных на вологодской земле. Одна из бывших жительниц блокадного Ленинграда писала: «Народ совсем как звери. Одним словом, настоящие хамы и ничто другое. Пришла в сельсовет, председатель сидит как зверь, даже не хочет с тобой разговаривать. Говорит: «Много вас таких наехало, хлеба вам не дадим»¹.

Для борьбы с негативными настроениями среди женского населения органами НКВД Вологодской области в конце 1941 г. была сформирована разветвленная агентурно-осведомительная сеть в количестве 5394 чел. По данным осведомления, «наиболее злобные антисоветские проявления» были характерны для женщин, мужья которых были репрессированы органами НКВД. «Пусть немец заберет Советский Союз, мы будем рады, хоть наших мужей выпустят из тюрьмы. Гитлер тогда посадит тех, кто сейчас управляет. Пусть они поплачут столько, сколько мы поплакали», — сетовала одна из женщин². «Слава богу, что война началась, наших разобьют. Надо в России всех коммунистов вырезать, без коммунистов жить будет легче», — говорила другая³.

За период с 1 января по 30 апреля 1942 г. органами военной цензуры было зафиксировано 42 530 писем с жалобами на материальную необеспеченность⁴. Данные письма направлялись в соответствующие инстанции для проверки, и, как правило, факты, приведенные в письмах, подтверждались.

О росте негативных настроений свидетельствуют факты саботажа и членовредительства на производстве, снижения производительности труда, бойкоти-

¹ Там же. Л. 286.

² Там же. Ф. 3 пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 1 пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 117.

рования государственных заданий¹. Все это разительно расходится с материалами официальной печати военного времени и противоречит концепции прочного тыла, характерной для советской историографии.

Доказательством тому, что органы НКВД вовсе не сгущали краски, характеризуя ситуацию в обществе, являются воспоминания очевидцев тех событий. Так, польский журналист и писатель Густав Герлинг-Грудзинский, посетивший Вологду в январе 1942 г., в своих «Записках» оставил следующий комментарий: «В Вологде в январе 1942 года война не пользовалась особой популярностью. В очередях нарекали на продуктовые ограничения и бестолковую мобилизацию, после которой многие семьи остались совершенно без работоспособных мужчин, а дважды я даже слышал вопрос: «Когда уж наконец придут эти немцы?»²

«Негатив» был характерен практически для всех категорий населения, даже внешне лояльных к советской власти. Органы НКВД фиксировали «упаднические настроения» среди интеллигенции, особенно среди школьных учителей. Так, преподаватель одной из школ г. Вологды среди своих коллег говорила: «Что нам зверства фашистов, когда у нас в стране жуткие издевательства, всюду голод, материальная необеспеченность»³. Другая учительница жаловалась: «Интеллигенция в СССР живет хуже всякого безработного в фашистской Германии, хотя и говорят в га-

¹ Так, в спецсообщении УНКВД Вологодской области «О сдаче зерна государству по колхозам Вологодской области» отмечалось, что по состоянию на 10 октября 1942 г. выполнение плана обязательных поставок зерна государству проходит неудовлетворительно. Из предусмотренных планом 112 637 тонн государству было сдано 40 274 тонны, что составляло 35,7% плана. См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1 пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 212.

² Цит. по: Конасов В. Б., Акинхов Г. А., Судаков В. В. На стыке фронта и тыла. Материалы к вузовскому и школьному факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». — Вологда. 1999. С. 156.

³ Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1 пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 113 об.

зетах и по радио о прочности тыла, но он не стальной, может быстро взорваться, как вулкан»¹.

«Антисоветские проявления» были распространены среди преподавателей и студентов высших учебных заведений. Так, 10 ноября 1941 г. один из преподавателей Вологодского государственного педагогического института, находившийся на работах по сооружению оборонительных рубежей, во всеуслышание заявил: «Без сомнения, мы будем разбиты Германией. Немецкая армия сильнее и организованнее, у нее выше культура и техника, поэтому она и имеет быстрое продвижение войск. Гитлер в занятых немцами районах распускает колхозы, отдает землю крестьянам, освобождает народ от мучений...»² Как свидетельствуют новейшие публикации, слухи о роспуске колхозов и улучшении жизни после войны были повсеместно распространены среди населения, что позволяет говорить о глубокой неудовлетворенности сельчан последствиями коллективизации.

Еще одной «политически неблагонадежной» социальной группой, судя по документации НКВД, являлись трудпоселенцы — раскулаченные крестьяне, имевшие свой «счет» к советской власти. Характерно высказывание одного из трудпоселенцев Нюксенского района: «От нас теперь требуют, чтобы мы Родину защищали, а что нам эта Родина дает? Да ничего. У Советской России, кроме голода, ничего нет. На что нам такое правительство, которое морит людей?»³ Активизацию антисоветских настроений среди раскулаченных крестьян подтверждают данные оперативного учета СПО УНКВД. Так, если до начала войны СПО не было заведено ни одной агентурной разработки по трудпоселенцам, то во время войны было поставлено

¹ Там же. Л. 114.

² Там же. Л. 156.

³ Там же. Ф. 3 пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 110.

на оперативный учет 39 трудпоселенцев и запущено в производство 5 агентурных дел на 32 чел.¹

В сентябре 1942 г. среди различных слоев населения Вологодской области распространились слухи о том, что советское правительство в целях скорейшего открытия второго фронта в Европе пошло на территориальные уступки и передало Великобритании и США северные области СССР. В частности, один из работников Северной железной дороги шепотом поведал собеседнику: «В Архангельске много англичан и американцев, которые чувствуют себя полными хозяевами. Скоро разделят нашу страну на кусочки»². Для противодействия подобным слухам органы НКВД предлагали проводить разъяснительную работу среди населения.

Социальная ненависть, порожденная неудачами первых военных лет, была обращена в первую очередь на партийные структуры и органы НКВД, являвшиеся лицом советской власти. Так, начальник политотдела Шекснинского управления речного пароходства в выпившем состоянии заявил: «Сейчас нет настоящих членов партии. Органы НКВД сломали жизнь, не дали развернуться многим людям. Благодаря политике НКВД Советский Союз отдал все немцу. Немец нас победит обязательно, потому что наши руководители больше кричат, чем делают. Все эти тыловые работники НКВД... не будут надежными защитниками. Я лично сам бы всех чекистов перестрелял»³.

О негативном образе органов НКВД в общественном сознании свидетельствуют высказывания самих сотрудников. Приведем наиболее характерные из них: «Я буду работать в органах милиции только пока война, а по окончании войны, на второй же день, убегу вследствие того, что над милицией смеются все, кому

¹ Там же. Л. 111.

² Там же. Ф. 1 пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 152.

³ Там же. Л. 168–169.

не лень»; «Лучше поеду в ряды Красной Армии, на передовую, но не в милиции служить, где авторитета не добьешься»; «Я стараюсь напиться пьяным так, чтобы меня выгнали из органов милиции»¹. По сути дела, в этих высказываниях защита Родины на фронте противопоставляется защите режима в тылу.

Характерно, что пошатнувшийся в годы «большого террора» авторитет НКВД приводил к серьезным межведомственным конфликтам. Так, в докладной записке УНКВД «О работе Вологодской областной прокуратуры» от 19 августа 1942 г. указывалось на «нездоровое отношение» областного прокурора Ксенофонтова к работе чекистов. Последний неоднократно отказывал в санкции на арест лиц, проходивших по линии СПО УНКВД, заявляя, что ранее органы «многих людей арестовали напрасно»².

Заметную трещину дал культ вождя. Именно особенностями режима, созданного И. В. Сталиным, часть вологжан объясняла военные неудачи. В подтверждение этого приведем следующую реплику: «Войну мы проиграем несомненно... Трудно сопротивляться, когда гражданская и военная власть находится в руках одного человека, который, подавив всякую инициативу, норовит не только командовать. Его считают умным человеком, сам же он считает себя гением, а не может понять, что один человек не в состоянии охватить необъятного...»³

Даже опора сталинского режима — партийно-советские работники — позволяла себе критику в адрес «хозяев Кремля». В спецсообщении УНКВД от 7 августа 1941 г. «Об антисоветских высказываниях отдельных членов ВКП (б), работавших на Вологодском паровозовагоноремонтном заводе», отмечались факты подобных разговоров среди рабочих-коммунистов.

¹ Там же. Ф. 3 пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 38.

² Там же. Л. 50—69.

³ Там же. Л. 26 об.

Так, рабочая деревообделочного цеха П., член ВКП (б), после выступления В. М. Молотова 22 июня 1941 года о нападении Германии на Советский Союз заявила: «Не Германия напала на СССР, а наоборот, Советский Союз напал на Германию»¹. Комментируя сводки Совинформбюро, указанная работница ставила под сомнение сообщения официальной печати, которые, по ее мнению, многократно завышали размеры потерь германской армии и преуменьшали потери РККА.

Другой коммунист, секретарь парторганизации вагонного цеха Т., во время митинга призывавший рабочих и служащих принять активное участие в занятиях по противовоздушной обороне, свое выступление закончил следующими словами: «Этим мы обеспечим победу фашизму!»² При этом явно оговорившийся горе-оратор даже не пытался поправиться, а покинул трибуну, как говорится, «с чувством выполненного долга». Этот факт был расценен сотрудниками НКВД как попытка проведения фашистской агитации, а по делу начато расследование.

Весьма характерно название спецсообщения УНКВД от 2 марта 1942 г. «О засоренности колхозных кадров социально чуждым и неработоспособным элементом». В нем отмечалось, что «в ряде районов Вологодской области в связи с выбытием в РККА значительного числа председателей и членов правления колхозов к руководству колхозами пробираются враждебные СССР элементы». Например, председатель колхоза «Красный пахарь», в прошлом активно выступавший против колхозного строительства, на заседании сельского исполкома по вопросу сбора теплых вещей для Красной Армии заявил: «Вы со своей Красной Армией все у нас взяли, всех ограбили и оставили голодными»³.

¹ Там же. Ф. 1 пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 53–55.

² Там же.

³ Там же. Л. 82.

Безусловно, война с фашистской Германией, носившая всенародный и освободительный характер, сопровождалась подъемом патриотических настроений. Судя по докладным запискам НКВД, освещавшим ход призывных кампаний, абсолютное большинство призывников приходили в военкоматы «с исключительно патриотическими настроениями». В политдонесении военного комиссара г. Вологды, направленном областному военному комиссару, отмечалось: «Призыв на всех пунктах города Вологды проходил более организованно, чем в первые дни. Политико-моральное состояние призываемых и провожающих хорошее, факты пьянства почти прекратились. На пунктах соблюдается полный порядок, случаев опозданий с явкой незначительное количество»¹.

Однако находились и те, кто не желал быть «пушечным мясом»². За период с 22 июня по 1 сентября 1941 г. областной прокуратурой было рассмотрено 59 уголовных дел на лиц, уклонявшихся от мобилизации; 52 дела в дальнейшем были переданы в Военный трибунал³. В первом полугодии 1942 г. на территории Вологодской области было задержано 2304 дезертира, 1684 лиц, уклонившихся от призыва и мобилизации, 1133 нарушителя военно-учетных правил передвижения⁴.

3 сентября 1942 г. Военный совет 7-й отдельной армии, располагавшейся на территории Вологодской области, принимает решение о высылке из прифронтовых районов (Оштинского, Андомского, Вытегорского, Ковжинского, Шольского, Борисово-Судского

¹ Конасов В. Б., Акиньев Г. А., Судаков В. В. Указ. соч. С. 9. Со ссылкой на: Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее — ВОАНПИ). Ф. 1858. Оп. 5. Д. 182. Л. 37.

² Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 3 пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 19–20.

³ Конасов В. Б., Акиньев Г. А., Судаков В. В. Указ. соч. С. 16. Со ссылкой на: ГАВО. Ф. 4792. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

⁴ Архив УФСБ РФ по Вологодской области. Ф. 3 пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 31.

и Бабаевского) в тыловые области СССР «политически неблагонадежных лиц». К числу последних относились бывшие политэмигранты, жандармы, полицейские, кулаки, торговцы, помещики, сектанты, церковники, участники антисоветских партий, уголовники, лица, не имеющие постоянного места жительства, а также члены семей лиц, репрессированных органами НКВД¹. По состоянию на 1 октября 1942 г. в районах Вологодской области насчитывалось 159 военнообязанных, отведенных местными органами НКВД от службы в рядах Красной Армии ввиду «политической неблагонадежности»².

Вплоть до начала разгрома немецких войск под Сталинградом в ноябре 1942 г. органы НКВД фиксировали широкое бытование «пораженческих настроений». Например, в докладной записке УНКВД «О политических настроениях населения Вологодской области» от 3 октября 1942 г. отмечалось: «Большое количество откликов поступает на продолжающееся наступление немецких войск на некоторых участках фронта. По-прежнему значительное количество высказываний связано также с вопросом открытия второго фронта в Европе... Отдельные представители интеллигенции, рабочих и колхозников высказывают пораженческие настроения и неуверенность в победе Советского Союза в войне с фашистской Германией»³.

Характерно, что неудачи советских войск уже объяснялись не изъянами режима, а отсутствием поддержки со стороны союзников по Антигитлеровской коалиции. Так, служащая одной из больниц во время разговора заметила: «Красная Армия добьется полной победы, но поведение наших союзников в части открытия второго фронта надо расценивать

¹ Там же. Л. 83–83 об.

² Там же. Л. 92.

³ Там же. Л. 86–88.

как предательство»¹. Война показала, что советская система в экстремальных условиях обладает значительным запасом прочности, что объективно способствовало росту доверия к власти со стороны населения. Западные же демократии, с точки зрения обывателя, дискредитировали себя отсутствием реальной помощи СССР, почти в одиночку боровшемуся с фашизмом.

Уже с первых дней войны среди вологжан набирают силу патриотические инициативы, направленные на оказание помощи фронту. В протоколе заседания бюро Вологодского горкома ВКП (б) от 5 августа 1941 г. содержится следующая запись: «Бюро Горкома ВКП (б) отмечает высокую политическую сознательность и проявление советского патриотизма, выражающегося в разнообразных формах создания мощного всенародного фонда обороны страны. Трудящиеся г. Вологды, горя неудержимым желанием оказать помощь Красной Армии и Военно-морскому флоту, внесли только за пять дней августа деньгами и ценностями в отделение Госбанка 55 500 руб. На всех предприятиях и учреждениях г. Вологды происходят многочисленные митинги и собрания, на которых выносятся единодушные решения об отчислениях средств в фонд обороны»².

Действительно, рабочие и служащие по собственной инициативе ежемесячно отчисляли суточный заработок в фонд обороны страны, сдавали личные средства на строительство танков и самолетов, ежедневно перевыполняли производственные нормы. Так, в первые дни войны на Вологодском паровозогоноремонтном заводе развернулось движение «двухсотников» и «трехсотников». Ежедневно 2270 рабочих выполняли производственные нормы на 200–300%.

¹ Там же. Л. 86–87.

² Конасов В. Б., Акинхнов Г. А., Судаков В. В. Указ. соч. С. 11. Со ссылкой на: ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 5. Д. 4а. Л. 274.

В результате в 1941 г. завод впервые за несколько лет выполнил годовой производственный план на 123%¹.

В работу по оказанию помощи фронту активно включаются общественные организации. К примеру, Областным комитетом Красного Креста совместно с областной станцией переливания крови была развернута работа по популяризации донорского движения. По состоянию на 8 августа 1942 г. в области насчитывалось 9266 доноров, из них 1429 чел. бесплатно давали кровь раненым бойцам и командирам РККА. Лучшим донорам вручались грамоты Городского комитета обороны².

Партийные инстанции и местные органы власти использовали патриотические инициативы, систематически организуя кампании по подписке на государственные военные займы, сбору теплых вещей и подарков для фронтовиков, проведению денежно-вещевых лотерей. Конечно, здесь не обходилось без перегибов «на местах», что вызывало нарекания со стороны обкома ВКП (б)³.

В целом анализ политических настроений вологжан позволяет говорить о том, что советское общество накануне Великой Отечественной войны было глубоко расколото. Значительной была категория лиц, недовольных политикой советской власти и открыто выражавших свое недовольство. Несмотря на трудности и лишения первых военных лет, обусловивших рост негативных настроений среди вологжан, война стала мощным консолидирующим фактором. Именно она сплотила общество и укрепила режим личной власти И. В. Сталина, который просуществовал до марта 1953 года.

¹ *Конасов В. Б., Акинхнов Г. А., Судаков В. В.* Указ. соч. С. 30. Со ссылкой на: ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 5. Д. 5. Л. 111–112.

² *Конасов В. Б., Акинхнов Г. А., Судаков В. В.* Указ. соч. С. 57–58. Со ссылкой на: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9501. Оп. 2. Д. 636. Л. 151.

³ *Конасов В. Б., Акинхнов Г. А., Судаков В. В.* Указ. соч. С. 61. Со ссылкой на: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 70. Л. 19.

*Михаил Супрун*¹

СТРАТЕГИЯ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ И ЛЕНД-ЛИЗ, 1941—1945 гг.

Нет более серьезного заблуждения в историографии Второй мировой войны, чем стремление исследователей вычленить из ее истории историю отдельных государств без учета общей, генеральной стратегии коалиций, в которые эти страны были вовлечены. В большей степени это заблуждение характерно для отечественных исследователей, для многих из которых Великая Отечественная война стала изолированной войной одного СССР против Германии и ее сателлитов. В лучшем случае — войной Советского Союза против фашистского блока при *некоторой поддержке союзников*. Отсюда — невозможность более-менее внятно объяснить причины затягивания открытия второго фронта, категорического запрета на использование химического оружия (хотя оба блока имели таковое в избытке) или, скажем, причины огромного количества поставок невоенного назначения (более 90% от общего тоннажа), направленных в СССР безвозмездно в конце войны; равно как и многочисленные проблемы, то и дело возникавшие между союзниками на протяжении войны,

¹ Супрун Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Поморского государственного университета (Архангельск).

и их разрешение, часто в нарушение норм международного права.

Вторая мировая война — это прежде всего война коалиций, каждая из которых действовала в рамках собственной генеральной стратегии. Как правило, такая стратегия разрабатывалась, углублялась и корректировалась на совместных ежегодных саммитах, на которые приглашались все заинтересованные стороны. Выработанных на саммитах решений надлежало придерживаться каждому из государств — участников блока. Советский Союз как член Антигитлеровской коалиции не стал в этом отношении исключением.

Между тем в стратегии антигитлеровской коалиции весьма отчетливо просматриваются три важнейшие составляющие. *Первая* из них, кратко сформулированная У. Черчиллем, — «to get Hitler first» (или «**Germany — first**», т. е. «сначала — Германия»), предусматривала приоритет Европейского театра военных действий (ТВД) перед всеми остальными. Данное положение было принято на одной из первых военных англо-американских конференций **ABC** (**American-British Conversation**) в начале 1941 г. и регулярно подтверждалось на последующих саммитах вплоть до разгрома Германии¹. В рамках этого положения планировались и проводились все стратегические операции коалиции с января 1941 по май 1945 г. После разгрома Германии приоритетным стало Тихоокеанское направление (по У. Черчиллю — «to get Japan first»).

Вторая составляющая стратегии Антигитлеровской коалиции включала одну из национальных доктрин участников блока. С 1939 г. и до осени 1943 г. это была

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. 1941. In 7 volumes. Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington, 1958. P. 367–368; FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942 and Casablanca. 1943. Washington, 1968. P. 2106 736–738; FRUS. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 831; FRUS. The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Wash., 1970. P. 222–237, 1121.

предложенная Великобританией стратегия «непрямых действий» (или «стратегия периферийной войны», «стратегия стягивания кольца»). Она, с учетом опыта Первой мировой войны, предусматривала путем экономической и морской блокады, массированных бомбардировок и локальных атак на периферии малой кровью заставить руками немцев сменить нацистское руководство в Германии. При этом Британия сохраняла и по возможности расширяла свои зоны влияния на «периферийных» территориях — на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Балканах, в Скандинавии, т. е. по обозначенной на Первой Вашингтонской конференции (январь 1942 г.) «линии: Архангельск — Черное море — Анатолия — Север Средиземноморья — Западное побережье Европы»¹.

Так случилось, что именно Великобритания, вступившая в войну уже в сентябре 1939 г. и до 1941 г. несшая основную ее тяжесть, как никакая другая страна претендовала на лидерство в коалиции, а стало быть — на право выдвижения собственной национальной доктрины «стягивания кольца» в качестве единой стратегии для всех остальных членов блока. С ней, безусловно, соглашались и европейские правительства в изгнании, и США, не участвовавшие в войне до декабря 1941 г. и признававшие до разгрома Германии приоритет Европейского ТВД. С ней вынужден был согласиться и другой лидер коалиции, Советский Союз, роль которого вплоть до перехода Красной Армии в наступление в 1943 г. сводилась к удержанию Восточного фронта как одного из сегментов кольца, стягиваемого вокруг Германии. Данное принципиальное положение совместной стратегии было разработано и принято на Атлантической конференции (август 1941 г.)², под-

¹ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942 and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 213.

² Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. 1941. In 7 volumes. Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington, 1958. P. 341–379.

тверждено на Вашингтонских (1941–1942 гг.) и Касабланкской (январь 1943 г.) конференциях¹. Следовательно, открытие второго фронта в эти годы было возможно лишь в экстренном случае, как, например, в случае гипотетического выхода СССР из войны в ходе летне-осеннего 1942 г. германского наступления².

Победа на Волге, свидетельствовавшая о возросшей мощи Красной Армии, а также желание США поскорее перенести основной удар на Тихоокеанский ТВД обусловили изменение британского положения стратегии коалиции о «периферийной войне». На Каирской и главным образом на Тегеранской конференциях 1943 г. стратегия «стягивания кольца» была вытеснена **стратегией «прямых действий»**, предусматривавшей открытие второго фронта в Нормандии, быстрый вывод Германии из войны и перенос удара всей коалиции на Дальний Восток для разгрома Японии³. Именно на этом на протяжении всей войны настаивали СССР и США. Все последующие после Тегеранской союзные конференции утверждали операции в рамках уже данного принципа стратегии, т. е. в рамках стратегии «прямых действий».

Наряду с указанными двумя важнейшими составляющими коалиционной стратегии не менее важным было и *третье* ее положение — созданная в ходе войны экономическая модель сплочения наций.

¹ The Conferences at Washington, 1941–1942 and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 213, 740, 774.

² Чтобы выяснить это, У. Черчилль и приезжал в Москву в августе 1942 г. Однако тогда Сталин сообщил Черчиллю о том, что под Сталинградом Красная Армия не только продержится до зимы, но и предпримет «широкомасштабное контрнаступление» (Churchill W. S. The Second World War. Vol. IV. The Hinge of Fate. L., 1951. P. 445; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 276; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х томах. Т. 1: 1941–1943 гг. М., 1983. С. 324).

³ FRUS. Diplomatic Papers: The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 448, 831.

воюющих против нацизма, и разработка механизма наиболее быстрого и эффективного применения военно-экономического потенциала коалиции. Такой моделью, своего рода цементирующим фактором Антигитлеровского блока, стал ленд-лиз (от англ. *lend* — сдавать в аренду, *lease* — давать взаймы). В широком смысле ленд-лиз являлся концепцией экономического сплочения коалиции, выработанной на основе американского закона от 11 марта 1941 г., который, как известно, предусматривал передачу другому государству на время ведения военных действий взаймы или в аренду необходимых оружия и материалов. Изменения условий предоставления такой помощи определяли изменения и самой концепции ленд-лиза. На протяжении войны эта концепция менялась трижды.

Поначалу ленд-лиз был провозглашен президентом США как форма помощи любой из стран, чья оборона была признана жизненно важной для Соединенных Штатов. Эту концепцию ленд-лиза можно условно называть концепцией **«участия США в войне без участия в военных действиях»**. «Американские парни никогда не будут направлены участвовать в чужих войнах», — обещал президент Ф. Д. Рузвельт матерям Америки¹. Однако Соединенные Штаты, несмотря на их географическую удаленность от театра военных действий и официально занятую позицию «нейтралитета», не могли остаться в стороне от войны в Европе. Сначала они оказывали помощь дружественным государствам за плату («cash and carry»), причем часто обходя собственные и международные законы. Но когда стало ясно, что война угрожает кризисом британской эконо-

¹ Цит. по: Гарднер Л. С., Кимболл У. Ф. Демократическая дипломатия // Союзники в войне, 1941–1945. М., 1995. С. 399. См. также: *New York N. Y. Times*, August, 24, 1944; 12th Report to Congress on Lend-Lease operations: Reverse Lend-lease Aid from the British Commonwealth of Nations. November 11, 1943. P. 1. F. D. Roosevelt Library. OF4193. Lend-Lease Agreement, 1943.

номике, США пошли на принятие закона о ленд-лизе. Со времени принятия закона и до февраля 1942 г. отношения между США и государствами-реципиентами строились на кредитной основе. Первоначальная концепция билля о ленд-лизе позволяла Соединенным Штатам отстаивать «собственные интересы» без ведения военных действий и на весьма выгодных для американцев условиях. Но после Пёрл-Харбора эта концепция была изменена. При этом не противоречила американским интересам и британская стратегия «стягивания кольца».

Нападение Германии на Советский Союз объективно включало последний в антифашистскую коалицию. Уже в самом начале Великой Отечественной войны лидеры Великобритании и США заявили о стремлении оказать СССР всемерную поддержку. Спустя месяц в Россию стала поступать реальная помощь. Наряду с серией операций, проведенных британцами в Арктике, в Архангельск были отправлены первые суда с военными грузами. Они-то и проложили первый и самый важный северный маршрут поставок.

Сначала грузы поступали только из Англии и в обмен на товары или драгоценные металлы. Формально эти поставки и экономические отношения с Британией были закреплены 18 августа 1941 г. соглашением «О товарообороте, кредите и клиринге». 6 сентября 1941 г., в ответ на тревожное послание из Москвы, И. Сталину было сообщено о возможности отправки стратегических материалов на основе ленд-лиза¹. Это означало, что американский президент распорядился распространить закон от 11 марта 1941 г. на СССР, но поначалу осторожно, через Великобританию. Поэтому, подписывая 1 октября на Московской конференции Первый протокол о поставках, советская сторона уже знала, на каких условиях будут поступать оружие и военные материа-

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. С. 117.

ды из США. И формальное объявление 7 ноября 1941 г. переноса действия закона о ленд-лизе (также пока на кредитной основе) на Советский Союз уже не было новостью для Москвы. При этом советско-британское соглашение от 18 августа 1941 г. оставалось в силе.

Подписание первых союзных соглашений имело целью удержать Советский Союз в войне, по крайней мере, до наступления холодов, то есть до вынужденного прекращения наступления не готового к зиме вермахта. Поэтому многие обещания давались Сталину авансом, без учета неизбежных трудностей становления новых отношений или издержек, вызванных войной. Между тем именно они во многом определили недопоставку или изменение графика завоза и номенклатуры грузов.

Эскалация мировой войны, вступление в нее США, оказавшихся на равных условиях с другими воюющими странами, потребовали консолидации антифашистских государств и внесения дополнений в союзную стратегию. С этой целью в январе 1942 г. в Вашингтоне был проведен ряд встреч на высшем уровне. Их результатом стало декларирование образования Организации Объединенных Наций. Тогда же были заложены основы военно-политического и экономического союза: разработана экономическая и военно-стратегическая платформа коалиции, созданы объединенные органы управления и контроля.

С расширением состава коалиции и осложнением обстановки на европейском фронте британская стратегия «сжатия кольца» была с весны 1942 г. подвергнута корректировке с позиций стратегии «прямых действий», на которой настаивали США и СССР. Одновременно с корректировкой союзнической стратегии вступление в войну Соединенных Штатов повлекло за собой и изменение концепции ленд-лиза. Из метода оказания помощи без участия в военных действиях он стал гигантским «снабженческим резервуаром», в который каждое из союзных государств

«вливало» по возможности свои ресурсы и брало то, что ему было необходимо для ведения войны («*концепция пула*» от англ. «pool» — резервуар)¹. Эти условия оговаривались в специальных соглашениях о взаимопомощи. Подобные соглашения между СССР и США, СССР и Великобританией были подписаны соответственно 11 и 27 июня 1942 г. Следствием принятия «концепции пула» стал перевод в конце февраля 1942 г. поставок по ленд-лизу на бескредитную основу, а спустя четыре месяца — и списание большей части долгов за поставки начального периода войны. Это означало, что все поставки направлялись в СССР и другие страны бесплатно (если иные условия не были специально оговорены в дополнительных соглашениях). Достигнутые в это время решения закрепили не только политико-правовую, но и экономическую основу коалиции.

Перевод поставок по ленд-лизу на бескредитную основу стал важнейшим условием реализации одной из трех стратегических задач, принятых Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) на 1942 г.: сохранить «русский» фронт, оказать, согласно Меморандуму стратегического планирования ОКНШ, «помощь русскому наступлению всеми имеющимися средствами»². Важнейшими среди них являлись стратегические поставки.

1943-й стал решающим годом войны. Победы союзников определили полную утрату вермахтом стратегической инициативы. Положение на фронтах определяло содержание общей союзной стратегии, а в конечном счете — и характер межсоюзнических отношений. За-

¹ New York N. Y. Times, November, 25, 1944; President's Letter of Transmittal. (3rd Report to Congress on Lend-lease Operations. P. 5// FDRoosevelt Library, OF 4193. Lend-lease Agreement, Sept. 1941 — December 1944.

² U. K. Historical Branch of Ministry of Defence (HBMD). File BR 1736 (44) Battle Summery Nr22. P. 2.

кономерным поэтому стало вытеснение в 1943 г. британской стратегии «периферийной войны» советско-американской стратегией «прямых действий». И по мере наступления союзников происходило укрепление межсоюзнических отношений: от холодной встречи Черчилля и Сталина в Москве в августе 1942 г., повлекшей за собой отказ от открытия второго фронта, а вскоре и отзыв советских послов в Лондоне и Вашингтоне, до дружеской конференции «Большой тройки» в ноябре 1943 г. в Тегеране.

Важнейшим инструментом США и Великобритании в проведении национальной политики по-прежнему были поставки по ленд-лизу. В условиях нестабильной военно-политической обстановки лишь они продолжали оставаться гарантом коалиции, важнейшим фактором удержания в войне остальных участников блока, в том числе СССР. Поэтому при подписании Второго протокола (6 октября 1942 г.) Советскому Союзу были предложены оружие и материалы, вчетверо превышавшие объем поставок по Московскому протоколу¹. Правда, при этом союзники обязались перевезти своим транспортом не более 4,4 млн тонн, т. е. немногим более половины. С началом действия Второго протокола к поставкам подключилась и Канада. 8 сентября 1942 г. она подписала с СССР кредитное соглашение на поставку пшеницы на сумму 10 млн канадских долларов («пшеничное соглашение»).

И хотя по Второму протоколу союзники вновь выполнили свои обязательства лишь частично, импортные оружие и материалы сыграли весьма важную роль в наступлении коренного перелома в Великой Отечественной войне. Поставленных по Вашингтонскому протоколу самолетов вполне хватило, чтобы возместить потери советской авиации во всех основных сражениях этого периода. Импортного производства был и каждый десятый танк действующей армии. Приме-

¹ Soviet Supply Protocols. Washington, 1947. P. 17, 19, 20, 32, 46—47.

чительно, что советское командование по-прежнему держало большую часть английских и американских машин на самых важных фронтах: Юго-Западном, Брянском и Западном.

Решительное наступление Красной Армии в 1944 г. на востоке и высадка десанта во Франции лишили фашистское руководство последнего шанса на раскол коалиции и достойный выход из войны. В мае 1945 г. Германия, а спустя четыре месяца и Япония вынуждены были капитулировать. Самая кровопролитная в истории человечества война завершилась. Именно в это время происходит корректировка «концепции пула».

Успехи союзных войск на фронтах в 1944 г. обусловили необходимость решения политических проблем, и в первую очередь — вопросов послевоенного устройства мира. Каждое из государств предлагало собственную концепцию международного сотрудничества после войны. Для США она сводилась к обновлению традиционной политики «открытых дверей» через снятие торговых барьеров, а в области политической — к созданию более авторитетной, чем Лига Наций, всемирной организации. Основу идеологии должны были составить принципы либерализма, противостоящие любой, и прежде всего фашистской, тирании.

Британское руководство предлагало более традиционный подход, основанный на стремлении защитить интересы империи и Содружества, сохранить равновесие сил в Европе. Поэтому наиболее серьезные противоречия с США если и могли возникнуть, то прежде всего в области экономической и, в частности, в сфере торговых преференций.

И. Сталин, известный своим прагматизмом, ставил перед собой более приземленную задачу: создать вокруг Советского Союза «пояс дружественных государств». И стремления советского руководителя находили поддержку у союзников. Возникновение сложностей в отношениях с СССР можно было ожидать

либо из-за столкновения идеологий, либо из-за нарушения участниками коалиции договоренностей по проблемам послевоенного устройства мира. Именно эти причины и стали вскоре основными в развязывании войны холодной.

Однако еще во время Второй мировой войны стороны прекрасно понимали, что от их взаимодействия зависит будущее планеты. И ключевым вопросом для налаживания этого взаимодействия являлось установление самых дружеских отношений с Россией, желательно с включением ее в мировую политическую и экономическую системы. Важнейшая роль в реализации союзнических концепций завершения войны и послевоенного устройства мира принадлежала системе экономической помощи на принципах ленд-лиза. Поэтому союзники делали все возможное для того, чтобы полностью выполнить свои обязательства по поставкам. Этому способствовало и снятие многочисленных барьеров, вызванных как объективными, так и субъективными обстоятельствами. В полной мере заработали маршруты, отладили свою работу административные структуры, увеличилось производство оружия и материалов.

На 1944–1945 гг. пришелся основной объем взаимопомощи союзников. Особенно серьезно это ощутил Советский Союз. В СССР было поставлено 9,9 млн тонн, или 3/5 всех грузов военного времени. В состав этих поставок включены и грузы, ввезенные Канадой, подписавшей самостоятельно Третий протокол. В отличие от поставок по Второму и особенно Первому (часто называемому «Британским») протоколам, почти 90% всех материалов и оружия поступило в конце войны из США¹.

Кораблей и самолетов, переданных по последним протоколам, хватило бы для того, чтобы полностью

¹ Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997. С. 348–349.

восполнить потери в ходе всех стратегических операций, проведенных советскими Вооруженными силами в конце войны, артиллерийских стволов — на четверть, танков — на 11%. Каждая вторая бронемашина и каждый десятый танк, направленные в этот период во фронтовые соединения, были импортного производства. Благодаря союзным поставкам, по сути, были созданы еще два флота, равные по составу Северному и Тихоокеанскому. Почти вся поставленная техника была испытана на фронтах войны и с учетом этого заказывалась советскими специалистами. Высоким качеством отличались средства связи и специальная аппаратура, поэтому они занимали в советских заявках особое место. Радиостанциями и телефонными аппаратами, поставленными в СССР в 1944–1945 гг., можно было бы оснастить от 300 до 500 дивизий. Свыше 80% радиолокационной аппаратуры в войсках и на флоте также было англо-американского производства¹.

Однако самолеты, танки, корабли и другие военные грузы в общем объеме ввезенных в СССР в конце войны материалов по-прежнему занимали незначительную часть тоннажа — всего лишь 9% (!). Остальная часть была отведена под промышленное оборудование, продовольствие, металлы, нефтепродукты. Четверть всего тоннажа занимало продовольствие. Его в калорийном исчислении было бы достаточно для содержания 10-миллионной армии в течение более чем трех лет. Другая четверть была отведена под средства транспорта: автомобили, локомотивы, вагоны и специальное оборудование. Во многом благодаря им значительно возросла скорость продвижения Красной Армии по Европе, наладились устойчивые связи регионов в тылу.

Возникает вопрос: почему США, понимая, что до окончания войны остается всего несколько месяцев.

¹ Подсчитано по: *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои... С. 309–318.

тем не менее готовы были предоставить Советскому Союзу все, что он ни запросит, включая даже компоненты ядерного оружия¹, а также «гражданское» оборудование и материалы, необходимые для восстановления народного хозяйства, которые составили более 90% всего объема тоннажа в 1944–1945 гг.? Более того, в октябре 1944 г. США пошли на подписание дополнительного «Пятого протокола» («Программы «Майлпост», или «Программы 17 октября»), взяв на себя обязательства обеспечить требуемым вооружением советские дальневосточные армии и Тихоокеанский флот. Именно тогда Советскому Союзу было предложено вступить как в действующие, так и во вновь созданные всемирные финансовые, торговые и транспортные организации (Международный банк реконструкции и развития, Европейская экономическая организация, Европейская континентальная транспортная организация, Объединенная морская администрация и др.)².

Ответ — в явном изменении политики США в конце войны, причем не только в отношении СССР. Важнейшим инструментом этой политики был ленд-лиз, который с конца 1944 г. постепенно трансформируется из «концепции пула» в *концепцию «глобального сотрудничества»*, в настоящее время часто именуемую *«глобализацией»*³. Концепция ленд-лиза как «пула» оказалась настолько действенной, что за годы войны численность государств, вовлеченных в коалицию, увеличилось с 26 в январе 1942 г. до 44 в конце войны. Причем ни одна из стран, вовлеченных в «пул», из него не вышла. Более того, инерция поставок оказалась столь велика, что большинство государств пред-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 9. Д. 440. Л. 19.

² Public Record Office (PRO). Foreign Office (FO). 371. № 47882. P. 10.

³ New York N. Y. Times, August, 24, 1944; November, 25, 1944, P. 4; 17th Report to Congress on Lend-lease Operations. P. 8//FDRoosevelt Library, OF 4193.

почли сохранить свое участие в «пуле» и после войны. Поэтому не стало случайным образование в 1945 г. ООН и других всемирных экономических, политических и культурных организаций. Впрочем, и «доктрина Трумэна», и «план Маршалла», и другие доктрины консолидации наций во всем мире берут свое начало из концепции ленд-лиза.

США, предложив коалиции концепцию ленд-лиза как «пула» и сознавая свою возросшую военно-экономическую мощь, создали уникальную модель консолидации наций, которой грех было бы не воспользоваться для получения определенных преференций в послевоенном мире. Обладая экономической доминантой в «пуле», США, естественно, претендовали на увеличение политического влияния в мире. Насколько возросло это влияние, показали все послевоенные события.

Таким образом, поставки по ленд-лизу являлись составной частью глобальной стратегии стран Антигитлеровской коалиции. Играя в начале войны роль фактора удержания СССР в войне, впоследствии они были призваны стать средством интеграции советской экономики в мировую. В зависимости от расстановки сил на мировой арене менялась и концепция ленд-лиза: от инструмента ведения войны без участия в военных действиях к «концепции пула» и фактору *вовлечения СССР в мировую экономику*. Но какую бы политическую оценку ни давали ленд-лизу специалисты, остается бесспорным большое значение, которое имели союзные поставки для победы Советского Союза в войне.

* * *

До сих пор не удалось выработать приемлемую методику оценки союзнической помощи СССР. Большинство специалистов пытаются оценить ее, апеллируя к материальной ценности ленд-лизовских грузов.

При этом подсчеты велись двумя основными путями. Первый предполагал проведение расчетов в валютном исчислении. По нему все поставленные в СССР грузы были оценены в 13,3 млрд долларов США¹. Сумма весьма внушительная, если иметь в виду, что стоимость всех промышленных предприятий США в 1939 г., по оценке НКВД СССР, составляла около 50 млрд долларов². Однако сопоставить ее с материальным ущербом, нанесенным СССР войной, или сравнить с объемом советского производства военных лет не представляется возможным из-за несопоставимости курсов рубля и доллара того времени.

Большинство исследователей пытаются определить роль ленд-лиза по общему объему и по количеству отдельных наименований оружия и материалов³. Однако называемые 17,5 млн тонн ввезенных в СССР грузов также создают лишь общее представление и с трудом поддаются сопоставлению. Что касается отдельных видов поставок, то проследить применение, а потому значение даже одного вида весьма затруднительно, в то время как номенклатура ввозимых грузов включала тысячи наименований.

Несомненно, что исчисление материальной ценности помощи указывает на значимость ленд-лиза в победе. Благодаря помощи союзников в СССР были освобождены для фронта миллионы граждан, почти полностью была обеспечена продовольствием и средствами связи армия, в два-три раза повысилась ее мобильность, в определенной степени были восполнены потери боевой техники.

¹ См., напр.: U. S. Congressional Record, 82nd Congress, 1st Session, 1951, XCVII, Part 9. P. 12472; *Munting R. Lend-Lease and Soviet War Effort* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 19 (1984). P. 496; *Balawyder A. Canada in the Uneasy War Alliance* // *Canadian-Soviet Relations, 1939–1980*. Oakville, 1981. P. 7.

² Архив внешней политики РФ (АВП). Ф. 129. Оп. 29. Д. 172. Л. 25.

³ См., напр.: *Северные конвои: исследования, воспоминания, документы*. Архангельск, 1991. С. 156–158.

Между тем эта помощь нужна была Советскому Союзу ровно настолько, насколько союзники нуждались в «русском фронте». Данное утверждение вытекает из самой концепции ленд-лиза, разработанной в Соединенных Штатах в начале 1942 г. Она предполагала объединение усилий всех стран во имя общей цели. Каждая нация вносила в «резервуар» то, в чем нуждалась коалиция, что традиционно составляло доминанту вклада в войну каждого из союзных государств. Обратно оно получало то, что ему было необходимо для ведения войны. Главным арсеналом оружия, военных материалов и продовольствия стали могущественные в экономическом отношении Соединенные Штаты. На них пришлось 4/5 всех военно-экономических поставок. Владычица морей Британия обеспечивала господство коалиции на важнейших океанских маршрутах. России, как и в годы предшествовавших коалиционных войн, была отведена роль основного поставщика «людских ресурсов» на европейском фронте, Китаю — на азиатском. Кровь русского солдата, таким образом, в изобилии наполняя «резервуар Победы», становилась своеобразной платой за оказанную союзниками помощь. Утрата в этой цепи одного из звеньев нарушала баланс сил, что вело к затягиванию войны.

Впрочем, подобное сравнение в рамках концепции «пула» является некорректным, поскольку предполагает сопоставление (или противопоставление) материальных затрат и общечеловеческих ценностей, а потому автоматически ведет к переводу дискуссии в область этики как человеческих, так и межгосударственных отношений и требует апелляции к иным категориям. И как бы ни продолжалась далее дискуссия, одно остается бесспорным: нет и не может быть ничего ценнее в этом мире, чем жизнь человека.

Кейстут Закорецкий

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для начала я хотел бы немного отклониться от заявленной темы и коснуться причины, по которой я ею увлекся. Это произошло из-за одного «открытия» Алексея Исаева в истории Сталинградской битвы. На одном из сайтов в Интернете об этом написали так:

«К вечеру 30 января 1943 года части 64-й армии в ходе двухдневных ожесточенных боев подошли к площади Павших борцов. К утру 31 января универмаг был полностью окружен, штаб Южной группировки германских войск после непродолжительных переговоров капитулировал. Это была крупнейшая победа с начала Великой Отечественной войны и, наверное, самая важная. С этого дня сталинградский универмаг стал одним из символов Победы Красной Армии.

Но известный военный историк А. В. Исаев подвергает сомнению версию о местонахождении штаба 6-й армии.

В своей книге «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» он пишет о том, что в журнале боевых действий Донского фронта указывается, что штаб Паулюса находился в подвале исполкома Сталинграда, где и капитулировал. «Возможно, в последующем сообщали о пленении Паулюса в подвале универмага, чтобы не бросать тень на здание, в котором размещаются органы исполнительной власти. Наверняка злые языки сразу же обозвали бы обиталище слуг народа «Домом Паулюса», пишет автор.

Однако ныне живущие очевидцы событий зимы 1943 года однозначно утверждают, что пленение произошло именно в подвалах универмага. Возможно, все это связано с решаемым сейчас вопросом о возврате здания универмага из частной в федеральную собственность».

Но Алексей Исаев продолжает настаивать на своей версии. В том числе он не отказался от нее и в новом переиздании своей книги о Сталинграде (которое готовится на конец 2010 г.). Главным «вещдоком» он считает текст одного из донесений штаба 64-й армии, факсимиле которого он выложил на своем сайте, где объясняет:

«В свое время я написал в книге «Сталинград» по документам Донского фронта, что Паулюса пленили в исполкоме, а не в универмаге, как писали обычно в советское время. Это вызывает обоснованные споры и сомнения. Я это дело не забыл и нашел датированное 31 января 1943 г. «Донесение об обстоятельствах пленения командующего 6-й германской армии фельдмаршала Паулюса» в адрес Рокоссовского от штаба 64 А. Вот что там написано, специально даю факсимиле:

«С утра 31.1.43 Генерал-фельдмаршал фон — ПАУЛЮС находился в Доме Исполкома (центральная часть г. СТАЛИНГРАД) с чинами своего штаба и сильной охраной. В ходе боя здание было окружено подразделениями 38 мсбр, под непосредственным руководством Зам. командира бригады по политчасти — Подполковника — ВИНОКУРА Л. А.

После окружения здания прибыл личный адъютант фон-ПАУЛЮС с предложением о ведении переговоров».

Документ подписали все члены Военного совета 64 А: командующий Шумилов, НШ Ласкин и ЧВС Сердюк. Причем из этих троих тов. Ласкин лично побывал в штабе Паулюса и видел, где он находился, своими глазами в дневное время, см. Самсонова: В подвал универмага через 40 минут после появления там делегации парламентариев 64-й армии прибыл начальник ее штаба генерал-майор И. А. Ласкин. Также «Исполком» фигурирует в текущих донесениях 64 А, от 19.00 31.01.43 и 22.00 31.01.43.

Вообще исполком он логичнее: телефонных проводов, на которые можно посадить связь, к нему подходит больше, чем к Универмагу».

Не могу сказать, что в деле поставлена точка. Но уверенности относительно исполкома у меня прибавилось».

И никакие другие материалы о пленении Паулюса именно в подвале универмага Алексея Исаева не убеждают. Ни воспоминания бывшего адъютанта фельдмаршала — полковника Адама (в которых он подробно объяснил, как штаб 6-й немецкой армии там оказался), ни неоднократные воспоминания бывшего в 1943 г. ст. лейтенантом Ильченко Федора Михайловича (который лично участвовал в пленении Паулюса в подвале универмага), ни подробный документ 25 сентября 1943 г. штаба 7-й гвардейской армии (в которую 64-я была преобразована 1 мая 1943 года) под названием «Краткое описание пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом в г. Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 года» (опять же в подвале универмага).

Есть и немецкие сайты про Сталинградскую битву с упоминанием «das Kaufhaus» — «Универмаг»¹.

Для Алексея Исаева все эти тексты не несут какой-либо полезной информации. Я попытался побеседовать с ним на его сайте в «Живом журнале» по этой теме — бесполезно².

¹ http://www.entfernungspauschale.info/article/Schlacht_von_Stalingrad

² Пример дискуссии с А. Исаевым:

(Я): *И те офицеры штаба в сентябре 1943 г. НЕ ИМЕЛИ доступа к своим же документам, еще не сданным в архив?*

(Исаев): *Почему не сданными? Я вот зуб не дам, что они не сплывили все документы по Сталинградской битве в Бузулук (где была точка приема документов будущего ЦАМО) до лета 1943 г.*

(Я): *«По горячим следам» мало что могли или попутать или, наоборот, специально утаить. Извините, война, однако. А вот через полгода, когда уже это на ход боевых действий уже не влияет, — другое дело.*

Итак, Алексей Исаев настаивает на своем «открытии» по поводу «исполкома». Но вообще-то в центральной части Сталинграда «исполкомов» (Советов депутатов трудящихся) могло быть три:

- центрального района города («райисполком»),
- городского («горисполком»),
- областного («облисполком»).

И если штаб Паулюса действительно находился бы в подвале одного из них, то правильнее было бы указать поточнее, в каком. Но во время проведения боевой операции (когда документ еще может попасть к врагу и враг может (теоретически) принять какие-то ответные меры) в боевых документах положено использовать кодированные слова. Например, известен факт, что свои приказы командующим фронтами товарищ Сталин подписывал коротко: «Иванов». И пусть враги догадываются в случае чего, кто это такой — начальник ли Генштаба, какой заместитель или сам Сталин?

Но размышлять в таком направлении Алексей Исаев не желает. А вспомнил здесь я эту историю потому, что он упомянул в своих комментариях книгу Самсонова о Сталинградской битве. Она есть в Интернете.

(Исаев): Наоборот, во время сражения думают о нем, а не о мирной жизни после. Я свое мнение высказал: военных попросили откорректировать «подробности», чтобы не запоминать здание исполкома пребыванием там немецкого штаба.

(Я): А ему какой смысл врать? (полковнику Адаму).

(Исаев): Ему — никакого. Он мог:

а) забыть, т. к. штаб был в исполкоме (Универмаге) короткое время;

б) написать в рукописи «Исполком» или «Партийное здание», а при издании научный редактор поправил на «Универмаг». Или Вы не в курсе, что такое научная редакция?

.....

Заметим, что сказать Вам на мои возражения нечего. Еще раз: по горячим следам четко написано: «Исполком». Потом политруки могли попросить немного исправить.

Кстати, а Вам не приходит в голову: зачем штабу уже 7-й гв. армии возвращаться к делам январским в сентябре? Отчеты обычно пишутся вскоре после проведения операции. Тем более на фронте весной 43-го было затишье.

Но без сносок. А у меня она есть в бумажном варианте (со всеми сносками). Вот в них я и нашел ссылку на статью в журнале «ВИЖ», 1959, № 2, где опубликован сентябрьский 1943 г. отчет штаба 7-й гв. армии.

Выбрал время, посетил библиотеку, нашел там этот журнал и скопировал ту статью.

Но как оказалось, в том журнале были и другие интересные материалы.

В частности, статья генерал-майора Е. Болтина «О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза». Меня она заинтересовала. Долгое время она так и хранилась у меня в виде jpg-файлов, пока тема периодизации войны не была затронута на форуме «Экслеры», где участник с ником «Фрукт» выложил несколько интересных документов¹ (здесь и далее выделение жирным — мое):

**«ЗАПИСКА Г. К. ЖУКОВА
И В. Д. СОКОЛОВСКОГО В ЦК КПСС ОБ
ИЗМЕНЕНИИ НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРВОГО
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

23 мая 1955 г.

В январе месяце с/г Министерством обороны на рассмотрение Президиума ЦК КПСС было внесено ходатайство об изменении существующего наименования первого периода Великой Отечественной войны.

В настоящее время этот период носит наименование «Активная оборона Советских Вооруженных Сил».

Учитывая, что такое наименование приводит к неверному представлению о характере действий советских войск в 1941–42 гг. и что оно противоречит принятому у нас понятию содержания активной обороны, министерство просило ЦК КПСС одобрить следующее

¹ <http://forum.exler.ru/index.php?act=Post&CODE=06&f=113&t=157122&p=22282809>

наименование первого периода: «Срыв замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза и создание условий для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны».

В последующем Министерство обороны, обсудив этот вопрос на коллегии, пришло к заключению, что предложенное наименование также не является исчерпывающим, поскольку оно не отражает характера событий первого периода войны и содержит только его военно-политический итог. Это может породить неправильное представление о содержании военных событий того времени и той тяжелой обстановке, в которой они протекали.

В связи с этим коллегия просит Президиум ЦК КПСС рассмотреть два новых варианта определений первого периода: Первый вариант — «Период отступления и срыв плана «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза»; Второй вариант — «Период отступления, накопления сил и срыв плана «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза».

Жуков, Соколовский

«Разослать членам Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. 24. V. 1955 г.»

АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 69. Л. 14—15»

Из этого документа становится понятно, что до 1955 г. в СССР официальное объяснение гласило, что РККА в 1941—42 гг. «активно оборонялась». А в 1955 г. возникло подозрение, что оно не совсем правильно. Действительно, что же это за «активность», в результате которой армия откатилась от границы на сотни, а потом и на тысячи км? То есть получается, что летом 1941 г. для устойчивой обороны не хватало каких-то условий. Но, с другой стороны, если есть оборона «активная», то должна существовать еще и какая-то другая? Наука их как-то отличает? «Для протокола» открываю БСЭ, 3-е изд., том 1 и читаю:

«АКТИВНАЯ ОБОРОНА (воен.), термин, выходящий из употребления; используют гл. обр. в воен.-ист. литературе. Обычно применяют понятие *активность в обороне*. См. *Оборона*».

И все? То есть сейчас этот термин можно забыть? Для контроля открываю 18-й том БСЭ на статье **«ОБОРОНА»**. И вообще ничего не нахожу про ее *«активность»*. Нет такого термина! Силу обороны там понимают *«в нанесении ударов всеми видами оружия, широком маневре огнем, контратаках и контрударах»*. А ее организация должна базироваться *«на умелом использовании выгодных условий местности, ее инж. оборудовании, применении заграждений, рассредоточенном расположении войск по фронту и в глубину»*.

Это понятно. На тебя нападают — обороняйся всем, что есть. Но желательно по науке. Как же различает наука виды обороны? Где-то можно найти? Оказалось, что можно. Странно, но более-менее подробное описание этой темы нашлось в статье М. Сергеева о тактике американской пехоты, опубликованной в журнале «Военный вестник» № 3 за февраль 1946 г. В частности, там говорится:

«По американским взглядам, решительные результаты в бою достигаются только наступательными действиями: одной обороной можно отсрочить поражение, но никогда нельзя добиться победы. Наступление должно начинаться внезапно, вестись непрерывно и до полного разгрома противника.....

Рекомендуя нападать на противника внезапно, уставы армии США уделяют много внимания боевому обеспечению собственных войск. Для того чтобы подчеркнуть недопустимость беспечности в боевой обстановке, американцы указывают, что командиру иногда можно простить поражение в бою, но беспечность, в результате которой его войска оказываются застигнутыми противником врасплох, никогда. Каждый бой связан с риском; обязанность командира подразделения — свести

этот риск к минимуму соответствующими мерами боевого обеспечения».

Правильно, к победе ведет только наступление (если видно, что свои ресурсы переламаывают ресурсы противника). Или стол переговоров (если свои силы безрезультатно губятся в бесполезных атаках). Но интересно мнение американцев о том, что нельзя простить командиру беспечности. И можно задаться вопросом, а в каком виде должно проявиться это «непрощение»? Отдать под суд военного трибунала и присудить длительный срок? Или расстрел перед строем по военным законам? А как быть, если беспечность допустил самый главный командир всей страны? Его ж перед строем не расстреляешь. И под суд вряд ли удастся отправить. Но как показывают факты, именно подобная история с «беспечностью» и произошла в СССР в июне 1941 г. Высший Главноверх страны товарищ Сталин наплевал на свое же требование соблюдать постоянную бдительность и допустил внезапное нападение заранее развернутой армады врага. При этом своя армия «по науке» к ведению обороны готова не была. Что и привело к целой полосе очень неудачных событий.

Читая дальше вышеупомянутую статью, я нашел и американские соображения на виды обороны:

«...Независимо от причин перехода к обороне, характерным признаком ее является удержание широкого фронта сравнительно слабыми силами.

Американцы разделяют оборону на позиционную (оборона на одной позиции) и маневренную (отступательная оборона). В зависимости от поставленной задачи оборона может быть пассивной и активной.

Пассивная оборона имеет задачей удерживать закрепленные позиции всеми видами огня, не предпринимая контрнаступления. Прорывающийся в глубину обороны противник уничтожается контратаками резервов или отбрасывается за передний край.

Активная оборона предусматривает контрнаступление, осуществляемое в критический момент боя. Поэтому

му при активной обороне рекомендуется иметь сильные и подвижные резервы, предназначенные главным образом для наступательных действий.

Позиционная оборона строится по принципу оборонительных районов, внутри которых создаются опорные пункты и узлы сопротивления. Они создаются таким образом, чтобы обеспечить взаимную поддержку, круговую оборону, наибольшую дальность фронтального огня, возможность обстрела всех подступов и участков местности, примыкающей к узлам сопротивления.

Оборонительные районы рекомендуется занимать целыми подразделениями, вследствие этого районы обычно называются взводными, ротными и батальонными.

Оборона вытягивается в глубину за счет позшелонного ее построения. Считая от фронта к тылу, эшелоны именуются: первый — эшелоном сопротивления, второй — эшелоном поддержки, третий — батальонных резервов и четвертый — полковых резервов. Цель организации такой обороны заключается в стремлении «разбить силу атакующего так, как разбросанные на берегу обломки скал разбивают силу волны».

Прошу обратить внимание на фразу: «оборона имеет задачей удерживать закрепленные позиции всеми видами огня». Это главное в обороне — чем отбиваться. Если нечем — сидеть в окопе толку мало. Но противник со своей стороны может применить шквал огня. Поэтому и придумали зарываться в землю. При этом все равно не будет на 100% гарантии выжить, но какая-то вероятность останется. Поэтому инженерное обеспечение позволяет лишь повысить живучесть обороняющихся войск. Но оборонительное воздействие на противника они должны оказывать огнем. То есть иметь достаточное количество разных боеприпасов. Если их окажется мало, то никакие окопы не помогут. Придется отступить.

Причем пополнение запасов для огневого воздействия должно быть постоянным. Иначе любые контрудары надолго противника не остановят. А тот факт, что немцы в 1941 г. смогли дойти до Москвы и Росто-

ва, показывает, что у РККА чего-то важного не хватало. И копание окопов в то время сильно не помогло. Сколько ни посылались команды гражданских на рытье оборонительных полос.

Но теория обороны к началу войны в СССР была. Вот как об этом написано в 18-м томе БСЭ в статье про «оборону»:

«...В 30-х гг. теория О. широкое развитие получила в Красной Армии. В связи с возросшей ударной силой наступающих войск считалось, что О. должна была быть глубокой, многополосной, противотанковой, противосамолетной. К нач. 2-й мировой войны 1939—45 гг. и в ходе ее в связи с массовым применением дальнобойной артиллерии, танков и авиации О. стали строить еще более глубокой. Напр., полоса О. корпуса Красной Армии имела глубину до 15 км и состояла из 2 оборонит. полос глуб. 4—6 км каждая. Оборонит. полоса состояла из 2—3 траншей. Всестороннее развитие О. получила в Сов. Вооруж. Силах в Великую Отечеств. войну 1941—1945 гг., особенно в Московской битве 1941—42 и Ленинградской битве 1941—1944, в Курской битве 1943, в Балатонской оборонительной операции 1945 и др....»

То, что здесь упоминается оборона под Москвой в 1941 г. — понятно. Немцы прорвать ее не смогли. Но чтобы им оказаться под Москвой, они должны были пройти сотни километров от границы, советская оборона на которых почему-то оказалась неэффективной, как ее ни называть — активной или как-то иначе. Вообще-то назвать ее полностью неактивной нельзя. С июня по декабрь 1941 г. РККА провела много серьезных операций: это и контрудары в полосе ЮЗФ, и удар корпуса комбрига Петровского на Западном фронте, и многомесячная оборона Киева, и контрнаступление под Смоленском и т. д. Но остановить немцев в конечном итоге они не смогли. Враг продолжал и продолжал теснить Красную Армию все дальше на восток.

Таким образом, действия РККА в тот период можно назвать *«временами активной маневренной (отсту-*

пательной) обороной в условиях недостатка каких-то сил и заранее подготовленных оборонительных районов». Главной задачей при этом оказалась необходимость выиграть время в течение более года, которое требовалось для восполнения больших потерь стратегических запасов в начале войны. Срок более года возникал из-за необходимости срочной эвакуации промышленности из угрожаемых районов далеко на восток и возобновления ее работы на новых местах.

Конечно, термин «активная оборона» для первого периода войны все эти подробности не объяснял. И вполне справедливо было бы назвать его *«Периодом отступления, срывом замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза, накопления сил и создания условий для коренного перелома»* (примерно как и предлагал маршал Жуков в мае 1955 г.).

Но в таком названии все равно есть недоговоренность. Ибо остается безответным вопрос: почему так произошло? Кто виноват? То есть в более полном виде в названии было бы полезно дописать: *«в связи с тем, что...»*. Вот тогда оно оказалось бы логически законченным.

Но эта часть оказывается самой сложной. Буквально, «камнем преткновения». Причем до сих пор. С одной стороны, некоторые исследователи настаивают, что в то время все делалось правильно и ничего лучше и эффективнее сделать было нельзя, кроме этой *«местами активной маневренной (отступательной) обороны»*. Дескать, удар врага заранее развернутыми силами и укомплектованными под полную завязку был неимоверно силен. И противопоставить ему что-то лучше, чем и как это было сделано, вряд ли было возможно. И такая мысль гуляет до сих пор.

Но после смерти Сталина в период развенчивания его культа личности во второй половине 50-х годов были попытки докопаться до конкретных причин летнего поражения 1941 г. На упоминавшемся форуме «Экслеры» были приведены и другие документы того времени. В частности, еще одно письмо маршала Жукова:

**«ЗАПИСКА Г. К. ЖУКОВА В ЦК КПСС
ОБ ОСВЕЩЕНИИ В ПЕЧАТИ НАЧАЛЬНОГО
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

12 мая 1956 г.

Редакция журнала «Военный вестник» в передовой статье № 4 осветила некоторые вопросы неудач наших войск в начальном периоде Великой Отечественной войны, вытекающих из последствий культа личности, о чем говорилось на XX съезде КПСС.

9 мая в редакционной статье, посвященной Дню Победы, редакция газеты «Красная Звезда» подвергла критике эту статью «Военного вестника», обвинила журнал в том, что он допускает «совершенно неправильные, вредные суждения», когда утверждает в названной статье, что «нашей армии пришлось отступить, вести тяжелые оборонительные сражения якобы из-за неприведения войск в боевую готовность».

Редакция «Красной Звезды» считает весьма странными и необидительными «суждения журнала о каких-то разрозненных, необъединенных действиях отдельных войсковых соединений — действиях, порожденных неготовностью Вооруженных Сил СССР», она также утверждает, что в статье «Военного вестника» грубо искажается вопрос о мобилизационной готовности и возможностях нашей промышленности. По мнению редакции «Красной Звезды», авторы статьи «Военного вестника» этим самым принизили значение нашей победы в минувшей войне, принизили решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в завоевании победы.

Эта критика, по справке Главного редактора газеты, дана по указанию тов. Шенилова Д. Т. Считаю, что обвинения, выдвинутые по поводу передовой статьи в № 4 журнала «Военный вестник» являются необоснованными и неправильными.

В статье «Военного вестника» события начального периода войны и их причины освещены на основе действи-

тельных фактов и в полном соответствии с их оценкой, данной в материалах XX съезда партии.

Нет также оснований обвинять редакцию журнала в умалении роли советского народа, партии и Вооруженных Сил, тем более что на первых страницах № 4 журнала решающая роль нашего народа, партии и Вооруженных Сил в завоевании победы показана ярко.

Необоснованное выступление редакции «Красной Звезды» с критикой передовой статьи в № 4 «Военного Вестника» принесло явный вред. Оно дезориентирует наши кадры в вопросах перестройки освещения начального периода Великой Отечественной войны в соответствии с материалами XX съезда и по существу идет вразрез с принятым решением съезда по вопросу культуры личности.

Вместе с тем необдуманное выступление газеты в юбилейной статье дало основания враждебной нам печати за рубежом развернуть клеветническую кампанию.

Считаю, что работники аппарата ЦК КПСС и Главное Политическое управление Министерства обороны, давшие санкцию на опубликование редакционной статьи «Красной Звезды» с необоснованной критикой журнала «Военный вестник», без соответствующего указания Президиума ЦК КПСС, допустили серьезную ошибку.

Г. Жуков

Вообще говоря, памятуя о вышедших позднее жуковских мемуарах, удивительно читать такое письмо. Получается, что маршал Жуков в 1956 г. вполне конкретно соглашается, что РККА в июне 1941 г. не была готова к ведению эффективной обороны. И что большая вина за это (если не основная) лежит на товарище Сталине, без санкции которого никак не могли выполнить подготовку страны к обороне. С одной стороны, похвально наблюдать такое заявление из уст высшего военного специалиста. Но с другой стороны — ведь не

только товарищ Сталин (не) касался вопросов по военной теме. Сам маршал Жуков, будучи начальником Генштаба в то время, нес немалую долю ответственности за это же дело. Но признавать свою вину в 1956 г. он не стал. Все переложил на плечи уже умершего Сталина. Да так, что начальникам «Красной Звезды» пришлось оправдываться:

*Начальнику Главного Политического Управления
Министерства Обороны СССР
Генерал-полковнику тов. ЖЕЛТОВУ А. С.*

По поводу критического замечания в адрес «Военного вестника», содержащегося в статье, опубликованной нашей газетой за 9 мая с. г., докладываю следующее:

29 апреля меня вызвали в отдел пропаганды и агитации Центрального Комитета КПСС и ознакомили с ошибочными утверждениями, содержащимися в передовой статье «Военного вестника», № 4 за 1956 г. Здесь же, по указанию секретаря ЦК тов. Шепилова, мне было предложено в готовящейся к печати статье ко Дню Победы указать «Военному вестнику» на его неправильные утверждения, причем указать на те места его передовой, где говорится о начальном периоде войны и о которых можно сказать в открытой печати.

Это и было нами сделано.

Главный редактор полковник Н. МАКЕЕВ

*Начальнику Главного Политического Управления
Министерства Обороны СССР
Генерал-полковнику тов. ЖЕЛТОВУ А. С.*

Докладаю Вам о тех обстоятельствах, которые заставили редакцию в опубликованной 9 мая с. г. статье «Великий подвиг советского народа» подвергнуть критике передовую статью журнала «Военный вестник» № 4 за 1956 год.

Во-первых, в своей статье журнал утверждает, что Советской Армии в течение лета и осени 1941 года пришлось отступать, вести тяжелые оборонительные бои «прежде всего из-за непринятия необходимых мер приведения войск в боевую готовность». Причем в статье безапелляционно говорится о неготовности к отпору агрессии всех Вооруженных Сил СССР. Журнал прямо пишет «Именно такая неготовность Вооруженных Сил и явилась основной причиной разрозненных, необъединенных действий отдельных наших войсковых соединений в самом начале войны».

Таким образом, журнал берет одну, причем теневую сторону тяжелого положения в начальный период войны. Он объясняет это положение главным образом неготовностью Вооруженных Сил СССР и, следовательно, всю вину за неудачи начального периода сваливает на Вооруженные Силы.

Это неверно. Это — клевета на нашу армию. Можно привести много примеров, говорящих о том, что уже в первые дни войны для наших войск в целом были типичны и присущи не разрозненные и необъединенные действия, а действия целеустремленные, организованные, отличающиеся невиданной стойкостью и храбростью личного состава армии, многих и многих командиров, военачальников. Ведь это же факт, что за свое продвижение в глубь нашей страны немецкие фашисты расплачивались потерей сотен тысяч своих войск, ибо они встретили на советском фронте такое сопротивление, такую стойкость, каких не встречали за все время войны в Европе. Об этом неоднократно заявляли сами представители немецко-фашистского командования.

Следовательно, в целом наши Вооруженные Силы были готовы к отпору врагу. Несмотря на исключительно тяжелую обстановку, наша армия, ее генералитет не растерялись, а смело вступали в бой, громили живую силу и технику врага. Утверждать, что основной причиной наших неудач в начальный период войны была неготовность Вооруженных Сил, значит сводить на нет

ту огромную организаторскую работу, которую провели накануне войны партия, Центральный Комитет, правительство по воспитанию и укреплению армии и флота, значит, вольно или невольно, вызывать в нашем народе чувство недоверия к своим Вооруженным Силам.

Авторы статьи и редакция журнала при подготовке материала для передовой, очевидно, пользовались известным Вам докладом товарища Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Но ведь в этом докладе нет утверждения о неготовности Вооруженных Сил вообще, как нет и утверждений о разрозненных, необъединенных действиях наших войск. Наоборот, в докладе говорится: «Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться на ходу, создать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его». Очевидно, «Военному вестнику», как открытому органу печати, надо было положить в основу той части статьи, где речь идет о начальном периоде войны, именно это положение доклада.

Во-вторых. Журнал утверждает, что «одной из важнейших причин наших военных неудач в первом периоде Великой Отечественной войны является также тот факт, что советская промышленность не была вовремя и по-настоящему мобилизована для производства необходимого вооружения и снаряжения».

Действительно, такое положение имело место. Но, говоря об этом в открытой печати, нельзя ограничиваться только такого рода утверждением, надо дать правильное, толковое объяснение коренных причин, обусловивших неготовность нашей промышленности к массовому производству вооружения. Журнал не учел этого и поэтому свел на нет значение борьбы народа и партии за индустриализацию страны, за создание мощной тяжелой индустрии, за усиление технической оснащенности войск. Ведь товарищ Н. С. Хрущев, говоря в свое

докладе о недостаточной подготовленности нашей промышленности к войне, в то же время сказал, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны и обеспечить наши Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага. Бесспорно, что журналу надо было прежде всего взять эту сторону вопроса.

В-третьих. В передовой «Военного вестника» содержатся и другие ошибочные формулировки, о которых нельзя было сказать в газете, как открытом органе печати. Так, например, журнал пишет, что нападение Германии «никак нельзя было считать внезапным для высшего руководства страной». Но ведь всем известно, что высшее руководство страной у нас принадлежит партии в целом, ее Центральному Комитету. Утверждение журнала, что это высшее руководство было сосредоточено в руках Сталина, не спасает положения. Журнал бьет по культу личности, и в то же время тут же бьет по партии, ее ЦК, по правительству, олицетворяющим высшее руководство страной. А что это означает на деле? Это означает посеять в глазах народа недоверие к руководству партии, правительства, подорвать их авторитет, умалить роль партии в подготовке страны к отпору фашистским агрессорам.

Далее. В статье (7 стр.) говорится, что в ходе боев «часто не принимался во внимание такой важный вопрос, как потери и материально-технические издержки». У читателей открытого органа печати может создаться мнение, что никто — ни партия, ни правительство, ни командование войск — не интересовался жизнями миллионов людей, сражавшихся на фронте, что многие жертвы были напрасны, неоправданны. Вряд ли можно признать правильным выносить такого рода суждения в открытую печать.

Все это, вместе взятое, послужило основанием для «Красной звезды» выступить с критическим замечанием в адрес «Военного вестника». Причем сделать это

замечание было предложено Центральным Комитетом партии, в частности секретарем ЦК тов. Шепиловым. Статья «Красной звезды» после ее окончательного редактирования посылалась в ЦК. Там была дописана еще одна формулировка, а именно: «Хотели или не хотели того авторы указанной выше статьи «Военного вестника», но они принизили значение нашей победы в минувшей войне, принизили решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в завоевании этой победы».

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1) Редакция «Красной звезды» поступила правильно, подвергнув критике передовую статью журнала «Военный вестник».

2) Предложить редакции «Военного вестника» выступить со статьей, в которой поправить свои ошибочные суждения по поводу начального периода войны.

Главный редактор полковник Н. МАКЕЕВ

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 22–29

Итак, в 1956 г. бывший первый военный начальник Генштаба как бы с полным знанием дела вполне конкретно соглашается, что Красная Армия не была подготовлена как надо для ведения активной обороны от немецкого нападения. Но «кое-кому» в ЦК КПСС такие признания не понравились, и возникло предложение срочно опубликовать опровержение с заявлением, что все делалось как надо. Дескать, к обороне готовились. Конечно, с таким «послезнанием» можно и согласиться. А можно и ознакомиться с первоисточниками еще тех лет. Например, повнимательнее почитать Полевой устав РККА (проект 1939 г.), текст которого выложен в Интернете¹. Вот некоторые цитаты из его 1-й главы «ОБЩИЕ ОСНОВЫ»:

¹ <http://rkka.ru/docs/real/pu39/main.htm> (предоставлен Алексеем Исаевым).

1. ...Красная Армия является оплотом мира. Она воспитывается в духе любви и преданности к своей Родине, партии Ленина — Сталина и советскому правительству, в духе интернациональной солидарности с трудящимися всего мира. В силу исторически сложившихся условий Красная Армия существует как непобеждаемая, всесокрушающая сила. Такой она является, таковой она всегда будет.

2. Оборона нашей Родины есть активная оборона.

На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих вооруженных сил.

Наша война против напавшего врага будет самой справедливой из всех войн, какие знает история человечества.

Если враг навязает нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий.

Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории...

4. Задачи Рабоче-Крестьянской Красной Армии интернациональны; они имеют международное, всемирно-историческое значение.

Красная Армия вступит на территорию напавшего врага как освободительница угнетенных и поработенных...

9. РККА вооружена многочисленной и совершенной техникой. Ее боевые средства непрерывно множатся и развиваются...

10. Постоянная готовность вступить в бой с врагом должна лежать в основе подготовки РККА...

Наступательный бой есть основной вид действий РККА...

14. Оборона будет нужна всякий раз, когда нанесение поражения противнику наступлением в данной обстановке невозможно или нецелесообразно.

Оборона должна быть несокрушимой и непреодолимой для врага, как бы силен он ни был на данном направлении.

Она должна заключаться в упорном сопротивлении, ис-
тощающем физические и моральные силы противника, и
в решительной контратаке, наносящей ему полное по-
ражение. Тем самым оборона должна достигать побе-
ды малыми силами над численно превосходящим против-
ником...

16. Все действия войск должны совершаться с вели-
чайшей скрытностью и быстротой.

Внезапность действует ошеломляюще...

Внезапность будет применять и противник. Части
РККА никогда не должны быть застигнуты врасплох и
должны решительным ударом ответить на всякую вне-
запность со стороны врага.

Поэтому высокая бдительность и постоянная боевая
готовность являются обязательным требованием...

18. Успешное управление боем требует постоянного
боевого обеспечения войск. Бдительное охранение и не-
прерывная разведка предохраняют войска от внезапных
нападений наземного и воздушного врага и обеспечивают
им постоянную осведомленность о местонахождении,
группировке и намерениях противника...

20. Насыщенность войск артиллерией и автомати-
ческим оружием вызывает большой расход боеприпа-
сов...

21. Всякий бой должен быть обеспечен питанием, не-
обходимыми материальными средствами... Тыл и подвоз
должны полностью обеспечивать боевое питание войск в
любых условиях обстановки.

22. Многообразие боевых условий не имеет предела.

...**Красная Армия должна быть одинаково готова к**
стремительным действиям в маневренных столкнове-
ниях и к прорыву укрепленного фронта при переходе про-
тивника к позиционной борьбе.

23. ...В любых условиях и во всех случаях мощные уда-
ры Красной Армии должны вести к полному уничтоже-
нию врага и быстрому достижению решительной победы
малой кровью».

Все эти слова правильны. Армия ВСЕГДА должна быть готова, по крайней мере, для ведения обороны. Организовать наступление — второй вопрос. А создать сильные препятствия для возникшего противника войска обязаны. Но результат лета 1941 г. показывает, что эта задача для РККА оказалась почему-то невыполнимой. Более того, сам Верховный Главнокомандующий объявил (в т. ч. в «Сообщении ТАСС» от 13 июня 1941 г.), что в отношении ситуации на западных границах бдительными быть не надо! Невероятно и очень странно! Но тогда какие могут быть удивления по факту отступлений советских войск летом 1941 г.? К чему же готовилась РККА до июня 1941 г.?

Если почитать разные книги и журналы предвоенного периода, то можно увидеть картину, что в то время тема возможного нападения немцев на СССР не рассматривалась. Вообще! Наоборот, основное внимание уделялось вопросам всесторонней подготовки наступательных действий. Причем на различных ТВД (а не только на западной границе). Маршал Тимошенко в своем заключительном слове на декабрьском совещании 1940 г. так и сказал, что *«мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие, как: Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский, и на каждом из них действия войск в тактическом и оперативном разрезе будут иметь свои особые отличительные черты.*

Соответственно этому наша теория по оперативно-тактическим вопросам, помимо общих положений, должна охватывать особенности в действиях войск на различных театрах, в разнообразных географических условиях». (Документ «Малиновки» — № 222. Из заключительной речи наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г.)

Повышенное внимание к организации обороны в открытой прессе возникло только после немецкого нападения. Вот почему проблема объяснения при-

чин поражения РККА летом 1941 г. длительное время остается актуальной и до сих пор не находит единообразного согласованного варианта.

Необходимость в обсуждении периодизации прошедшей войны не завершилась обращениями маршала Жукова в ЦК КПСС. Через несколько лет после них она опять возникла. Этой теме были посвящены статьи в первых двух номерах «Военно-исторического журнала» за 1959 г. В частности, во втором номере была напечатана статья генерал-майора Е. Болтина «О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза».

В самом ее начале так прямо и говорится, что среди проблем изучения истории 1941—1945 годов, требующих научно обоснованного решения, является создание правильной периодизации того периода. Такая постановка вопроса сразу намекает на то, что за почти 15 лет после окончания войны историки так и не договорились об однозначном понимании ее этапов. И приходится разным исследователям поднимать эту тему в очередной раз.

Но вместо того, чтобы сразу приступить к теме, генерал Болтин много внимания решил уделить (так сказать) «общей» («научной») теории периодизации любой войны. А не как у маршала Жукова — *«это не подходит, мы предлагаем...»*. Оказывается, не все так просто. Надо начинать издалека.

«...При периодизации войны необходимо учитывать различные элементы, и в первую очередь следующие:

— политические условия ведения вооруженной борьбы (политический характер войны, отношение к ней народных масс, образование или распад коалиций, изменения в международной и внутренней обстановке воюющих государств и т. п.);

— экономические предпосылки ведения вооруженной борьбы, особенно военную экономику воюющих сторон и изменения, происходящие в этой области;

— состояние вооруженных сил сторон (вооружение, организация, боевой опыт и т. д.) и возможности их действий на различных этапах войны.

В целом все эти элементы в конечном счете находят свое общее выражение в ходе вооруженной борьбы, т. е. в ведении военных действий на суше, в воздухе и на море. На развитие вооруженной борьбы воздействуют экономические, политические, моральные и другие факторы; влияние этих факторов либо непосредственно, либо косвенно сказывается на военных действиях, обуславливает их содержание, формы и масштабы.

Очень важным признаком деления войны на периоды может служить изменение ее политического характера (разумеется, если такое изменение имело место в ходе данной войны)...

Однако политический характер войны не является единственным признаком периодизации любой войны, поскольку ее характер далеко не всегда подвергается изменениям. В частности, этот признак не может служить критерием периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза, политический характер которой оставался неизменным: для советского народа это была с первого и до последнего дня справедливая, освободительная, Отечественная война.

Что же следует принимать в качестве главного критерия при периодизации войны, политический характер которой на всем ее протяжении остается неизменным? Мы полагаем, что таким критерием является развитие вооруженной борьбы и, в частности, изменение способов военных действий. Так, в начале войны наши Вооруженные Силы вели стратегическую оборону и отступали в глубь страны; в дальнейшем они перешли от обороны и отхода к наступлению на важнейших направлениях и завершили войну общим победоносным наступлением. Неодинаковыми были и масштабы, размах военных действий, развивавшихся в соответствии с изменениями обстановки и условиями ведения вооруженной борьбы. И в ходе войны менялось и значение действий различ-

ных видов вооруженных сил. Если решающая роль в войне в целом принадлежала операциям сухопутных войск, то борьба в воздухе, на море, партизанская борьба в тылу врага на разных этапах войны имела разное значение.

Крупные изменения в ходе вооруженной борьбы служат важным признаком расчленения любой войны на периоды; для периодизации же Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 годов данный признак должен быть главным. Это означает, что, устанавливая научную периодизацию войны, необходимо прежде всего найти основные переломные моменты в ходе войны. Такие моменты определяются достижением промежуточных целей войны и связанными с ними крупными изменениями в военно-политической обстановке...

Прежде чем перейти к своим предложениям, генерал Болтин кратенько объяснил, почему проблема периодизации к 1959 г. не была разрешена.

Оказывается, в начале 50-х годов один ее вариант уже использовался (принятый в 1950—1951 гг.). Но он оказался не совсем правильным. Так как в его основе лежали «лишь» «высказывания И. В. Сталина, которые не имели прямой целью установление периодизации войны, а приурочивались к знаменательным календарным датам (например, годовщинам Октябрьской революции). Давая оценку обстановки, И. В. Сталин исходил из положения, складывавшегося к этим датам. В его выступлениях содержится ряд мыслей, относящихся к периодизации войны, и даются характерные наименования отдельным ее важным этапам («год коренного перелома» и др.). Согласно этой периодизации, война делилась на четыре периода».

1-й период (22.06.1941—18.11.1942) сначала назывался периодом «активной обороны». Но потом (после смерти товарища Сталина) почему-то возникла его «явная необоснованность». И в 1954 году кем-то было предложено назвать его «периодом провала немецко-фашистского плана «молниеносной» войны и создания условий для коренного перелома в ходе войны».

2-й (19.11.1942—31.12.1943) — «период коренного перелома в ходе войны».

3-й (1944 год) — «период решающих побед Советских Вооруженных Сил».

4-й (1945 год) — «период завершающих побед Советских Вооруженных Сил» (в т. ч. с учетом боевых действий и в Европе, и на Дальнем Востоке против Японии).

К 1959 г. эта периодизация почему-то *«вызывала законные возражения историков»*. Претензий было несколько. Но в основном они касались времени после осени 1943 г. А также *«не вполне удачными являются и наименования периодов войны (кроме второго)»*. В частности, первый период так и не получил к 1959 г. окончательного варианта. Кроме того, идеи советских авторов были *«недостаточно увязаны с периодизацией Второй мировой войны в целом»*.

И дальше еще на нескольких страницах приводятся разные общетеоретические рассуждения, особенно о месте и значении войны с Японией (и вообще, как она докатилась до своих великодержавных амбиций).

И лишь на 18-й странице журнала (7-я страница статьи) разговор дошел до заявленной темы:

«...Исходя из изложенного, представляется целесообразным войну СССР против фашистской Германии и ее сателлитов в Европе разделить на три крупных периода.

Первый период — с 22 июня 1941 года по ноябрь 1942 года. В этом периоде вооруженная борьба характеризуется преимущественно обороной Советских Вооруженных Сил и их вынужденным отступлением в глубь страны. Германия в этом периоде дважды предпринимала общее наступление против Советского Союза, но оба раза оно было остановлено, не достигнув конечных целей. Советские Вооруженные Силы в первом периоде войны преследовали основную цель — остановить фашистское нашествие, чтобы завершить мобилизацию людских и материальных ресурсов, добиться изменения соотноше-

ния сил на фронте и последующего перелома в ходе войны. Вместе с тем они пытались овладеть стратегической инициативой и перейти в наступление. Об этом свидетельствует контрнаступление Советской Армии под Москвой в декабре 1941 года, приведшее к первому крупному поражению немецко-фашистских войск и имевшее большое значение для дальнейших судеб войны. Однако объективных предпосылок для коренного изменения хода вооруженной борьбы зимой 1941/42 года еще не было, и Советские Вооруженные Силы не смогли тогда добиться решительного перелома в военных действиях. Поэтому в целом первый период войны проходит под знаком обороны и отхода Советских Вооруженных Сил».

И дальше генерал Болтин подходит к самому интересному — к причинам, почему же так все произошло в 1941 г.? Которые, по его мнению, до сих пор «неправильно излагались». «По существу, смазывались трудности, не показывалась вся сложность обстановки, умалчивались ошибки и недостатки в подготовке страны к обороне и руководстве военными действиями. Отступление советских войск в глубь страны в первый период войны не было преднамеренным, вытекающим из «плана активной обороны». Советская Армия была вынуждена отступать в весьма тяжелых условиях, под непрерывными ударами огромных сил врага. В то же время принявшие на себя первый удар кадровые советские войска в подавляющем большинстве сражались героически, оказывая врагу упорное сопротивление».

Другими словами, заранее подготовленного плана обороны в стране не было. И войска вынуждены были отступать в зависимости от складывающейся обстановки. Странное заявление! Выше уже говорилось, что товарищ Сталин к лету 1941 г. не посчитал нужным соблюдать повышенную бдительность у западных границ. Оказывается, что и «плана обороны» не было! Чем-то же тогда армия занималась? К чему готовилась? Или все ушли в отпуск? Есть список причин? Генерал Болтин предлагает следующее:

«Тяжелые неудачи советских войск в начале войны были следствием исключительно неблагоприятной для нас обстановки. В то время Советская Армия не была еще отобилизована, не имела опыта ведения большой войны, тогда как немецко-фашистская армия обладала таким опытом, была полностью отобилизована и подготовлена для внезапного нападения на СССР. Следует также иметь в виду, что Советская Армия только в конце 1940 года вступила в период перевооружения, которое к началу военных действий не было закончено. К тому же в первые месяцы войны мы имели большие потери в вооружении, восполнить которые наша промышленность, понесшая серьезный урон от гитлеровской оккупации, сразу не могла.

Одной из причин неудач советских войск летом и осенью 1941 года была неправильная оценка И. В. Сталиным военно-политической обстановки накануне Великой Отечественной войны. Сталин полагал, что фашистская Германия в ближайшее время не решится напасть на СССР, и поэтому был против срочного проведения оборонительных мероприятий, чтобы не дать гитлеровцам повода для начала войны против Советского Союза. За неделю до войны, 14 июня 1941 года, в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергалось, как беспочвенное, заявление западной печати о близости войны между СССР и Германией. В сообщении говорилось: «По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...» Эта неправильная оценка сложившейся обстановки дезориентировала наш народ и его Вооруженные Силы, ослабила бдительность советских людей, породила у них чувство самоуспокоения».

То есть лидер партии и страны товарищ Сталин совершил тягчайшие ошибки. Но эта же партия под его же руководством «в тяжелых условиях первых месяцев войны не спасовала перед трудностями, не растеклась под натиском жестокого и коварного врага, а су-

мела поднять весь народ на защиту социалистического Отечества. В результате этого уже в первом периоде были созданы необходимые условия и предпосылки для до-стижения коренного перелома в ходе войны».

А далее генерал Болтин объясняет, почему потребовался такой большой период времени на исправление возникшей кошмарной ситуации: *«Известно, что потеря территории и ряда важных экономических районов в 1941 году вызвала резкое сокращение экономических ресурсов и падение промышленного и сельскохозяйственного производства. Благодаря организаторской деятельности Коммунистической партии, мобилизовавшей на нужды войны все ресурсы страны, и героическому труду советского народа военная экономика СССР, начиная с февраля — марта 1942 года, вступила на путь неуклонного укрепления и развития. В конце первого периода войны наша военная экономика уже обеспечивала необходимые условия для перехода инициативы в руки Советской Армии, что предопределило последующий перелом в ходе военных действий в пользу Советского Союза...»*

Исходя из всего сказанного, нам представляется целесообразным дать первому периоду Великой Отечественной войны следующее название: «Отражение вероломного нападения фашистской Германии и борьба за перелом в ходе войны».

И опять без указания причины таких действий («в связи с тем, что...»).

А еще через 6 лет (в 1965 г.) Воениздат выпустил толстый том «Краткой истории» «Великой Отечественной войны Советского Союза». Он имел следующие разделы:

- *Накануне войны.*
- *В тяжелую пору (1941 — ноябрь 1942).*
- *Коренной перелом (ноябрь 1942 — конец 1943).*
- *Сокрушение фашистской Германии (январь 1944 — май 1945).*
- *Поражение милитаристской Японии.*
- *Итоги войны.*

«В ТЯЖЕЛУЮ ПОРУ»!!!!

И все!

И никакая «активная» (или какая другая) оборона и никакие «создания предпосылок» упоминаться не стали. Но ведь не могли же не коснуться причин случившегося? Коснулись. Однако читать их «просто так» не совсем интересно. Дело в том, что эта книга еще два раза переиздавалась. Третий раз в 1984 г. И хотя название раздела про первый период так и осталось — «В тяжелую пору», в текст были внесены различные изменения. Лично у меня есть первое издание 1965 г. в бумажном виде. В Интернете нашелся электронный вариант 1984 г. Поэтому есть возможность прочитать фрагмент о причинах отступления РККА летом 1941 г. в «динамике» вносимых изменений (стр. 67–68 издания 1965 г. и стр. 63–64 издания 1984 г.). **[Жирный текст в квадратных скобках]** — новый текст 1984 г., подчеркнутый — текст 1965 г., удаленный в 1984 г.).

«...Красная Армия, ведя борьбу в исключительно неблагоприятных условиях, понесла намного больший урон **[как в людях, так и в боевой технике и вооружении]**. Из 170 дивизий вышли из строя 28, а более 70 дивизий потеряли половину своего состава в людях и боевой технике. Почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением оказались на оккупированной территории]. Горечь утраты замечательных, преданных Родине людей усугублялась огромными потерями боевой техники и вооружения. Достаточно сказать, что Западный фронт [помимо других потерь] лишился почти всех артиллерийских складов, в которых хранилось более 2 тыс. вагонов боеприпасов. Соотношение сил резко изменилось в пользу врага. [Всем этим в значительной мере объясняется то, что] количественное превосходство в средствах вооруженной борьбы на долгое время перешло к немецко-фашистским войскам [оставалось на немецко-фашистскими войсками].

Причины неудач Советских Вооруженных Сил в начале Великой Отечественной войны сложны и многообразны. Они кроются в ряде политических, экономических и военных факторов как международного, так и внутреннего характера. В результате поражения, которое понесли западноевропейские государства в первый период Второй мировой войны, в руках фашистской Германии, как уже отмечалось, оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. [Борьба Советского правительства, направленная на создание системы коллективной безопасности и оказание коллективного отпора фашистскому агрессору, не встретила поддержки правящих кругов западных государств. Их близорукая политика позволила фашистам, в течение длительного времени готовившимся к захватнической войне, поочередно разгромить ряд европейских государств, значительно усилить свое стратегическое и экономическое положение, создать временный экономический и военный перевес над Советским Союзом.] К июню 1941 г. гитлеровская армия располагала передовой для того времени военной техникой и имела богатый опыт вооруженной борьбы. [Германия уже располагала экономическими и военными ресурсами почти всей Западной Европы. Пользуясь отсутствием активных военных действий на Западе, она смогла сосредоточить для нападения на СССР подавляющую часть своих вооруженных сил, оснащенных передовой для того времени боевой техникой и обладавших большим опытом ведения наступательных операций огромного размаха.] Такого опыта не было у Красной Армии. Ее командный состав, значительно обновившийся накануне войны, еще не овладел практическими навыками управления крупными соединениями и оперативными объединениями. Новая, наиболее совершенная боевая техника, поступавшая на вооружение советских войск, еще не была по-настоящему освоена личным составом. Прекращение военных действий в Западной и Юго-Восточной Европе позволило Герма-

нии сосредоточить для нападения на СССР наибольшую часть своих вооруженных сил.

Все эти обстоятельства, благоприятные для Германии и неблагоприятные для Советского Союза, усугублялись внезапностью удара, нанесенного фашистской армией. [Нападения и силой первого массированного удара немецко-фашистских войск.] Нападение было внезапным для советского народа, для его Вооруженных Сил. Оно было внезапным также для Сталина и его ближайшего окружения, ибо до кануна рокового дня — 22 июня — они без каких-либо к тому оснований исключали возможность нападения Германии на СССР летом 1941 г. Этот грубый политический просчет имел очень тяжелые последствия. В частности, он повлек за собой неправильные решения со стороны лиц, непосредственно ведавших вопросами обороны. Нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов, маршал С. К. Тимошенко (ставший Народным комиссаром обороны в мае 1940 г.) и начальник Генерального штаба (до февраля 1941 г. К. А. Мерецков, после него — Г. К. Жуков) слишком поздно разработали план прикрытия границ, а главное, с запозданием ввели его в действие. К тому же план пронизывали устаревшие идеи, требовавшие много времени на мобилизацию и развертывание Вооруженных Сил. А времени не было. Наши резервные формирования запаздывали к местам сосредоточения и вступали в боевые действия с ходу и по частям.

Попытки некоторых командующих приграничными округами усилить еще накануне войны предполье нашей обороны вдоль государственной границы категорически пресекались начальником Генштаба. Так, например, 10 июня 1941 г. он телеграфировал командующему Киевским Особым военным округом: [Захарецкий: документ 2-го тома «Малиновки» — № 537] «Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье... Такие действия могут немедленно

Слабая моторизация Красной Армии резко снижала маневренность ее частей и соединений. Они с опозданием выдвигались на рубежи развертывания, несвоевременно оставляли позиции, когда необходимо было уйти из-под ударов врага. Между тем противник, имея много автомашин, обладал большой маневренностью.

Из-за отсутствия достаточного количества радиотехнических средств плохо было организовано оповещение о появлении вражеских самолетов. Поэтому истребители обычно поднимались в воздух для прикрытия своих войск и военных объектов с опозданием. Бомбардировщики (в большинстве это были самолеты устаревших образцов — СБ, ТБ-3 и другие) вылетали на боевые задания маленькими группами и без необходимого прикрытия истребителями, что, естественно, приводило к большим потерям.

[Советская авиация еще не располагала достаточными силами, для того чтобы изменить воздушную обстановку в свою пользу. Ощущались недочеты в организации боевых действий авиационных частей и соединений.

Сказывалось и то обстоятельство, что в довоенный период боевая подготовка советских войск в основном была подчинена овладению приемами и методами наступления. В начале же войны им пришлось на всем советско-германском фронте вести стратегическую оборону.

Отступление Красной Армии нарушило планомерную мобилизацию на нужды войны материальных средств и людских контингентов в приграничных областях. Со всей остротой встал вопрос об эвакуации отсюда в кратчайшие сроки огромной массы людей и материальных ценностей в восточные районы. Только при советском строе, социалистической системе хозяйства оказалась возможной экономическая операция таких масштабов.]

Таковы основные факты, таковы условия, отрицательно повлиявшие на ход вооруженной борьбы Крас-

ной Армии и Военно-Морского Флота в начальный период войны.

Советские Вооруженные Силы, приграничные военные округа оказались не подготовленными к отражению внезапных и сильных ударов противника. Но великая партия большевиков, созданная и выпестованная В. И. Лениным, нашла в себе достаточно сил и умения, чтобы преодолеть последствия допущенных ошибок и мобилизовать советский народ на организованный отпор врагу.

[Великая партия большевиков, созданная и выпестованная В. И. Лениным, нашла в себе достаточно сил и мудрости, чтобы преодолеть неблагоприятные последствия первых недель войны и мобилизовать советский народ на организованный отпор фашистским захватчикам.]...»

Итак, в 1965 г. к причинам неудач в ведении обороны относили:

— Огромные потери боевой техники и вооружения (из-за чего к немцам надолго перешло количественное превосходство).

— Немцы каким-то образом незаметно для СССР смогли развернуть у его западной границы наибольшую часть своих вооруженных сил и выполнить внезапный удар.

— Мощный удар немецкой армии оказался внезапным для Сталина, который «без каких-либо к тому оснований» исключал возможность нападения Германии на СССР летом 1941 г. Это был «грубый политический просчет», приведший к очень тяжелым последствиям для страны.

— Кроме того, неправильные решения принимали высшие военные руководители — нарком Тимошенко и начальник Генштаба Жуков, которые практически не отрабатывали оборонительные мероприятия. В том числе не было плана обороны. В связи с чем западные военные округа оказались не готовы к вражескому на-

падению и не смогли организовать действенные ответные меры.

— Все это приводило к росту потерь, которые еще более усугубляли ситуацию и не позволили в течение длительного времени создать непреодолимую оборону. Немецкие войска продолжали продвигаться в глубь СССР на восток.

В конечном итоге возникает общий вывод, что советские войска приграничных военных округов оказались не подготовленными к отражению внезапного нападения. Однако великая партия большевиков нашла силы и умение, чтобы преодолеть «последствия допущенных ошибок».

Но в 1984 г. этот перечень был укорочен, а резкость формулировок «сглажена». Конкретная ответственность товарищей Сталина, Тимошенко и Жукова уже не упоминалась. Были удалены и упоминания фактов инициативных попыток некоторых командиров все же подготовиться к возможному нападению. Ответственность Сталина изменили на его попытку «оттянуть» войну на какое-то будущее. И вообще, мудрая партия большевиков смогла «преодолеть неблагоприятные последствия» начала войны. Но остается «за кадром» вопрос: а где же была ее мудрость до 22.06.1941 г.? Этот вопрос не поднимается, и ответ на него не дается.

Более того, через 4 года после первого издания «Краткой истории» вышли знаменитые мемуары маршала Жукова (выдержавшие доп. тиражи и 12 переизданий), в которых он не только не стал настаивать на выводах своих же писем в ЦК КПСС середины 50-х годов, а наоборот, «соловьем разливался» о величайшей роли ЦК ВКП (б) — этого настоящего «мозга армии». Можно задаться вопросом, а почему маршал Жуков в своих письмах в ЦК не побоялся признать, что РККА летом 1941 г. оказалась не готова к обороне? В письмах он, правда, в первую очередь намекает на то, что главным виновником такого безобразия был товарищ

Сталин. Но можно пойти в архив Министерства обороны, заказать документы наркомата и Генштаба того времени и посмотреть, чьи подписи там фигурируют в этих самых приказах не готовить оборону. И окажется, что второй там стоит подпись генерала армии Жукова. Может быть, на такой случай он готовился ответить, что лично он исполнял приказ? А если бы не выполнил, то мог отправиться «в подвал к Берию»? Возможно.

Но в своих мемуарах он не стал привлекать лишний раз внимание к «грубым ошибкам» и зачернять мудрый образ настоящего «мозга армии» (ЦК ВКП (б)), который якобы делал все возможное для обороны. А как известно, «некоторых» ошибок не бывает только у тех, кто ничего не делает. Немецкое нападение 22.06.1941 г. их лишь проявило. Вот с этого момента их и стали исправлять, найдя и силы и мудрость.

Итак, за прошедшие десятилетия среди историков однозначное согласие обнаружилось лишь в сроках первого периода войны — с 22.06.41 по 19.11.1942. Что касается причин, то наблюдается стремление их максимально укоротить и не заострять на них внимание. Особенно «в тумане» остается вопрос, как это угораздило товарища Сталина наплевать на свое же требование к стране быть в постоянной бдительности? И как это он «не заметил» подготовку многомиллионной армии возможного врага у своих границ? Этот вопрос официальные историки обсуждать не торопились. Но неофициальные время от времени пытаются найти адекватное решение. Версии предлагаются разные.

Например, писатель Владимир Дмитриевич Успенский, 30 лет трудившийся над романом-исповедью «Тайный советник вождя», высказывает гипотезу, что Сталин страдал психической болезнью, которую он называл «незаконченной шизофренией».

«...За многие годы я и практически, и теоретически изучил его болезнь, ее симптомы и течение. У разных людей она проявляется по-разному. Медики знают по крайней мере три варианта. Один из них, наиболее тяжелый, когда болезнь непрерывна и беспросветна. Это — устойчивая шизофрения. Второй: приступы более-менее периодичны, во всяком случае их можно предвидеть, иногда даже купировать. И, наконец, самый распространенный вариант: болезнь протекает слабо, скрытно, человек ничем не отличается от здоровых людей, забывает, а то даже и не знает о том кресте, который несет. Приступы или «всплески», как их называют специалисты, случаются очень редко, под влиянием чрезвычайных душевных потрясений. У Иосифа Виссарионовича как раз и было нечто подобное...» («Книга 3, части 5 и 6», опубликовано в «Роман-газете» № 8—9 за 1992 г.).

Но эта версия не получила широкого распространения. А то пришлось бы поминать лозунг, что мощную фашистскую Германию победил СССР под руководством мудрого ЦК ВКП (б) во главе с незаконченным шизофреником! (??)... И при этом «мудрость» возникла тоже «иногда»? И случайным образом «мудрости» оказалось побольше, чем «пролетов»? Потому и победили в конечном итоге?

Но есть и другие версии. Например, известный автор «200 мифов...» Арсен Беникович Мартиросян настаивает, что Сталин все правильно видел и действовал. В частности, он якобы так выдал 18 июня 1941 г. приказ о приведении войск в боевую готовность. Но его «спустили на тормозах» «предатели»-генералы.

Странная гипотеза. Во-первых, товарищ Сталин через голову наркома обороны ничего не мог приказывать командующим у западных границ. В смысле — а для чего он держал наркома? Чтобы самому звонить «по вертушке-ВЧ»? Делать ему больше было нечего? Во-вторых, откровенно говоря, 18 июня для ряда обо-

ронительных мероприятий, извините, «поезд ушел». За оставшиеся считанные дни «кое-чего» уже просто не успеть чисто технически. Например, срочно разгрузить склады в приграничной зоне. Если в них месяцами закатывали эшелоны разного добра, то за пять дней вывезти обратно невозможно никак. Раньше надо было думать!

И никакие приказы 18 июня ситуацию уже кардинально не спасут. Поднять солдат и выдать боеприпасы (которые на соседних складах) еще можно. И срочно отрыть какие-то окопы не совсем понятно где. Но срочно залить доты в опорных пунктах в глубине обороны не получится. Бетон, к сожалению, полную прочность набирает за 28 суток. Поэтому на стройках и «льют» в месяц не более двух этажей. А тут остаются считанные дни.

Кроме того, а с какого это «бодуна» товарищ Сталин вдруг «проснулся» 18 июня? Разве немцы до того дня вели себя «тихо-смирно»? И никаких бесед с высшими военными Сталин не проводил часами изо дня в день задолго до 18 июня 1941 г.?

Кстати, все познается в сравнении. Оказывается, существует конкретный пример реальной подготовки обороны заранее. Об этом можно почитать в малоизвестной книге полковника Старинова «Белофинские мины и ловушки и борьба с ними» (которая была срочно издана в январе 1940 г. 4 января ее «поставили в производство», а 8 января уже «подписали в печать»). Срочность обуславливалась очень большой актуальностью — в то время шла война с Финляндией и в РККА требовались инструкции по разминированию. Вот полковник Старинов их срочно и написал.

В его книге, кроме массы рисунков и схем установок финских мин и ловушек и методов их снятия, приведены переводы трех финских документов. Интересно то, что написаны они в октябре 1939 г. Реально война с СССР началась 30 ноября, но за полтора

месяца до этого финны начали активно устанавливать мины и ловушки на угрожаемых участках. При этом возникали трагедии, что и вызвало необходимость в дополнительных инструкциях. Они подписаны командиром 4-го егерского батальона полковником лейтенантом М. Нурми и старшим офицером капитаном Кархоненом. Первый документ имеет дату 17.10.1939 — через несколько дней после того, как 13–14 октября в Финляндии была объявлена мобилизация. И хотя война велась недолго — около трех с половиной месяцев, до 13 марта 1940-го, но советские войска на ней понесли серьезные потери, и часть из них приходится именно на срабатывание мин и ловушек. Открывает солдат дверь в сельском доме, а ее ручка привязана к чеке от гранаты. Проходит солдат по снежной тропе, а на ней снегом присыпан натяжной трос к ящику с минами. И много советских танков было подорвано на минах. Причем в одной из финских инструкций говорится:

«4. На каждую настоящую мину следует установить всегда 6–10 ложных мин. Для этого можно употреблять кучи сосновых ветвей, солому, сено, навозные кучи, землю и т. д. Первым делом, таким образом, нужно заминировать дороги на всем их протяжении. В некоторых местах можно установить ловушки, которые должны будут взорваться при устраивании ложных мин» (стр. 26).

К чему может привести такая тактика? К главному в обороне в мотомеханизированной войне: к потере темпа наступающего. Чтобы он не гнал по дороге колоннами на максимальной скорости, а по-черепашьи тащился за саперами-разминерами. Одно дело, идти по ровной дороге, а другое — увидеть то тут, то там навозные кучи, из которых торчат какие-то проволоочки, а у дороги стоит указатель с надписью «Мины!». А можно и латинскими буквами, чтобы было доходчивей — «Minen!» И тогда вопрос, на который день дош-

ли бы немцы до Борисова в июне 1941 г. или в июле до Житомира.

Причем для обороняющегося установка такого оружия не требует больших затрат. Достаточно построить солдат и выдать каждому упаковку мела, набор «пустых» проволочек, мотки бечевки, саперную лопатку и инструкцию как имитировать сплошные минные поля. А следом идут настоящие саперы, которые добавляют настоящие мины/ловушки. И пусть наступающий решает сам, гнать ли ему «Формулой-1» или постоянно «спотыкаться» и вызывать команды своих саперов.

Вот это и называется — «подготовка обороны». И об этом писал еще в 1939 году комбриг Любарский в книге «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании». И вдруг в СССР к июню 1941 г. про все это напрочь забыли!

«Ошиблись»? «С кем не бывает?» Между прочим, из-за этой «ошибки» до сих пор не могут даже подсчитать, сколько всего погибло в ту войну советских граждан (плюс-минус миллионы). И толком неизвестно, кто же виноват больше всего.

Судя по намекам — товарищ Сталин. То есть название первого периода можно было бы написать так: *«Период отступления, срыв замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза, накопления сил и создания условий для коренного перелома в связи с тем, что товарищ Сталин...»*.

Ну и...?

Так что же такое сделал товарищ Сталин неназываемого?

Даже вслух произнести никак нельзя?

Виктор Суворов в ряде своих книг высказал гипотезу о том, что товарищ Сталин на самом деле тщательно готовил наступление на Германию. Тут же возник многоголосый рев:

— Не-е-е-ет!!!!

— Не было этого! Не было! Не было!

Хорошо, допустим. Наступление не готовилось. Оборона тоже не готовилась (факт). А что же готовилось? Ничего? Армия занималась ничем? В подкидного дурака играли часами генералы/маршалы на приемах у товарища Сталина? И почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением оказались на пути врага чисто случайно? Сами по себе? «Предатели»-генералы их затаривали эшелонами по преступному сговору? И товарищ Каганович в должности наркома путей сообщения был с ними заодно? А НКВД куда смотрело?

Вот на какие темы можно выйти, затронув на первый взгляд несложный вопрос о периодизации войны. Но в рамках одной статьи разобрать его полностью не получится. Пока придется остановиться.

Миша Шаули¹

КОРПОРАТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ДО МОСКВЫ ДОВЕДЕТ

Кому их судить? Студенты должны скрывать свои взгляды ради карьеры; коллеги с неохотой критикуют друг друга, чтобы в свою очередь не пострадать от того же; внешнему миру недостает компетентности для суждения о тайнах науки. В результате ученые долгое время наслаждались уникальной безответственностью.

*(Д-р Дэниэль Пайпс, историк, Джерузалем
Пост, 20.9.2007)*

Ворон ворону глаз не выклюет

*(цитата по методу Эриксона,
т. е. без указания источника)*

Впервые я прочел «Ледокол» в 1990-м, в британском издании, и с выводами Виктора Суворова согласился. Однако профессиональный скептицизм («доверяй, но проверяй») потребовал изучить и другие мнения. Университетские знакомые рекомендовали работы нескольких западных авторитетов, и прежде всего — вышедший в Британии в 1975-м бестселлер профессора Джона Эриксона «Дорога на Сталинград».

Введение и первые главы этой книги, затрагивающие темы «Ледокола», оказались изложением традиционной версии факторов Второй мировой. Я эту версию не считал тогда окончательно ложной и был готов изучить доказательства в ее пользу. Увы, доказательств в книге Эриксона я не нашел. В отличие от «Ледоко-

¹ Миша Шаули — полковник полиции Израиля (в отставке) и переводчик на иврит книг Виктора Суворова. Статья впервые опубликована в журнале «Заметки по еврейской истории», № 8, 2010, <http://www.berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer8/Shauli1.php>

ла» Суворова, страницы «Дороги на Сталинград» практически не направляют читателя к источникам¹. Но не потому, что их в книге нет. Напротив: за 482 страницами текста (*Предисловие, Введение* и 10 глав) следуют 92 страницы *Источников и Справок*. Ссылки поданы по главам, но не в порядке появления в тексте главы, а рассортированы по происхождению на группы и подгруппы. Некоторые — с названиями (например: «Документы: Германо-Советские отношения», «Германские Военные Документы», «Советская Военная Доктрина», «Советская официальная/партийная история»), другие — без оных. Внутри групп и подгрупп — источники с номерами страниц в алфавитном порядке и иногда добавлены комментарии Эриксона по приводимому источнику. Общего списка литературы нет².

Эриксон заявил по этому поводу (стр. 475):

«Я отказался от метода индивидуальных сносок и вместо них предпочел собрать широкий диапазон материала, относящегося к каждой главе, пытаясь определить местонахождение документов, отчетов и других оригинальных материалов. Виделось уместным идентифицировать не просто источник определенной информации, но также и широкий диапазон материалов, из которых главы были фактически сформированы».

Поскольку источники Эриксона не привязаны к его тексту, читателю остается либо верить автору на слово, либо пытаться сравнить текст книги с огромным списком «литературы по теме» — что практически невозможно сделать.

¹ Всего в книге — 20 подстраничных комментариев автора, из них 10 со ссылками на источники.

² Библиография обоих томов появилась лишь во втором томе («Дорога на Берлин») через 8 лет, в 1983 г.

Отсутствие сносок показалось мне тогда неряшливостью и/или пренебрежением к простолюдинам. Но не мне учить профессоров, как писать бестселлеры. За неимением возможности сверить версию Эриксона с приведенными им же источниками я вернул бесполезную «Дорогу на Сталинград» в библиотеку. Замечу, что коллегам Эриксона отсутствие сносок не помешало, но об этом — ниже.

Через 8 лет после «Дороги на Сталинград» Эриксон опубликовал ее продолжение, «Дорогу на Берлин». Предысторию нацистско-советской войны он больше в своих книгах не затрагивал и, насколько я знал, отношения к тезисам Суворова не высказывал. Поэтому я счел его высокомерным молчальником, из тех, кто подверг Суворова академическому бойкоту.

Но несколько лет назад я увидел на магазинной полке новое (2003 г.) издание «Дороги на Сталинград», где к предисловию было добавлено следующее:

«Ровно тридцать лет прошло с тех пор, как эта книга была задумана в Москве, и работа над нею началась немедленно.

С той поры возросший доступ к российским архивам и печатным материалам <...> ощутимо не изменил сути изложения, а лишь увеличил потрясение, углубил загадку «неожиданного нападения» 1941-го и поведения Сталина, четче выявил детали грядущей трагедии и подтвердил размер беспримерных человеческих потерь.

*Джон Эриксон
Университет Эдинбурга
Апрель 1993».*

Странно, подумал я, что все, опубликованное с конца 1980-х до начала 1993-го — важнейшие, хоть и немногие, архивные документы и работы исследователей, включая Суворова — *«ощутимо не изменило сути*

изложения». Я заставил себя читать дальше, и усилия оправдались: на 9-й странице обнаружилось второе (и последнее) отличие от прежнего издания. Это была новая сноска, ведущая к ссылке в низу той же страницы:

**Детальный анализ советской оперативно-стратегической игры на картах смотрите у Полковника П. Н. Бобылева «Репетиция катастрофы» в ВИЖ, 1993, № 6, стр. 10–16, 7, стр. 14–21 и 8, стр. 28–35; архивные документы [в/у] игр, РГВА, фонд 37977, East View Publications, Миннеаполис, США: 35 документов, планирование, участники, основные направления «Западной» и «Восточной» сторон, Первая и Вторая Военные Игры, аналитические документы. О планах войны 1941 г. — П. Н. Бобылев «К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.?, Отечественная история, 1995, № 5, стр. 3–20.*

Ссылка эта касается оперативно-стратегических игр на картах, проведенных в Москве в январе 1941 г. Эриксон пишет о них непосредственно перед сноской (стр. 8–9):

«...Общая цель военной игры предполагала, что «Восточные» силы Павлова оказывают ожесточенное сопротивление в укрепленных районах и таким образом приостанавливают атаку «Западных» севернее болот Припяти, тем самым создавая условия, необходимые для перехода «Восточных» сил в «решающее наступление». «Советский Гудериан» (Павлов. — М. Ш.) решительно взялся за дело, но, к его ужасу, «Западные» силы Жукова произвели три мощные концентрические атаки, уничтожили гродненское и белостокское сосредоточения «Восточных» армий и прорвались к Лиде».

Отмечу, что Эриксон описывает здесь не второстепенный эпизод, а очень важное свидетельство об определенной стадии подготовки РККА к войне с Германией. В статье, напечатанной в 2001-м (подробнее об этом — ниже), Эриксон сам назвал те игры «критически важным звеном в эволюции советского плани-

рования войны». Посему представлю вкратце «действующих лиц» и историю публикации материалов игр¹, заслуживших в этом издании «Дороги на Сталинград» единственную новую сноску.

В конце декабря 1940 г. в Москве состоялось совещание высшего командного и политического состава Красной Армии. На нем присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники Центральных управлений, командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий — всего более 270 человек.

Двухсторонние оперативно-стратегические игры на картах были проведены сразу же после окончания декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА и были его логическим продолжением и завершением. Первая игра состоялась 2—6 января, вторая — 8—11 января 1941 года. Предусмотренные планами игр должности за каждую из «противоборствующих» сторон исполняли участники совещания. Руководил играми нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. К руководству играми привлекались также заместители наркома обороны, начальник Генерального штаба, заместители начальника Генерального штаба и другие лица из центрального аппарата НКО и Генштаба. В течение двух недель около 70 наивысших командиров прервали обычную деятельность и в условиях строжайшей секретности репетировали будущую войну.

Еще до рассекречивания в 1990-м материалов совещания и игр о них рассказывали маршал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях», маршал Захаров (1969, издано в 1989-м), Анфилов (со слов Жукова) и другие. В 1993 году полковник Бобылев (кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотруд-

¹ <http://militera.lib.ru/docs/da/sov-new-1940/index.html>

ник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации) был в числе издателей официального стенографического отчета о декабрьском совещании и справки об играх. Он также опубликовал две, упомянутые Эриксоном, большие статьи. Следующие выводы Бобылева об играх никогда никто не оспаривал:

— ни в первой, ни во второй игре оборона СССР не разрывалась, РККА наступала лишь на территории противника, который потом безуспешно контратаковал;

— рассказ Жукова, как он бил Павлова на советской земле, — выдумка.

Итак, новая ссылка позволила сверить слова Эриксона с его же источниками — и вот что написано в статье Бобылева «Репетиция катастрофы»:

«...В. А. Анфилов утверждает¹, что по замыслу игры «восточные» должны были «упорной обороной в укрепленных районах отразить наступление «западных» севернее Припяти и создать условия для перехода в решительное наступление. Однако, вопреки замыслу, «западные», нанеся три мощных удара по сходящимся направлениям, прорвали укрепленные районы, «разгромили» гродненскую и белостокскую группировки «восточных» и вышли в район Лиды». Такая точка зрения приводится и в книге о Г. К. Жукове из серии «Жизнь замечательных людей». Как видно даже из краткого описания первой игры, цитируемые утверждения по всем позициям не соответствуют истине» (жирный шрифт мой. — М. Ш.).

Я должен признаться, что несоответствие версии Эриксона статьям Бобылева стало мне ясным, как только я увидел эту ссылку, т. к. работы Бобылева и материалы игр я знал хорошо. Но лишь прочитав вновь статью Бобылева, я обнаружил, что Эриксон перевел на английский язык отрывок из книги Анфи-

¹ Бобылев, увы, не дает ссылки, но по тексту я нашел в Сети, что это описание находится, почти без изменений, в нескольких книгах Анфилова — см. <http://gpw.tellur.ru/page.html?r=eve&s=nikif>, сноски 27, 28

лова, не сообщая, кто его автор. Плагиатом это не назову, так как не знаю, были ли у покойного Анфилова претензии к покойному Эриксону по поводу этого «заимствования».

Непростительно иное: принимая версию Анфилова об играх, Эриксон отсылает читателя «за дополнительным анализом» к статье Бобылева, где доказано, что версия Анфилова *«по всем позициям не соответствует истине»*.

При всей профессиональной подозрительности называть Эриксона лжецом мне не позволило противоречие в датах: добавление к предисловию было написано им в апреле 1993-го, а ссылка появилась позже, т. к. говорила о публикациях 1995-го. Но маловероятно, что ссылку добавил не Эриксон, а кто-то другой и без его ведома¹. Поэтому, если Эриксон ввел читателя в заблуждение из-за незнания источников, то это печально, но простительно. Но если он сознательно оставил в своей книге версию Жукова (и Анфилова), зная, что она лжива...

Выяснить, знал ли Эриксон, что Жуков лгал, помогла его статья «Барбаросса Июнь 1941: Кто на кого напал?» (британский журнал History Today, July, 2001), подзаголовок — «Джон Эриксон комментирует недавнюю полемику о вторжении Гитлера в Советский Союз»².

В большой статье сноска нет (популярный журнал не требует научно-справочного аппарата, обязательного для академической работы), и лишь в конце Эриксон предлагает для «дальнейшего чтения» несколько книг противников Суворова: Гланца, Городецкого, Овери и других.

¹ Издательство The Orion Publishing Group Ltd. ответило на мое письмо, что это было бы серьезным нарушением политики компании. Увы, документы старше 7 лет издательством не хранятся, а Эриксон умер в 2002 г.

² В Сети: <http://forum.axishistory.com/viewtopic.php?t=1704&sid=69c4>

Статья начинается заявлением, что за последние десять с небольшим лет *«понимание советско-германской войны, прежде известной как Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945, драматически изменилось и в России, и на Западе»*. После этого осуждаются: многолетнее засилие германской документации и интерпретации событий, «героический миф» советской пропаганды, де-сталинизация, ре-сталинизация и т. п. Затем описывается замечательное десятилетие, 1991–2001, в котором германские и советские намерения были наконец выявлены благодаря новому доступу к архивам.

Но вдруг, продолжает Эриксон, *«относительно мирное обсуждение»*, как называли его российские историки... было грубо нарушено в 1992-м появлением в России литературной бомбы, *«Ледохода» Виктора Суворова...* Далее Эриксон пишет о военной и литературной карьере Суворова и об отпоре, полученном им от Городецкого в 1985 г.

Прежде чем разбирать честность и объективность статьи, отмечу, что журнал решил, вероятно, не редактировать работу корифея. В результате есть в ней ошибки, не служащие какой-либо цели, а просто свидетельствующие об уровне знания Эриксоном предмета или о его небрежности:

- «Ледокол» Суворова назван *«Ледоходом»*;
- судя по статье, полный аутентичный текст доклада Сталина от 05.5.1941-го опубликован, но в действительности такового нет;
- судя по статье, *«Соображения»* от 15.5.1941-го *«подписаны Тимошенко и Жуковым»*, но в действительности подписей там вообще нет;
- по статье, в январе 1941-го играли *«Красные против Синих»*, тогда как в действительности играли *«Восточные против Западных»*.

Меня насторожило замечание Эриксона, что Суворов мастерски создает *«впечатление (но не суть) использования настоящих архивов»*. Я проверил как в

русскоязычном «Ледоколе», так и в англоязычном «Icebreaker»¹ — и оказалось, что Суворов писал там нечто диаметрально противоположное:

«Мне посчастливилось работать, недолго, в архивах советского Министерства обороны, но вполне сознательно я очень мало использую архивные материалы. Мой главный источник — открытые советские публикации. Даже их вполне хватает, чтобы посадить советских коммунистов на скамью подсудимых с нацистами... Ценность моих источников в том, что преступники сами рассказывают о своих преступлениях».

Эриксон либо не читал Суворова, либо читал и искал его слова с целью навредить репутации оппонента.

Ясно, что читатель вряд ли найдет в такой статье объективный обзор публикаций о начале нацистско-советской войны. Зато голословные отрицательные замечания о Суворове вкраплены и в продолжение статьи. Заканчивает ее Эриксон тем, что идеи Суворова есть «фантазии, фикции и выдумки».

Но мне статья интересна тем, как в ней описаны игры на картах января 1941 г.:

«...Критически важным звеном в развитии советского военного планирования и операционной подготовки стали стратегические военные игры в двух частях, «Красные против Синих»², проведенные в первую неделю января 1941-го. У нас есть теперь детальная запись этих военных игр, планировавшихся еще в октябре 1941-го и предназначенных для того, чтобы проверить пересмотренные планы войны. Генералы Павлов и Жуков играли поочередно за нападающего и защищающегося. Первая игра на северном театре продемонстрировала, что физические особенности местности и укрепления в

¹ Icebreaker, Hamish Hamilton, 1990, p. XVII.

² Ошибка Эриксона: названия сторон «Красные и Синие» лишь планировались (и так они назывались Жуковым в мемуарах), но потом в играх были заменены на «Восточные и Западные».

Восточной Пруссии превратят любое советское «контрнаступление» там в затяжное дело. На юго-западном театре Жуков произвел блестяще успешное «контрнаступление», которое виделось подтверждающим аргумент, что этот театр должен получить преимущество в подкреплениях...»

Здесь Эриксон все описал верно: южное направление получило преимущество не потому, что там ожидалось вторжение противника на территорию СССР, а потому, что там Красной Армии удобнее вторгаться на территорию противника. И кавычки, в которые Эриксон поместил слово «контрнаступления», оправданы: это были НАСТУПЛЕНИЯ Красной Армии, т. к. обе игры начались именно с ее победоносного продвижения от советской границы в глубь территории противника. Наступления же «Западных» вообще не разыгрывались, лишь упоминались в качестве предшествующих играм. Поэтому, как именно «Восточные» отбили атаки «Западных» — в материалах игр не указывается, т. к. это произошло еще ДО НАЧАЛА игр. Правдивый параграф статьи 2001 г. в точности соответствует Справке об играх и статьям Бобылева (и тезису Суворова о наступательных намерениях Советов), но диаметрально противоположен цитированным выше словам Эриксона из Введения к «Дороге на Сталинград».

Теперь я могу уверенно сказать, что еще до публикации нового издания «Дороги на Сталинград» в 2003-м Эриксон знал правду. Но в своем бестселлере он оставил без изменения ложь Жукова о *«критически важном звене в развитии советского военного планирования и операционной подготовки»*.

Неспециалисту по нацистско-советской войне читать источники недосуг, и обнаружить эту ложь не удастся. А в качестве простого рассказа, без сомнений и полемики, книга Эриксона кажется «обстоятельной, интересной, информативной»¹.

¹ Письмо профессора математики Геннадия Любезника ко мне.

Даже коллегам Эриксона позволительно не знать, что Жуков врал. Но, может, они хотя бы обратили внимание на ущербный научно-справочный аппарат «Дороги на Сталинград»? Увы, из всех найденных мною рецензий лишь одна, опубликованная профессором истории Маудсли в профессиональном журнале (недоступном в Сети)¹, отмечает отсутствие сносок. Но — как всего лишь недостаток «технического рода», наряду с отсутствием карт и неточностями индекса. Всё остальное в этой и в других рецензиях — славословия. А ведь любой из профессоров истории, славящих Эриксона, поставил бы «неуд» курсовой работе своего студента, подавшего источники в манере Эриксона...

Удивляться, увы, нечему. О типичном ученом-профессионале, гуманитарии, писал в автобиографии Ричард Пайпс, профессор истории из Гарварда².

«...Его главный критерий успеха — признание коллег. Вследствие этого он должен их ублажать, что приводит к конформизму и «групповому мышлению». От ученых ожидается, чтобы они благосклонно цитировали друг друга, посещали конференции, редактировали коллективные сборники и вносили в них лепту собственными статьями. Профессиональные общества предназначены продвигать эти цели. Не играющие по правилам или существенно отклоняющиеся от общего мнения — рискуют быть подвержены остракизму. Классический пример такого остракизма — отношение к одному из выдающихся экономистов и общественных теоретиков прошлого века, Фридриху фон Гаеку (Hayek), чье бескомпромиссное осуждение экономического планирования и социализма привело к его изгнанию из профессионального сообщества. Он жил достаточно долго, чтобы видеть, как его взгляды побеждают и его репутация реабилитируется Нобелевской премией, но не все так удачно»

¹ Prof. Evan Mawdsley, Soviet Studies, Vol. 28, No. 3 (Jul., 1976), p. 449—450.

² Цитирую по <http://www.danielpipes.org/blog/2007/09/group-think-in-the-academy/> — МИИ

вы, как он. Подобное поведение, наблюдаемое и в группах животных, усиливает сплоченность группы и чувство безопасности её членов, как индивидуумов, но подавляет способность творчества.

Меня особенно разочаровало во многих ученых то, что они относились к званию профессора¹ не как к священной ответственности, а как к синекуре, вроде среднего протестантского священника XVIII—XIX веков в Англии, который даже не притворялся верующим. Типичный исследователь, завершив и опубликовав докторскую диссертацию², обосновывается в качестве авторитета по предмету этой диссертации и до конца жизни будет публиковаться и преподавать в той же — или близкой ей — области. Профессиональное сообщество приветствует подобные «специализированные знания» и не любит тех, кто пытается смотреть шире на изучаемую область, поскольку тем самым он вторгается в сферу деятельности других членов сообщества. Немонографические, общие исторические работы отвергаются как «популярные» и якобы полные ошибок — и отвергаются вдвойне, если в них нет должного признания толп, обрабатывающих свои поля...

Мысли профессора Пайпса проливают свет не только на всепрощающее отношение коллег Эриксона к его творчеству, но и на их неприязнь к Суворову, который вообще не «член их клуба».

В этой связи интересна возможная причина отсутствия сносок в «Дороге на Сталинград» и «Дороге на Берлин». В серьезной исторической литературе ничего подобного не встретишь. Объяснить отсутствие сносок тем, что Эриксон «так привык», нельзя: его предыдущая книга, 800-страничная монография «Советское высшее командование, 1918—1941», вышедшая в Британии в 1962-м, содержит стандартный справочный аппарат с сотнями сносок.

¹ Звание профессора дается пожизненно и является практической гарантией от увольнения.

² Приравнивается к кандидатской в России.

Поэтому думаю, что крайне затрудняя поиски источников своего повествования, Эриксон предоставил коллегам легкую для них альтернативу: ссылаться на его книги. Так он стал одним из самых цитируемых историков в области нацистско-советской войны. А критиковать «одного из наших» за ущербный справочный аппарат коллеги сочли некорректным.

Я обсудил мою гипотезу с несколькими знакомыми историками-профессионалами, и они дружно пожалели, что сами не додумались до подобного пути к желанному статусу Самого Цитируемого Автора.

Отдельного внимания заслуживают отношения между Эриксоном и Суворовым¹. Их переписка и телефонные разговоры продолжались с середины 1980-х и завершились встречей в июле 1990 г. Эриксон, которому Суворов послал недавно вышедший в Лондоне «Ледокол», пригласил Суворова в Эдинбург. После дружественной беседы Эриксон написал на экземпляре «Дороги на Сталинград»: *«Виктору, с наилучшими пожеланиями и признательностью за возможность поделиться взглядами по такому важному вопросу — с таким, как Виктор, который знает. Джон Эриксон, Эдинбург, 1 июля 1990»*.

Однако Эриксон отказался тогда, без объяснений, написать рецензию на «Ледокол» — как положительную, так и отрицательную. Этот отказ можно понять, зная подоплеку его многолетних отношений с Кремлем — прилагаю перевод некролога, в котором нет, естественно, отрицательной оценки покойного профессора. Интересно узнать из некролога, например, чем Эриксон полубился советским генералам с первого же визита в Москву в 1963 г.: он гневно отнёс их подозрение в том, что верит в *«якобы имевшие место зверства русских войск в Берлине»*. С тех пор он был желанным гостем в Москве, принимал советских

¹ Суворов рассказал о них в нескольких интервью и мне лично. — М. Ш.

коллег в Британии, основал «Эдинбургские беседы» (продолжившиеся и в Москве) между шотландскими и советскими военными и гражданскими руководителями.

Поэтому я думаю, что в июле 1990-го, когда Суворов попросил его прорецензировать «Ледокол», Эриксон просто не знал, куда ветер дует в Москве. Гласность и перестройку там уже провозгласили, но несоветскую версию истории ВМВ еще не одобрили. Что же британскому профессору, с середины 1960-х сотрудничающему с Советами и ценимому ими, было писать о «Ледоколе», мнение Кремля о котором было тогда неизвестно? Ситуация напоминала песню Галича, где несчастный директор советского магазина мучится сомнениями, принять ли на комиссию пластинки с речами Сталина: «То ли гений он, то ли нет еще?»

А в 2001-м в Кремле все вернулось на свои места: Сталина объявили эффективным менеджером, Жукова — спасителем Родины. И успокоившийся Эриксон смог наконец, после многолетнего молчания, написать в статье, что работы Суворова есть *«фантазии, фикции и выдумки»*.

Приложение

Профессор Джон Эриксон [некролог]¹

Опубликован 12.02.2002 [в Дэйли Телеграф²]

ПРОФЕССОР ДЖОН ЭРИКСОН, умерший в возрасте 72 лет, был самым выдающимся исследователем развития Красной Армии и ее роли во Второй миро-

¹ <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1384537/Professor-John-Erickson.html>

² Примечание переводчика: Дэйли Телеграф — самая большая «серьезная» газета в Британии, поддерживает консерваторов. В январе 2009 г. ее дневной тираж был 843 тысячи (Таймс — 617, Гардиан — 359).

вой войне; во время холодной войны он был одним из очень немногих ученых, пользовавшихся доверием обеих сторон, и иногда был жизненно важным каналом контактов между американцами и Советами.

Благодаря владению русским языком и исключительным личным контактам Эриксон добывал бесценные сведения задолго до того, как ГЛАСНОСТЬ начала раскрывать советские дела (архивы) безопасности. Его двухтомному выдающемуся произведению о Войне Сталина с Германией — («Дорога на Сталинград») (1975) и («Дорога на Берлин») (1983) — аплодировали не только в Британии и в Америке, но и советские генералы (некоторые попросили Эриксона подписать их экземпляры). Это была, возможно, единственная историческая работа о Советском Союзе, признанная классической и на Западе, и на Востоке.

Эриксон подтвердил свою компетентность первой книгой, «Высшее Советское Командование 1918—1941» (1962), переведенной на русский, но он не посещал Советский Союз до тех пор, пока не поехал туда в 1963 г. в качестве помощника и переводчика американского писателя Корнелиуса Райана для работы над книгой Райана «Последняя Битва». Знание Эриксоном русского языка и советской военной истории означало, что он лучше Райана понимал, какие вопросы следует задавать, и было очевидным, что он определял направление бесед.

Чувствуя, что Эриксон знает дело, высокие чины Красной Армии — включая Конева и Жукова — принимали его хорошо: «Начав беседу, их трудно было остановить», — вспоминал Эриксон. «Интервью продолжались не просто часы, а дни».

Один из самых драматичных моментов касался якобы имевших место зверств русских войск в Берлине. Русские отказывались верить, что у двух иностранцев нет предубеждения против них, и не хотели передавать им официальные данные, пока Эриксон не запротестовал.

«Я побелел от злости и сказал им, что моя жена (из Югославии) была освобождена русскими и что я — историк, и не думающий быть предубежденным подобным образом. Русские проверили данные о моей жене и вернулись со всей информацией».

С тех пор Эриксон пользовался обществом русских, которые со своей стороны доверяли ему. Вскоре он начал ездить в Москву, собирая материал для собственной книги **«Дорога на Сталинград»**. Во время одного из таких визитов в 1965-м, один из его советских контактов предложил «более широкую аудиторию» для его работ; Эриксон не сомневался, что работа, на которую намекали, имела отношение к разведке, и вежливо отклонил предложение. К нему больше никогда не возвращались.

Из-за большой плотности материала **«Дорога на Сталинград»** не была легким чтением. Но живые детали и всесторонность охвата принесли ей всеобщее признание. Дж. П. Тэйлор описал ее как «самую выдающуюся книгу о советской войне на любом языке». Второй том **«Дороги на Берлин»** рассказывал шаг за шагом о германском отступлении и вновь отразил знакомство Эриксона с источниками на обоих языках. Норман Стон описал эту книгу «приблизившейся настолько, насколько можно представить, к исчерпывающему исследованию по советской стратегии и военной истории».

Джон Эриксон родился 17.4.1929-го в Саут Шилдс, Дургам, в семье кораблестроителя, который был прекрасным пианистом. В средней школе Саут Шилдс Эриксон заслужил открытую стипендию в (колледж) Сэйнт Джон в Оксфорде для изучения истории. Он поступил туда после службы в военной разведке.

После окончания университета Эриксон был исследователем в колледже Сэйнт Энтони с 1956 по 1958 год. Там он встретился с будущей женой Любичей Петрович, югославкой, изучающей английский язык, чтобы преподавать его по возвращении в Са-

раево. Полюбив друг друга, они посчитали благоразумным попросить разрешения пожениться у югославского культурного атташе в 1957-м.

Эриксон работал в университетах Сэнт Эндрюс, в Манчестере и в Индиане, а затем стал доцентом по высшим оборонным исследованиям в Эдинбурге в 1967-м. В 1969—1988 гг. он был профессором политики (оборонные исследования), а затем главой Центра Оборонных Исследований.

В 1970-е отдел Эриксона взял на себя исследование по оценке советской военной мощи и советских военных округов, выдав множество капитальных монографий и статей.

В 1980-х Эриксон возглавлял то, что позже назвали «Эдинбургские беседы». Сперва это были неформальные обмены мнениями между видными шотландцами и их советскими коллегами, но они стали комплексными обсуждениями контроля над вооружением и относящихся к нему тем безопасности и охраны окружающей среды. В первой советской делегации были редактор «Правды» и два армейских генерала.

Обсуждения пережили несколько кризисов, в том числе в связи со сбитым Советами южнокорейским авиалайнером и с напряжением, вызванным советскими операциями в Афганистане. Эриксона пригласили в Секретариат Центрального Комитета, где он объяснил, что преобладать будут «академические правила». Русские это приняли и не противодействовали. Беседы дали каждой из сторон в холодной войне как минимум ценное понимание того, о чем думает другая сторона.

Познания Эриксона в военных делах простирались и в такие неакадемические сферы, как стрелковое оружие (с его отделом была связана группа специалистов по стрелковому оружию, проектировавшая оружие по контракту с иностранными правительствами). Он щедро делился информацией с другими историками и,

несмотря на свою научную страстность, был всегда скромн.

Среди прочих публикаций Эриксона было исследование **«Советская Военная Мощь»** (1971), где он доказывал, что Запад преувеличивает морскую мощь России. Он редактировал сборники **«Военная Техническая Революция»** (1966), **«Вооруженные Силы и Общество»** (1970) и **«Барбаросса, Ось и Союзники»** (1994). Его последняя книга, написанная вместе с женой, называлась **«Восточный фронт в фотографиях 1941–1945»** (2001).

Он стал членом Королевского Общества Эдинбурга в 1982-м и членом Британской Академии в 1985-м.

Джон Эриксон оставил жену, сына и дочь.

Александр Пронин¹

ПУТИ И СУДЬБЫ «ВТОРОЙ» ЭМИГРАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (К 65-летию ЯЛТИНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ)

Вторая мировая война сдвинула с мест целые пласты народов. Началось кочевание с места на место, иногда невольное, иногда и вольное. Конец войны, остановив это передвижение, задержал миллионы двигавшихся масс в чужих для них краях, за рубежами их родины.

Слово «вторая» (эмиграция) в заголовке не случайно заключено в кавычки. С одной стороны, это дань укрепляющемуся среди эмигрантоведов мнению о необходимости отказаться от традиционной нумерации волн, привязанной к Октябрьской революции 1917 г., словно бы и не было тысячелетней истории России. История с 1917 по 1991 год была для советских историков (что, впрочем, верно с правовой точки зрения) историей другого государства — государства под названием СССР на территории России.

С другой стороны, эмиграция советских 1945 г., хотя и была вторым великим переселением после Октября, но отнюдь не вторым в российской истории.

¹ Пронин Александр Алексеевич — доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры правового и документационного обеспечения управления Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

В исторической ретроспективе ее порядковый номер больше, несмотря на то что до 1917 г. потоки эмигрантов были не столь масштабны, а собственно русская эмиграция ведет свой отсчет лишь с конца XIX в. Одновременно она была и первой эмиграцией. Первой советской. К какой бы этнии ни принадлежали находившиеся в составе эмиграции 1920-х гг., все они выехали как русские подданные. В отличие от них, бежавшие от советской власти или угнанные в годы Второй мировой войны на работы в Рейх были уже советскими гражданами. На эту разницу обращает внимание кн. З. А. Шаховская¹.

В 1980 г. в 139-й книге издаваемого в Нью-Йорке эмигрантского «Нового журнала» появилась рецензия Е. Андреевой, преподавателя Кембриджского университета, на книгу: Nicolaï Tolstoy. Victims of Yalta. Revised and updated edition published by Corgi Books. London, 1979. 640 p. (1-st edition published by Hodder and Stoughton. London, 1977)².

Автор рецензии глубоко сожалела, что книга графа Н. Д. Толстого-Милославского, потомка русских эмигрантов, «Жертвы Ялты» остается непереуевенной на русский язык. Сделать это удалось лишь восемь лет спустя. На русском труд Н. Д. Толстого вышел в 1988 г. в серии «Исследования новейшей русской истории», основанной А. И. Солженицыным, в издательстве YMCA-Press, Париж. Заново отредактированный перевод, осуществленный издательством «Русский путь» (российский филиал YMCA-Press), издан в Москве в 1996 г. под эгидой Русского общественного фонда Александра Солженицына тиражом 5000 экземпляров.

Толстой-Милославский сообщает следующие сведения о составе второй послеоктябрьской волны. Пре-

¹ См.: Шаховская З. О «либералах» // Слово. 1991. № 4. С. 23–24.

² Андреева Е. Жертвы Ялты // Новый журнал. Кн. 139. Нью-Йорк. 1980. С. 274–279.

где всего — вывезенные на принудительные работы в Германию жители оккупированных земель. На добровольных началах набор в трудовые батальоны осуществлялся лишь до конца 1941 г. Громадная нужда в рабочей силе заставила Геринга выдвинуть план принудительного рекрутирования. Всего, по данным Н. Д. Толстого, на принудительные работы было вывезено около 2,8 млн советских граждан¹.

Следующую по численности категорию составляют военнопленные, захваченные германскими войсками за годы войны с СССР. Из их числа к маю 1945 г. остались в живых 1,15 млн человек. Третья категория, резко отличная от двух первых, — это собственно беженцы. Многие из тех, кто раньше имел нелады с властями или боялся вновь оказаться в руках НКВД, воспользовались немецкой оккупацией для бегства из СССР. С началом советских побед у некоторых групп населения просто не осталось другого выхода, например, у «фольксдойче» — этнических немцев, а также кубанских казаков и кавказских народностей, дольше всех продолжавших сопротивление большевизму в годы становления советской власти. Число таких беженцев Толстой оценивает цифрой около миллиона.

Кроме названных трех категорий, многочисленную группу составили те, кто решил сражаться против Красной Армии или помогать немцам в борьбе с нею. Помочь оккупантам своей родины вызвались от 800 тысяч до миллиона человек. Советский Союз стал единственной европейской страной, почти миллион граждан которой записались во вражескую армию.

Каждую из приведенных цифр Толстой-Милославский сопровождает ссылкой на несколько изданных за рубежом сочинений. Данный автором «Жертв Ялты» перечень категорий оставивших СССР лиц шире того, что содержится в статье С. И. Бру-

¹ См.: Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 35–38.

ка «Миграции населения. Российское зарубежье»¹. В последний не вошли образовавшие Русскую освободительную армию солдаты из числа русских, украинцев, прибалтийцев, кавказцев, татар. А ведь все они также были мигрантами, оказавшимися на территории Рейха.

Заметные расхождения между двумя авторами есть и по численности лиц, отнесенных Н. Д. Толстым к первым двум категориям, притом что общая сумма и там и там примерно одинакова: в сравнении с Толстым приводимая Бруком цифра численности советских военнопленных на 946 тысяч человек меньше, а число вывезенных на принудительные работы на 1,2 млн человек больше. Трудно комментировать этот «люфт», не зная тех оснований, что были заложены авторами в технологии своих подсчетов. Например, если Брук четко определяет, что означает для него понятие «территория СССР» в интересующий нас период (в 1939–1941 гг. к СССР с нарушением норм международного и конституционного права был присоединен ряд территорий), то Толстой таких детерминант не дает. Кроме того, статистически трудно отделить одну категорию оставших СССР лиц от другой: часто принадлежность лица к той или иной группе менялась. Наконец, умалчивание С. И. Бруком о бойцах РОА можно объяснить и идеологическими соображениями: тема эта по-прежнему крайне непопулярна среди российских историков.

Мигранты всех этих четырех категорий были объявлены советским правительством «изменниками», заслуживающими «сурового наказания». По его настоянию им 11 февраля 1945 г. в Ялте (отсюда и название книги Толстого) в ходе Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — были заключены идентичные, хотя и сепаратные соглашения с правительствами Соеди-

¹ Брук С. И. Миграции населения. Российское зарубежье // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 61.

ного королевства и Соединенных Штатов Америки о выдаче представителям Советского Союза всех советских граждан, как военнопленных, так и гражданских лиц, освобожденных англо-американскими армиями¹. Формулировки соглашений не давали возможности для свободного передвижения «освобожденных» лиц до их окончательной выдачи соответствующим властям. Определяющим критерием выдачи (или, как говорилось в соглашениях, «репатриации») служило советское гражданство. Условия соглашений были сформулированы столь однозначно, что слово «освобожденный» в применении к советским, взятым в плен союзными войсками, совершенно теряло всякий смысл. В соответствии с духом и буквой названных договоров о добровольности как необходимом (с точки зрения гуманности и прав человека) условии репатриации не могло быть и речи. Советских граждан насильно грузили в поезда для отправки в советскую зону оккупации, а оттуда перевозили в СССР, и те, кого не расстреляли сразу по прибытии, пополнили население ГУЛАГа. Последние выдачи были закончены в середине 1947 г. Возвращена была подавляющая часть, значительно меньшей удалось остаться. Н. С. Фрейнкман-Хрусталева и А. И. Новиков оценивают количественный состав «второй» эмиграции в

¹ Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Британским Командованием (текст Соглашения см.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. док. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февр. 1945 г.). М., 1979. С. 283—287); Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве (там же. С. 290—292); Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов Америки (там же. С. 296—300).

451561 человек, что составляло примерно 10% от числа советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за границей. Названные авторы указывают численность этих эмигрантов в странах мира по данным на 1 января 1952 г. и национальный состав второй послеоктябрьской волны. Приводимые цифры свидетельствуют, что русских в ней было лишь 7%, большинство составляли украинцы (32,1%), латыши (24,19%), литовцы (14,04%) и эстонцы (13,05%)¹.

По договоренности союзных правительств факт насилия при совершении репатриационных действий был засекречен. О действительной стороне событий не догадывалась мировая общественность, молчала советская печать. Завесу молчания приподнимала лишь эмигрантская пресса и еще некоторые зарубежные издания. В который раз публицистика опережала историков. Об этих публикациях будет сказано позже, а пока вернусь к книге Толстого.

Появление книги стало возможным вследствие того, что в 1967 г. британское правительство сократило до тридцати лет с момента событий срок хранения в тайне государственных документов. В результате Н. Д. Толстому удалось использовать документы по 1947 г. и описать британскую политику в отношении советских пленных, вследствие которой около миллиона с четвертью человек были репатриированы британцами в СССР.

Уже называвшаяся Е. Андреева отмечает, что, когда в 1974 г. появилась книга на ту же тему лорда Николаса Бетелла «Последняя тайна» (в результате преобразования бывшего спецхрана Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в общедоступный отдел литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки книга эта, опубликованная в № 4—7 за 1975—1976 гг. эмигрантского литературного, общественно-политического и религиозного журнала

¹ *Фрейникман-Хрусталева Н. С.; Новиков А. И.* Эмиграция и иммигранты. История и психология. СПб., 1995. С. 98—99.

«Континент», может быть прочитана российским читателем, благо, вышла она в 1992 г. в Москве и отдельным изданием¹), она не вызвала острого общественного возмущения. В то же время появление книги Толстого-Милославского породило запросы в парламенте, статьи в печати и поток читательских писем на страницах лондонской прессы. Был даже возбужден вопрос о необходимости расследования всех обстоятельств этой «репатриации», что было официально отклонено тогдашним министром иностранных дел доктором Оуэном.

Сам Толстой объясняет такую разницу реакции на эти две книги — «Последняя тайна» и «Жертвы Ялты» — тем, что его критика политики британского и американского правительств много резче, чем у предшественника. Бетелл не имел еще доступа ко всем материалам, его исследование публицистично и не содержит сведений об источниках, откуда была им почерпнута информация. Исследование же Толстого сопровождается крайне содержательным научным аппаратом и содержит большое количество личных свидетельств, собранных автором. Разнится даже тональность книг Толстого и Бетелла. Толстой гораздо более критичен, особенно в отношении британских властей. Автор «Жертв Ялты» поднимает вопрос о законности проводившейся британским МИДом политики. Он показывает, что МИД решил вопрос в духе «выгодности», а вопрос законности оказался второстепенным.

К исследованию Толстого добавлено «Приложение», в котором собранные им данные рассматриваются профессором права Дж. Дрейпером. Его вывод — британское правительство никогда не обдумывало всерьез легальности своих поступков².

¹ Бетелл Н. Последняя тайна (О репатриации сов. военнопленных в годы Второй мировой войны: пер. с англ./Николас Бетелл; предисл. Х. Тревор-Ропера; послесл. В. Некрасова). М.: Новости, 1992. 253 [2] с.

² См.: Дрейпер Дж. Некоторые юридические аспекты насильственной репатриации советских граждан // Толстой Н. Д. Указ. соч. С. 503–515.

Н. Д. Толстой хотел бы полного публичного расследования всех обстоятельств этого дела, которое он считает военным преступлением, однако по сегодняшний день все его попытки добиться этого встречают упорное сопротивление английских властей. На сегодняшний день получил юридическую оценку лишь один из аспектов проблемы. Учитывая выводы Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, Указом Президента РФ от 24 января 1995 г. № 63 действия партийного и государственного руководства бывшего СССР и меры принуждения со стороны государственных органов, предпринятые в отношении российских граждан — бывших советских военнослужащих, попавших в плен и окружение в боях при защите Отечества, и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период, признаны противоречащими основным правам человека и гражданина и политическими репрессиями. Указом признано, что названные категории лиц осуждались за государственные, воинские и иные преступления, направлялись в «штурмовые батальоны», в ссылку, высылку и на спецпоселение, подвергались проверке в сборно-пересыльных, специальных и проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах, в специальных запасных частях, «рабочих батальонах» Народного комиссариата обороны СССР и Народного комиссариата внутренних дел СССР, привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались иным лишениям или ограничениям прав и свобод необоснованно и исключительно по политическим мотивам. Эти лица восстановлены в правах¹.

¹ О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период: указ Президента РФ от 24.01.1995 № 63 // Собр. законодательства РФ. 1995. № 5. Ст. 394.

«Жертвы двух диктатур» — таково название монографии Павла Поляна, изданной в 1996 г. и посвященной остарбайтерам (восточным гражданским рабочим) и военнопленным в Третьем рейхе и их репатриации¹. «Жертвы одной диктатуры» — такая корректива названия книги предложена в рецензии Манука Жажояна², напомнившего об удручающем сходстве политических режимов гитлеровской Германии и сталинского СССР. Такие труды, как исследование П. Поляна, принято называть фундаментальными. Автор показывает исторические предпосылки принудительного использования труда гражданских лиц в Германии, характеризует участь советских военнопленных в немецком плену, описывает обстоятельства принудительной «вербовки» и депортации в Германию, обстоятельства жизни и трудоустройства этих людей в Германии (их правовой статус, условия труда и быта, питание, медицинское обслуживание, досуг), обозначает создание в СССР органов репатриации и соответствующей организационно-лагерной инфраструктуры, юридическую основу репатриации (договоры в Ялте и т. д.), показывает ход репатриации из европейских государств и США, обстоятельства приема репатриантов на родине, судьбу оставшихся на Западе «невозвращенцев». В последней главе книги автор затрагивает вопрос о гуманитарном урегулировании Германией проблемы компенсации за подневольный труд бывших остарбайтеров и военнопленных. Книга снабжена статистическими таблицами, сопоставлениями, картами, документами и приложениями.

Спустя десять лет после выхода указанной монографии П. Поляном опубликовано еще две интересные книги: воспоминания и документы под заголовком «Обреченные погибнуть. Судьба советских

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.

² Жажоян М. Жертвы одной диктатуры // Рус. мысль. 1997. 8–14 мая.

военнопленных-евреев во Второй мировой войне»¹ и воспоминания советских военнопленных и остовцев «Сквозь две войны, сквозь два архипелага»².

Уже говорилось, что до выхода книг Толстого и Бетелла завесу молчания вокруг перемещенных лиц приподнимала лишь эмигрантская пресса. К 50-летию парижского еженедельника «Русская мысль», выходящего с 19 апреля 1947 г., его редакцией по страницам старых номеров были подготовлены специальные юбилейные приложения. Таким образом, перепечатанные в приложениях материалы, по сути, вновь вводятся в оборот. Ознакомимся с ними.

Вот «мысли вслух» по «Больному вопросу» (заголовок статьи) Владимира Зеелера³. Его цель — привлечь наконец внимание общества к тем перемещенным лицам (Ди-Пи), которые не желают, потому как это было бы равносильно самоубийству, вернуться в СССР и остаются до сих пор в лагерях. «Ди-Пи — это хлебнувшие в своей прошлой жизни столько горя, столько страданий и человеческих унижений, что помочь им стать в разряд свободных людей, право же, долг и обязанность западной демократии. Где ее усилия в разрешении этого больного и поистине тяжкого вопроса?» — вопрошает В. Зеелер.

С В. Зеелером полемизирует Михаил Коряков, литератор, сурово осудивший «невозвращенство»⁴. Коряков прошел весь стаж советского воспитания, войну,

¹ Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: воспоминания и документы/сост. П. Полян, А. Шнеер. М.: Новое изд-во, 2006. 574 с.

² Сквозь две войны, сквозь два архипелага: воспоминания советских военнопленных и остовцев/сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2007. 348 с.

³ Зеелер В. Больной вопрос. Перепечатка из: Рус. мысль. 1948. 9 июня // Там же. 1997. 15–21 мая. Спец. юбил. приложение. № 2.

⁴ Коряков М. Наши русские поляны. Перепечатка из: Рус. мысль. 1948. 13 авг. // Там же; Зеелер В. О «невозвращенстве». Перепечатка из: Рус. мысль. 1948. 20 авг. // Там же.

взяли его редактором «Вестей с родины» в парижское полпредство, откуда удалось ему при вызове в Москву бежать, так как в Москве ждала его высшая мера наказания. Зеелер принадлежит к старшему поколению и эмигрировал раньше.

Их спор — о причинах «невозвращенства». По мнению М. Корякова, «невозвращенство» — не только результат того, что в России царит режим большевизма, настолько страшный, что сотни тысяч советских («подсоветских») людей предпочли остаться на чужбине. Но кроме этого, и главным образом, «невозвращенство» есть «уродливое явление, в котором отразилась искалеченная — тем же большевизмом — русская душа». Советская власть стремилась к созданию «нового человека», своего рода «апатрида», «интернационалиста». Нигилистическое воспитание, порвавшее с каким бы то ни было понятием об исторической традиции, заставившее забыть такие слова, как «Родина», «Россия». Затем — обнищание народа при советском режиме. Все это разрушало в молодежи чувство родной земли, родного дома, и в условиях дехристианизации, выветривания религиозного чувства не было ничего, что могло бы затормозить этот процесс разрушения. Еще один момент — психологического порядка. Большевики замкнули границы. Но жизнь заперти неизбежно вызывает тягу на волю, более того, тягу к скитательству. По мнению М. Корякова, люди сталинской эпохи только и ждали удобного момента, чтобы стать «невозвращенцами».

«Все это правда, но не до конца», — возражает ему В. Зеелер. Иначе что заставляло самого М. Корякова драться с врагом смертным боем и выгнать его из страны? Любовь к «отцу народов» или же к «родному пепелищу»? Неужели лагерный «блеск жизни» сразу вытравил из души его память о родине, и он ей «изменил» и стал «невозвращенцем»? Конечно, нет. В. Зеелер предлагает упростить вопрос, что позволяет сразу понять, что породило «невозвращенство» и можно ли его осуж-

дать. Тридцать лет граждане советского государства лишены всяческих свобод. За что и на что меняют возвращение? На свободу дышать, свободу думать и мыслить, говорить, на признание в себе самом человека. А это, по мнению Зеелера, такие ценности, для обладания которыми можно многое стерпеть, даже жизнь в лагерях Ди-Пи. Вывод Зеелера: «невозвращенство» законно, по-человечески понятно и не подлежит осуждению.

«Не все русское вытравлено в этой первой советской волне», — вторит В. Зеелеру сорок три года спустя З. А. Шаховская в уже называвшейся статье «О «либералах»» (с. 24). К тому же, по ее словам, в ней почти не было людей, занимавших в Советском Союзе ответственные места, т. е. номенклатуры, людей, включенных в систему.

По словам Шаховской, первая и вторая послеоктябрьские волны имели нечто общее, это общее — беженство. Однако много раньше мнению, выразителем которого выступает Шаховская, оппонировал тот же М. Коряков: первая послеоктябрьская эмиграция сложилась из двух групп — армии и интеллигенции. Белая армия не бежала, а отступала. Не ее вина, что не хватило российской земли и пришлось отступать за границу. Интеллигенция также не бежала, а была насильственно выслана. По Шаховской, послеоктябрьских эмигрантов надлежит считать беженцами, т. к. нансеновские паспорта называли их «*réfugiés russes*» — ищущие убежища. Однако как тогда надлежит именовать эмигрантов третьей послеоктябрьской волны (она же — вторая советская), важнейшая составная группа которой — диссиденты — как правило, лишалась советского гражданства и вынуждена была просить политического убежища? По мнению Шаховской, назвать их беженцами нельзя, поскольку они-де не бежали, а получали право на выезд.

Представляется, что в этих спорах преобладают эмоции, а высказанные авторами оценки лишены научного обоснования.

Проблематика второй послеоктябрьской волны эмиграции оставалась в центре внимания «Русской мысли» не только в 1948 г., но и в последующие годы. Вот «Новогодние размышления» Ариадны Тырковой-Вильямс¹. В них — далеко не полный итог тех общественных навыков, опыта, духовных ценностей, которые эмиграция и копила, и создавала. Одна из таких ценностей — эмигрантская общность, наиболее проявляющаяся в делах взаимопомощи. Тыркова-Вильямс пишет о том, что сделали (и что — не сделали) «старые» эмигранты для того, чтобы помочь Ди-Пи. Ее статья — это также попытка дать морально-нравственную оценку деянию западных государственных деятелей, согласившихся принудительно депортировать сотни тысяч советских, искавших способ защитить себя от насилия коммунистической власти.

А вот статья «В советских концлагерях» с сокращенной подписью Ол.² Она представляет собой перевод на русский язык из выходившей в Мюнхене на немецком языке американской газеты «Ди Нейес Цайтунг» рассказа одного польского офицера, с 1939 по 1949 г. просидевшего в советском плену, о встречах в советских концлагерях.

Среди них особое место занимают встречи с репатрированными советскими гражданами, бывшими в германских трудовых батальонах. Ценность публикации — в суммировании рассказчиком личных мнений заключенных, оценок ими причин, по которым их по возвращении в СССР поместили в концлагерь.

Наконец, еще одна публикация «Русской мысли» тех лет — статья под заголовком «Еще одна Катынь. Советская репатриационная комиссия подозревается в массовом расстреле Ди-Пи»³. Как и предыду-

¹ Перепечатка из: Рус. мысль. 1950. 11 янв. // Там же. 1997. 2–18 июня. Спец. юбил. прилож. № 4.

² Перепечатка из: Рус. мысль. 1950. 19 марта // Там же.

³ Перепечатка из: Рус. мысль. 1950. 23 июня // Там же.

шая, она представляет собой перевод сообщения иностранной прессы — гамбургской газеты «Ди Вельт» от 23 мая 1950 г. Цель публикации — привлечь наконец внимание компетентных органов, следующих негласному указанию западных правительств «спустить дело на тормозах», к факту обнаружения тремя годами ранее в лагере Штутгарт — Цуффенгаузен, где после германской капитуляции были размещены русские и украинские Ди-Пи, полутора сотен человеческих скелетов. По свидетельствам очевидцев, расправы производились советской репатриационной комиссией в отношении лиц, сотрудничавших с немцами, и тех из Ди-Пи, которые отказывались вернуться на родину.

Закрывая тему публикаций по истории второй послеоктябрьской эмиграционной волны в «Русской мысли», обратимся к статье Николая Росса «Советские лагеря во Франции»¹. Она представляет собой рецензию на книгу Жоржа Кудри, участника французского Сопротивления и военного корреспондента, которому в начале 1990-х гг. было поручено составить список «беспризорных» могил бывших советских граждан на военных и гражданских кладбищах Франции (Georges Coudry. *Les camps soviétiques en France (Les «Russes» livrés à Staline en 1945)*. Paris: Albin Michel, 1997. 340 p., ill).

В ходе расследования Ж. Кудри обнаружил, что многие представители народов СССР, похороненные во Франции, попали сюда в немецкой форме, а также, что большинство из выживших прошли через тот или иной советский репатриационный лагерь. Об этом говорят не только свидетельства российских участников событий, собранные автором, но и впервые опубликованные французские архивные документы, большей частью отчеты полицейских властей французскому Министерству иностранных дел 1944–1946 гг. Ж. Кудри касается и судеб эмигрантов первой послеоктябрьской волны во Франции в военные и послевоенные

¹ Там же. 1997. 17–23 апр.

годы, но эти страницы его труда Н. Росс считает наименее удачными как по изложению, так и по качеству и объему использованных источников, поэтому не касается их в рецензии. Национальный состав советских немецких трудовых и военных формирований, их примерная численность и места дислокации, деятельность миссии по репатриации советских граждан в Западной Европе, раскол в среде «старой» эмиграции по вопросу Ди-Пи — таково содержание книги Ж. Кудри.

Уже говорилось: эмигрантская пресса обращалась к проблемам «второй» эмиграции в различных изданиях и в разные годы. В альманахе «Мосты» в 1959 г. были опубликованы художественно обработанные воспоминания Татьяны Фесенко — лица, перемещенного в Германию в годы Второй мировой, — о первых месяцах послевоенной жизни в этой стране, настроениях перемещенных из СССР лиц, объявивших себя беженцами¹. Помимо упоминания об известных причинах, которыми руководствовались Ди-Пи в своем желании не возвращаться, очерк ценен штрихами, рисующими поведение в отношении них американских оккупационных властей, осуществлявших депортацию и искренне не понимавших мотивов поступков советских граждан. Материал Фесенко — укор свободному миру, который не понял их, не захотел понять и обрек на гибель.

А вот публикация 1990-х, опять же из эмигрантской печати: перепечатка «Иммигрантами» из газеты «Русский Ванкувер» рассказа эмигрантки четвертой послеоктябрьской волны Людмилы Русаковой «Сифудом» и «френч фраем» сыт не будешь². Л. Русакова пишет о ситуациях, в которые попадают приехавшие из России, оказавшись в незнакомой стране. На этот раз героем ее рассказа стала баба Аня (имя не изме-

¹ Фесенко Т. Послевоенный год // Мосты: литературно-художественный и общественно-политический альманах. Вып. 3. Мюнхен, 1959. С. 319–347.

² Иммигранты. 1997. № 17 (22).

нено), добровольно оставившая Белоруссию вслед за немцами вместе с четырьмя детьми. Случайная встреча рассказчика с бабушкой в одной из американских церквей раскрывает историю жизни: мотивы, поступок, национальный состав эмигрантов, германский трудовой батальон, условия жизни, освобождение-оккупация американскими частями, годы ожидания в лагерях, раскол в семье, судьбы избравших разные дороги (возвращаться? ждать?), Америка, обеспеченность, старость, одиночество, тоска.

Действительно, мы очень мало знаем о людях, которые во время войны добровольно перешли на сторону немцев. На них в СССР поставили клеймо «предатели» и предали забвению. Но ведь была какая-то причина, которая толкнула их на этот поступок. Как сложилась их дальнейшая судьба? Жалеют ли они о случившемся? На эти вопросы помогает ответить этот рассказ.

Копилка людских воспоминаний содержит немало свидетельств. Отрадно, что журналистский к ним интерес не опоздал: многие участники событий еще живы. Публикация Владимира Скосырева из «Известий», перепечатанная «Иммигрантами»¹ под заголовком «Где ты, Стась Орловский?», раскрывает историю депортации советскими властями жителей оккупированных СССР осенью 1939 г. восточнопольских земель. Руководство СССР решило очистить ставшие пограничными с Германским государством районы от «нежелательного элемента». В нескольких газетных столбцах перед читателем разворачивается история семьи Орловских, оставивших СССР в 1943 г. с польской армией генерала В. Андерса, а ныне англичан.

Еще один такой «частный случай», взгляд непосредственного участника событий — автобиографическая повесть украинца Петра Николаевича Палия, советского офицера, попавшего в 1941 г. в немецкий плен. О нелегких нравственных и психологических

¹ Там же. № 3 (8).

поисках путей борьбы против двух политических систем, созданных Гитлером и Сталиным, о событиях, приведших героя повести к вступлению в Русскую освободительную армию, рассказывает эта книга¹. Издание является третьим выпуском в серии материалов по истории Русского освободительного движения (под общ. ред. А. В. Огорокова).

По утверждению автора повести, история майора Шегова, героя первой части — «Военнопленный № 7472», и второй — «Оловянные солдатики», типична для тысяч добровольцев РОА от генералов до рядовых. В повествовании нет ни слова выдумки или «косметических литературных прикрас», все действия, события и случаи точно соответствуют действительности по месту и времени. Так же и все действующие лица и участники событий — настоящие живые люди. Конечно, книга не является и не претендует быть историческим исследованием феноменального события рождения, деятельности и гибели Русского освободительного движения в годы войны. Это не взгляд историка «сверху вниз», когда многое видно, понятно и проверено последующими годами. Книга ценна именно взглядом «снизу вверх», из самой гущи загипнотизированных идей борьбы с большевизмом людей, ограниченных в своем понимании происходящих событий солдатским положением.

Судьба П. Н. Палия. Репатриации избежал. В 1948 г. переехал в США. В 1962 г. окончил Калифорнийский университет. Работал в авиастроительной фирме, где до выхода в отставку занимал должность старшего инженера-исследователя. В 1973–1976 гг., как специалист, принимал участие в переговорах с СССР по вопросам авиастроения. Девять раз ездил в Советский Союз. Активно занимался общественной деятельностью. Дважды избирался старостой прихода Свято-Богородитского храма, вице-президентом Бла-

¹ Палий П. Н. От серпа и молота к андреевскому знамени. М., 1998. 394 с.

готворительного фонда Веры Джонс. Являлся одним из организаторов Русско-американского культурно-просветительского общества. Четыре года являлся его вице-председателем, затем — пять лет — председателем его правления. Участвовал в создании журнала «Калифорнийский вестник». Автор ряда книг и статей в русских эмигрантских изданиях: «Новый журнал», «Вече», «Русская жизнь», «Новое русское слово», «Русская мысль» и др.

Петр Палий, Татьяна Фесенко — два имени, оставившие след в культуре зарубежья. И они не одни.

Бытует мнение, что «вторая эмиграция» не оставила следа в истории культуры российского зарубежья. Однако обширная издательская деятельность второй послеоктябрьской волны (газета — журнал — издательство «Посев», журнал «Грани», альманах «Мосты», газеты «Русские новости», «Русская мысль», журнал «Возрождение», «Новый журнал», издательство «ИМКА-пресс» и издательство им. Чехова) и даже краткий перечень ее представителей (историк и политолог А. Авторханов, поэтесса О. Анстей, поэт и прозаик Р. Березов, художник С. Голлербах, поэт И. Елагин, критик В. Завалишин, историк русской общественной мысли, публицист, литературный критик Иванов-Разумник (Р. В. Иванов), поэт, филолог Ю. Иваск, писатели Г. Климов и Н. Нароков, литературовед и писатель Л. Ржевский, литераторы Д. Кланевский, Н. Ульянов, Б. Филиппов, Б. Ширяев, литератор, редактор Г. Хомяков, поэт И. Чиннов, писатель, литературовед Л. Фостер, журналист В. Юрасов) убеждают в обратном.

Вторая волна не затерялась и не ушла «на дно». Это ею был основан Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) — политическая организация, вступившая на путь открытого непримиримого противостояния сталинской системе. Это ею была создана Русская библиотека в Мюнхене, ставшая очагом русской культуры в Германии конца 1940-х гг. Это ее представители организовали церковные прихо-

ды, оказывая столь необходимую в то время духовную помощь всем преследуемым людям. Это они создали крупнейшее из когда-либо существовавших в эмиграции научное и издательское учреждение — Институт по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене, просуществовавший до 1972 г. Музей русской культуры в Сан-Франциско, музей общества «Родина» в Лейквуде — это также заслуга «второй» эмиграции.

Причины же мифа о «культурной бесплодности» «второй» эмиграции видятся в постоянном замалчивании подлинной истории тех событий.

Во многом благодаря стараниям Николая Александровича Троицкого — инженера, архитектора, ученого в довоенном Советском Союзе, пленного-окруженца во время войны, одного из наиболее близких Власову людей, продолжателю дела Освободительного движения в послевоенные годы, автора книги «Концентрационные лагеря СССР», осуществилось издание в 1997 г. в Москве второго выпуска серии «Материалы к истории русской политической эмиграции»¹. Цель серии — введение в научный оборот новых, неизвестных материалов по истории эмиграции. Второй выпуск раскрывает судьбы представителей второй послереволюционной эмиграции, ее историю и чаяния. Среди авторов — видные политические и общественные деятели второй послеоктябрьской волны Ф. М. Легостаев, Н. А. Троицкий, Д. В. Константинов, К. Ф. Штеппа, профессор офтальмологии Нью-Йоркского университета Е. Т. Федукевич, заведующая русским отделом библиотеки Бингамтонского университета В. Г. Фурсенко. Не является посторонним в сборнике и американский ученый-историк, политолог и социолог Ю. Л. Фишер, многими нитями

¹ В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: сб. статей и документов/сост. В. С. Карпов, А. В. Попов, Н. А. Троицкий; под общ. ред. А. В. Попова; предисл. В. В. Захарова; вступ. статья А. В. Попова. М.: РГГУ, 1997. 376 с.

связанный с Россией и российской эмиграцией. Завершает сборник очерк российского автора, руководителя Общественного исследовательского центра «Архив РОА» А. В. Окорокова.

Материалы, вошедшие в сборник, не следует понимать как исследования истории «второй» эмиграции. В подавляющей части это — источники для такого исследования: воспоминания, документы из истории Освободительного движения, философско-идейное наследие эмигрантов второй послеоктябрьской волны. Содержание оправдано вышеприведенным названием серии, в которой увидел свет сборник: материалы к истории русской политической эмиграции.

Все вышеуказанное позволяет заметить, что умножение знания по истории «второй» эмиграции в настоящий период происходит в основном за счет переиздания, перепечатки публикаций давних лет и либерализации доступа к ранее вышедшим.

Если эмиграции первой послеоктябрьской волны посвящены 716 работ из 903 известных нам защищенных в России в 1980–2005 гг. диссертаций по теме российской эмиграции, что составляет 79,3%, то эмиграции второй послереволюционной волны посвящены лишь 14 работ (1,6% из 903). Среди известных нам диссертаций есть исторические исследования, посвященные всем четырем категориям оставивших СССР в годы Второй мировой войны: вывезенным на принудительные работы в Германию жителям оккупированных земель¹; военнопленным, захваченным германскими войсками за годы войны с СССР²; гражданам, воспользовавшимся немецкой оккупацией для бег-

¹ Шуплецов В. М. Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии: (1941–1945 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.03/Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1983. 17 с.

² Дембицкий Н. П. Советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02/Ин-т воен. истории. М., 1996. 27 с.

ства из СССР¹; бойцам Российской освободительной армии². Причем если насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии освещался с начала 1980-х гг., то табу на изучение вопроса о советских военнопленных было снято лишь во второй половине 1990-х гг., а исследование советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР, власовского движения стало возможным уже только в последние годы.

Вопросы репатриации на Северо-Западе РСФСР в 1944–1949 гг. на сегодняшний день затронуты в единственной диссертации, подготовленной по историческим наукам в 1998 г.³ Что же касается судебных оставшихся на Западе лиц, их вклада в развитие духовного потенциала российской эмиграции прежних волн — эти вопросы на сегодняшний день практически обойдены вниманием российских исследователей: ни по количеству имеющихся работ, ни по их тематике имеющиеся исследования не сопоставимы с диссертациями, посвященными первой послеоктябрьской волне. Во многом это обусловлено тем, что и на уровне официальной идеологии, и на уровне обыденного созна-

¹ Горелик Б. М. Российские эмигранты в Южной Африке: (1950–2003 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.03/Ин-т Африки РАН. М., 2004. 25 с.; Колупаев В. Е. Русские в Северной Африке, 1920–1998 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.15/Моск. ин-т регион. и нац. отношений. М., 1999. 25 с.

² Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02/Твер. гос. ун-т. Тверь, 2005. 24 с.; Кривошеева Е. Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: автореф. дис. д-ра ист. наук: 07.00.02/Моск. пед. гос. ун-т. М., 2003. 40 с.; Червякова А. А. Власовское движение и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02/Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д, 2004. 26 с.

³ Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР, 1944–1949 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02/С.-Петерб. акад. МВД России. СПб., 1998. 21 с.

ния вся «вторая эмиграция» связывается с враждебными силами: сначала с гитлеровской Германией, затем с «западными империалистами». Как следствие, о второй волне эмиграции мы знаем мало.

Особенности второй послеоктябрьской волны российской эмиграции, ее ценностные ориентации и психологические установки частично раскрываются в одной из диссертаций в области психологии, датированной 1996 г.¹ Филологами в 1999 и 2004 гг. были защищены три диссертации о творчестве двух представителей второй волны: поэта И. В. Чиннова² и писателя Л. Д. Ржевского (Суражевского)³. В 2005 г. защищена диссертация об издательской деятельности политических организаций российской эмиграции, в том числе и второй волны⁴.

По-прежнему остается открытым вопрос о соответствии принципам и нормам международного гуманитарного права выдачи советскому правительству западными союзниками советских граждан, оказавшихся в ходе Второй мировой войны в юрисдикции американских и британских властей.

Выстраивание полной и целостной картины «вливания» эмигрантов второй послеоктябрьской волны в российскую зарубежную диаспору еще впереди. Необходимо исследовать ее адаптацию к зарубежью, изучить реакцию на нее «свободного мира», взаимоотноше-

¹ Хрусталева Н. С. Психология эмиграции: Социально-психологические и личностные проблемы: автореф. дис. д-ра психол. наук: 19.00.05/С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1996. 36 с.

² Болычев И. И. Творческий путь Игоря Чиннова: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01/Лит. ин-т им. А. М. Горького. М., 1999. 16 с.; Носова О. Е. Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01/Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004. 18 с.

³ Букарева Н. Ю. Проблематика и поэтика военной прозы Л. Д. Ржевского (Суражевского): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01/Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2004. 26 с.

⁴ Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): автореф. дис. д-ра ист. наук: 05.25.03/С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2005. 42 с.

ния с эмигрантами первой и третьей послеоктябрьских волн, вскрыть причины реэмиграции многих советских граждан из послевоенной Европы в страны Нового света (Австралию, Канаду, США), смещения туда же центров российского зарубежья. Представляется, что существенную роль в объективном освещении истории этой политической эмиграции должен сыграть Общественный исследовательский центр «Архив РОА» А. В. Огорокова. Необходимо остановиться на причинах угасания ее политической жизни. «Непаханую целину» представляет собой изучение культурной жизни первосоветской эмиграции, сохранения и пополнения ею интеллектуального и духовного наследия предыдущей волны, процесса передачи культурной «эстафетной палочки» последующим эмигрантам. Верится, что «вторая» эмиграция — это богатейший пласт, способный принести немало сюрпризов неравнодушному к ней исследователю.

«Триумфализм должен бы уступить место состраданию и скорби...»

Интервью с К. М. Александровым¹

Долгие годы считалось, что «наших» на войне погибло 20 млн, а немцев — ок. 11 млн. Существует ли сейчас достоверная статистика? Сколько граждан СССР погибло во время ВОВ (мирного населения и военных)? Сколько погибло граждан Германии (мирного населения и военных)?

— *Единой точки зрения и общепризнанной статистики нет. Достоверная оценка людских потерь Советского Союза в период войны с Германией и ее союзниками пред-*

¹ Кирилл Михайлович Александров — кандидат исторических наук, заместитель главного редактора военно-исторического журнала «Новый часовой» (Санкт-Петербург), член редакционных коллегий историко-документального альманаха «Русское прошлое» (Санкт-Петербург) и журнала «Военно-исторический архив» (Москва). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Впервые опубликовано: *Русское слово (Прага)*. 2010. № 7–8; № 9.

ставляет одну из самых сложных проблем в современной исторической науке. Представители официальных ведомств и организаций, ученые и публицисты, которые два последних десятилетия называют самые разные цифры и предлагают собственные методы расчетов, согласны друг с другом лишь в одном — в том, что их оппоненты руководствуются идеологическими пристрастиями, а не стремлением приблизиться к исторической истине. В нашем разговоре мне бы хотелось принципиально подчеркнуть это слово «приблизиться», потому что установить полную цифру отечественных людских потерь вряд ли реально. Но составить общее представление вполне возможно. Разумеется, высказанное ниже мнение — это лишь частный взгляд одного из исследователей. Но прежде чем поделиться собственными суждениями на эту тему, мне бы хотелось в начале нашего разговора обратить внимание читателей на принципиальное обстоятельство.

Почти полвека нашего соотечественника принуждали смотреть на войну между Германией и Советским Союзом не только исключительно в масштабах одного (Восточного, назовем его для ясности так) фронта, но и вне событий, происшедших до 22 июня 1941 года в ходе Второй мировой войны. Когда, например, Советский Союз вступил во Вторую мировую войну?.. В сентябре 1939 года исчезло Польское государство. Мы не забываем, что в ходе этой необъявленной советско-польской войны погибли 1475 бойцов и командиров Красной Армии? Это ведь уже сотни жизней всего за две с половиной недели. Кстати, напомним читателю, что первой мужественной защитой Брестской крепости от войск Вермахта в середине сентября 1939 года руководил бригадный генерал Константин Плисовский — некогда храбрый ахтырский гусар, штабс-ротмистр и офицер Русской Императорской армии, расстрелянный органами НКВД в 1940 году.

В результате разгрома Польши между Германией и СССР возникла общая граница. С точки зрения обороноспособности СССР это было хорошо или плохо? Настоящий факт нельзя игнорировать, рассуждая о трагедии

лета 1941 года... Далее. Советские безвозвратные потери (погибшими, умершими и пропавшими без вести) во время кровавой советско-финляндской войны 1939–1940 годов сегодня оцениваются в диапазоне от 131 тысячи до 160 тысяч военнослужащих. Из запросов родственников на основании полученных похоронных извещений ясно, что далеко не все имена погибших оказались внесены в книги поименного учета потерь на этом театре военных действий. Это эквивалент численности примерно 12–13 дивизий. Безвозвратные потери финнов — 24,5 тысячи военнослужащих. Зимняя война — часть Второй мировой? Можно ли забывать ее причины, ход и военнополитические последствия, когда мы говорим, например, о блокаде Ленинграда? Очевидно, что нельзя. Но тогда почему только что минувший 70-летний юбилей этой «незнаменитой войны», которая унесла десятки тысяч жизней, остался вообще незамечен в современной России на фоне другой триумфальной кампании? Война в Финляндии не вписывается в сталинскую, до сих пор господствующую в массовом сознании концепцию «локальной» войны миролюбивого социалистического Советского Союза с агрессивной национал-социалистической Германией. Поэтому ни у власти, ни у общества не нашлось ни слов, ни средств, чтобы отметить печальный юбилей Зимней войны и почтить память ее жертв.

Но проблема не только в том, что драма 1939–1940 годов неразрывно связана с трагедией последующих лет. На мой взгляд, вообще невозможно говорить о войне с Германией вне контекста истории советского государства. 22 июня 1941 года — это прямое следствие событий, происшедших 25 октября 1917 года, как бы это ни показалось кому-то парадоксальным. Многие человеческие поступки и поведение в годы войны были следствием непрекращавшейся с 1917 года гражданской войны, террора и репрессий, коллективизации, искусственного голода, ежовщины, создания в государственном масштабе системы принудительного труда, физического уничтожения большевиками самой крупной

Поместной Православной Церкви в мире. С конца 1920-х годов власть упорно и последовательно вынуждала людей, живших в лишениях, страхе и нищете, лгать, изворачиваться, приспособливаться. Сталинская система к 1941 году привела к полному обесцениванию человеческой жизни и личности. Рабство стало повседневной формой социально-экономических отношений, а дух и душу разрушало всеобщее лицемерие. Можно ли забывать об этом, когда мы говорим, например, о соотношении потерь?

В прошлом году в Петербурге ушел из жизни Николай Никулин — выдающийся петербургский ученый-искусствовед, фронтовик-орденоносец. Он был многократно ранен, воевал в 311-й стрелковой дивизии, прошел всю войну и закончил ее в Берлине сержантом, чудом оставшись в живых. Его мужественные «Воспоминания о войне» — одни из самых пронзительных, честных и безжалостных по правдоподобности мемуаров. Вот что, в частности, Николай Николаевич писал о наших потерях, основываясь на собственном опыте боев на Волхове и под станцией Погостье:

«На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме. Приведу пример. Из высших сфер поступает приказ: взять высоту. Полк штурмует ее неделю за неделей, теряя по тысяче людей в день. Пополнения идут непрерывно, в людях дефицита нет. Но среди них опухшие дистрофики из Ленинграда, которым только что врачи прописали постельный режим и усиленное питание на три недели. Среди них младенцы 1926 года рождения, то есть четырнадцатилетние, не подлежащие призыву в армию... «Вперрред!!!», и все. Наконец, какой-то солдат, или лейтенант, командир взвода, или капитан, командир роты (что реже), видя это вопиющее безобразие, восклицает: «Нельзя же гробить людей! Там же, на высоте, бетонный дот!

А у нас лишь 76-миллиметровая пушчонка! Она его не пробьет!»... Сразу же подключается политрук, Смерш и трибунал. Один из стукачей, которых полно в каждом подразделении, свидетельствует: «Да, в присутствии солдат усомнился в нашей победе». Тотчас же заполняют уже готовый бланк, куда надо только вписать фамилию, и готово: «Расстрелять перед строем!» или «Отправить в штрафную роту!», что то же самое. Так гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом, люди. А остальные — «Вперрред, в атаку!» «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!» А немцы врылись в землю, создав целый лабиринт траншей и укрытий. Поди их достань! Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат. Надо думать, эта селекция русского народа — бомба замедленного действия: она взорвется через несколько поколений, в XXI или XXII веке, когда отобранная и взлелеянная большевиками масса подонков породит новые поколения себе подобных».

Страшно?... Попробуйте возразить. Во всяком случае, мне представляется, что существует прямая связь между количеством жертв, которые понес наш народ в годы Второй мировой войны, начиная с сентября 1939 года, и теми необратимыми изменениями, которые произошли в стране и обществе после Октябрьского переворота 1917 года. Например, лишь достаточно вспомнить о последовательном уничтожении большевиками русского офицерского корпуса. Из 276 тысяч русских офицеров по состоянию на осень 1917 года к июню 1941 года в армейском строю находилось вряд ли более нескольких сотен, и то преимущественно командиров из бывших прапорщиков и подпоручиков. Поэтому рассматривать войну вне контекста отечественной истории предшествующих двадцати лет — это означает вновь обманывать самих себя и оправдывать всероссийское самоистребление XX века, в результате которого наш народ неуклонно сокращается.

Военные потери Германии сегодня, в общем, достаточно установлены и систематизированы в одном из послед-

них фундаментальных исследований Рюдигера Оверманса. Третье издание его труда «Германские военные потери во Второй мировой войне» состоялось в Мюнхене, в 2004 году.

По наиболее распространенным до исследований Оверманса данным, всего германские Вооруженные Силы на всех театрах военных действий в 1939–1945 годах потеряли 4,13 миллиона человек погибшими, в том числе на Восточном фронте — от 2,8 миллиона до 3,1 миллиона человек. Колебание в оценках потерь на Востоке обусловлено сохраняющейся неясностью в судьбах части пропавших без вести и военнопленных.

В 1985 году Федеральная служба по оценке военных потерь в ФРГ объявила о 3,1 миллиона погибших и 1,2 миллиона пропавших без вести, итого — 4,3 миллиона на всех театрах военных действий. Оверманс увеличил эту цифру до 5,3 миллиона. В нее также включены граждане СССР, погибшие и учитывавшиеся в составе войск противника. Оценить эту категорию потерь достаточно сложно, но цифра в 300 тысяч представляется вполне допустимой и, может быть, неполной. По данным Оверманса, на Востоке погибли 2 миллиона 743 тысячи человек и еще 1 миллион не вернулся из плена. К этой цифре можно добавить 600–700 тысяч человек из числа союзников Германии (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии и др.), погибших преимущественно на Востоке. Итого 2,7 миллиона + 1 миллион + 700 тысяч = 4,4 миллиона. Из этой цифры необходимо вычесть 200 тысяч восточных добровольцев, учтенных среди советских потерь (еще минимум 100 тысяч погибли на других театрах военных действий). Тогда возможная итоговая картина будет выглядеть так:

— Общие военные немецкие потери погибшими на всех театрах военных действий — 5,3 миллиона (по Овермансу), а без восточных добровольцев — 5 миллионов.

— В том числе немецкие потери погибшими на Востоке — 3,5 миллиона (без граждан СССР).

— Потери погибшими на Востоке Германии и ее союзников, включая не вернувшихся из плена, — 4,2 миллиона (без граждан СССР).

Определенная дискуссионность в оценках германских военных потерь есть. Исследования и полемика по данным вопросам продолжаются. Но в целом картина достаточно представима. Потери погибшими гражданского населения Германии оцениваются в Германии примерно в 2 миллиона человек, включая жертвы союзных бомбардировок (примерно 500 тысяч). Таким образом, мне представляется, что суммарная цифра германских потерь погибшими составляет примерно 7 миллионов, из которых большую часть составляют потери военные.

Вопрос с безвозвратными потерями Советского Союза гораздо менее ясен. Итоговый разброс цифр поражает воображение — от 27 миллионов до 43 миллионов человек. Сразу же оговорюсь, мне не кажутся убедительными и достоверными верхние цифры, которые, например, еще в 1990-е годы называл Б. В. Соколов. Как раз напротив, цифра в 27–28 миллионов суммарных потерь представляется вполне реалистичной. Полагаю, что расчетные методы, которые использовала группа специалистов-демографов во главе с известным исследователем Евгением Михайловичем Андреевым, более совершенны и справедливы, чем методы Соколова. Еще в 1993 году группа Андреева определила общее число безвозвратных потерь населения СССР в 1941–1945 годах в 27 миллионов человек — и это, что существенно, согласуется с данными переписи 1959 года. Проблема, однако, в том, что, на мой взгляд, как и в случае с германскими потерями, основную долю составляют потери не гражданского населения, а потери советских Вооруженных Сил. И с этой точки зрения официальная цифра, на которой настаивает Министерство обороны — 8 миллионов 668 тысяч, 400 человек, — не выдерживает критики. Достаточно упомянуть о том, что, по всей вероятности, за основу потерь была просто взята цифра (7 миллионов), которую в свое время сообщил Сталин в 1946 году, выдав ее за общую цифру безвозвратных потерь всего населения. Получена она путем механического суммирования разных малодостоверных сведений из официальных отчетов и сводок. Са-

мое удивительное, что настоящая цифра исчислена до сотен человек (!), хотя участники авторского коллектива генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, которые и ввели ее в научный оборот, откровенно признавали, что от многих дивизий, корпусов и армий за один только 1941 год не осталось никаких документов, позволявших бы определить убыль личного состава хотя бы приблизительно.

Если принять во внимание официальные данные, получается, что на одного погибшего представителя командно-начальствующего и политического состава приходится чуть больше семи рядовых. На мой взгляд — это невероятное соотношение. Что же, у нас младшие лейтенанты и лейтенанты отделениями командовали?.. Можно взглянуть на проблему и с другой стороны. Из официальных данных Министерства обороны логично следует, что основную долю потерь погибшими населения СССР — две трети — составили потери гражданского населения. Допустим. Однако на фронте гибнут в первую очередь мужчины, а среди гражданского населения — женщины и дети. Тогда по версии Министерства обороны большинство погибших граждан СССР составили женщины и дети. Но в 1959 году на каждые три женщины в возрасте от 30 до 74 лет приходилось всего два мужчины. Поэтому точка зрения, в соответствии с которой две трети потерь погибшими составили потери гражданского населения, мне представляется неверной. Как мне кажется, более-менее близкое к действительности представление о безвозвратных военных потерях СССР позволяют составить два источника.

Во-первых, это картотеки персонального учета безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава, которые хранятся в фондах Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) в Подольске. После подвижнической и кропотливой работы по изъятию дублирующих карточек на рядовой и сержантский состав, которая была завершена сотрудниками уже в начале нового века, оказались учтенными 12,6 млн человек. Еще в 1960-е годы примерно 1 млн человек были учтены

среди офицерского состава, включая политработников и другие категории начальствующего состава, итого — 13,6 млн павших. Настоящую цифру ввел в широкий научный оборот мужественный историк, полковник Владимир Трофимович Елисеев, старший научный сотрудник ЦАМО, который смело отстаивал результаты своих исследований на разных научных конференциях, несмотря на то неудовольствие, которое он вызывал. Видимо, группа генерала Кривошеева, «считавшая» потери с конца 1980-х годов, картотеки персонального учета в расчет вообще не принимала. 13,6 млн павших — это без потерь призванных, но не учтенных до 22 июня военнообязанных резервистов, а также без потерь флота, пограничников, войск и органов НКВД, разных военизированных формирований, партизан, а также — призывного контингента, который вливался в войска Действующей армии на освобожденных от оккупации территориях и сразу же бросался в бой. По разным воспоминаниям и свидетельствам, на освобожденных территориях в качестве маршевого пополнения соответствующие органы часто забирали буквально всех мужчин, способных держать оружие, и, невзирая на возраст — и 16–17-летних, и 50-летних. Бывали случаи, когда их отправляли на передовую даже в гражданском. Для большинства первый бой оказывался и последним. Особенно широко это практиковалось в 1943–1944 годах. Армия шла на Запад, политорганы подгоняли, и «освобожденцев» не щадили, тем более они долгое время находились в оккупации и выглядели подозрительными по определению. Неудовлетворительно был поставлен и учет потерь бойцов разных ополченческих формирований в 1941–1942 годах. Поэтому, когда историк Д. А. Волкогонов опубликовал в одном из своих трудов суммарную цифру безвозвратных военных потерь СССР в 16,2 миллиона человек, ссылаясь на некий секретный документ на имя Сталина, мне кажется, он был близок к истине.

Во-вторых, еще в 1995 году практически была завершена работа по введению в Центральный банк данных персональных записей о погибших, пропавших без ве-

сти, умерших в плену и от ран воинов, в первую очередь на основании сведений, поступивших от родственников. Таковых записей оказалось округленно 19 миллионов. Надо сказать, что упомянутая группа Е. М. Андреева оценивала общее число мужчин призывного возраста, погибших в 1941—1945 годах, в 17 миллионов человек.

На основании всех названных данных мне представляется, что военные потери СССР в 1941—1945 годах погибшими можно оценить не менее чем в 16—17 млн человек, включая потери военнообязанных женщин, а также мужчин и юношей непризывного возраста, тем не менее де-факто состоявших на военной службе.

Оставшиеся безвозвратные потери гражданского населения можно распределить так: примерно 1 миллион — жертвы ленинградской блокады, до 2,2 миллиона — жертвы нацистского террора и преступлений в оккупации, 300 тысяч — избыточная смертность при сталинских депортациях народов, 1,3 миллиона — повышенная детская смертность на остальной части СССР, более 5 миллионов — повышенная взрослая смертность в результате ухудшения условий жизни по обстоятельствам военного времени на остальной части СССР (включая заключенных, умерших в ГУЛАГе, где годовая смертность в 1942—1943 годах составляла 20—25%!). Кстати, последние две категории жертв войны среди гражданского населения особенно редко упоминаются и учитываются. Власть скрывала, что в военные годы существовала, например, массовая смертность от голода на Вологодчине, в Якутии и некоторых других регионах Советского Союза. Возможно, что погибшими и пропавшими без вести в годы войны считаются и примерно 450 тысяч советских граждан, на самом деле оставшихся после 1945 года на Западе и оказавшихся в эмиграции (включая беженцев из Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии). Такой печальный порядок цифр. Точные же безвозвратные потери нашего народа в годы Второй мировой войны, боюсь, не станут известными никогда. Вопрос оценки потерь наиболее сложный и требует дополнительных изысканий.

Можно ли сопоставить военные потери в ходе боевых действий немецкой и российской армии?

— Сначала принципиальная оговорка. Давайте все-таки учитывать, что Русская Императорская или Российская армия, которая ведет свое начало от полков иноземного строя первых Романовых, и Рабоче-крестьянская Красная Армия, созданная в 1918 году Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойским и Л. Д. Троцким, — это все-таки совершенно разные армии. Поэтому отождествлять Российскую армию и РККА неверно. Потери погибшими, о которых Вы спрашиваете, можно себе представить приблизительно. Из вышеприведенных возьмем средние расчетные цифры: Вооруженные Силы СССР — 16,5 миллиона, Германия и ее союзники на Восточном фронте — 4,2 миллиона. Соотношение потерь практически 1: 4.

Существуют ли еще примеры в мировой истории, когда страна-победитель теряет в несколько раз больше людей, чем побежденное государство?

— По итогам Русско-японской войны 1904–1905 годов соотношение потерь оказалось в пользу России. Суммарные безвозвратные потери русских войск и флота оцениваются в 52,5 тысячи чинов, противника — в 88 тысяч. Но в несколько раз... Сразу мне трудно привести такой пример.

Сколько погибло наших пленных?

— В Русской Императорской армии плен не считался преступлением, общественное мнение относилось к пленным как к страдальцам. Им сохранялись чины, награды, денежное довольствие, плен засчитывался в стаж службы. При активном участии Николая II и русских дипломатов появилась знаменитая Гаагская конвенция 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны», определявшая права военнопленных. В 1914–1917 годах в плен попали 2,4 миллиона чинов русской армии, из которых умерли не более 5%.

В 1941–1945 годах, по данным противника, в плен попали около 6,2 миллиона советских военнослужащих. Из них

до 13 ноября 1941 года были освобождены и отпущены на оккупированных территориях почти 320 тысяч человек — преимущественно те, кто называл себя «украинцами» или «белорусами». Кстати, очень большая цифра, фактически эквивалент численности двух армий. Из оставшихся 5,8 миллиона (исключая перебежчиков, которых насчитывалось за все годы войны 315 тысяч — еще по численности две армии) умерли от голода и лишений, а также погибли от нацистских репрессий 3,3 миллиона (60%). Из выживших 2,4 млн советских пленных примерно 950 тысяч вступили на службу в разные антисоветские вооруженные формирования (РОА и др.), около 500 тысяч бежали или были освобождены в 1943—1944 годах советскими войсками и союзниками, остальные (около 1 миллион) дождались весны 1945 года. Но их страдания на этом не закончились.

Известны слова И. В. Сталина: у нас нет пленных, а есть предатели. Он отказался предоставлять им какую-либо помощь. Насколько это повлияло на уровень смертности наших пленных в германских лагерях (в сравнении с пленными других стран)?

— Дело не только в известной сталинской позиции. Например, еще В. И. Ленин считал, что Гаагская конвенция 1907 года «создает шкурническую психологию у солдат». В итоге примерно 15—20 тысяч красноармейцев, плененных во время советско-польской войны 1920 года, умерли в польских лагерях, брошенные Совнаркомом на произвол судьбы. И. В. Сталин в 1925 году назвал работу Гаагской конференции «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии». Интересно, что в 1927 году пленум ЦК ВКП (б) признал: «Нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм». Поэтому власть не была заинтересована в защите прав собственных военнопленных. Их массовая гибель в плену у врага уменьшила бы вероятность формирования русской антибольшевистской армии на стороне противника. В итоге Советский Союз по решению Стали-

на отказался от присоединения к Женевской конвенции 1929 года «Об обращении с военнопленными» и де-юре отказался защищать права своих граждан в случае их пленения противником во время боевых действий. Признание СССР в 1931 году конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», равно как и известная советская нота от 17 июля 1941 года о присоединении к конвенции «Об обращении с военнопленными» де-факто, принципиально ситуации не изменили. Какую, например, реальную помощь оказывал Советский Союз своим гражданам через организации Международного Красного Креста? Даже после перелома в войне и на ее исходе Советский Союз не слишком был озабочен судьбой собственных граждан в неприятельском плену.

Существует точка зрения, в соответствии с которой 82-я статья раздела VIII («О выполнении конвенции») якобы накладывала обязательство на стороны-участники соблюдать конвенцию 1929 года даже в том случае, если бы участие в войне приняло государство, дипломаты которого конвенцию не подписывали. Это ошибка, связанная с неправильным переводом текста 82-й статьи. И в этой ситуации упомянутая статья обязывала стороны-участники соблюдать конвенцию только по отношению друг к другу.

Гитлер посчитал, что такое положение дел развязывает национал-социалистам руки и санкционирует произвол в отношении советских военнопленных. Их массовая гибель позволила бы «лишить Россию жизненной силы». 30 марта 1941 года, выступая перед своим генералитетом, фюрер откровенно заявил: в грядущей войне «красноармеец не будет товарищем». Воспользовавшись отказом правительства СССР от защиты прав своих граждан в плену, нацисты обрекли их на методичное вымирание от голода и болезней, на издевательства и репрессии. Уничтожению подлежали взятые в плен политработники и евреи. Правда, в конце 1941 года репрессивная политика нацистов в отношении взятых в плен политработников стала меняться. В свою очередь,

в приказе № 270 от 16 августа 1941 г. И. В. Сталин, Г. К. Жуков и другие члены Ставки предложили уничтожать плененных врагом бойцов и командиров Красной Армии «всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи». 28 сентября 1941 года в специальной директиве № 4976 по войскам Ленинградского фронта Жуков потребовал расстреливать и семьи советских военнопленных. К счастью, вероятно, настоящая директива не была претворена в жизнь и такие ужасные факты историкам неизвестны. А вот свидетельства о бомбардировках лагерей военнопленных собственной авиацией, особенно в 1941 году, существуют.

В 1941–1942 годах пленные содержались в нечеловеческих условиях, погибая сотнями тысяч, в первую очередь от голода и тифа. Зимой 1941–1942 года умерли около 2,2 миллиона военнопленных. Трагедия этих людей, преданных своим правительством и павших жертвой нацистской политики, по масштабу не уступает холокосту. Отдельные офицеры Вермахта (адмирал В. Канарис, граф Г. Д. фон Мольтке, майор граф К. фон Штауффенберг и др.) уже осенью 1941 года протестовали против творившегося кошмара, считая подобную практику несовместимой с кодексом чести и традициями старой германской армии. Некоторые коменданты, руководствуясь личными христианскими чувствами, пытались на своем частном уровне хоть как-то облегчить страдания несчастных. Но такие случаи были все-таки единичны. Кстати, массовая смертность была еще связана просто и с неготовностью Вермахта к приему миллионов военнопленных в первые месяцы войны. Никто не ожидал, что их окажется настолько много, а элементарные условия для их содержания и приема отсутствовали. Это был объективный фактор, влиявший на судьбу наших пленных. Но злая воля — принципиальная позиция Сталина и идеологические установки нацистов — здесь все-таки играла более значительную роль. Лишь с осе-

ни 1942 года положение стало несколько улучшаться. В 1942 году нацисты заинтересовались пленными как рабочей силой, а с весны 1943 года началось развитие Власовского движения. В целом если смертность среди военнопленных армий западных союзников колебалась в пределах от 0,3% до 1,6%, то среди советских военнопленных, как я уже сказал, она составила 60%.

Сталин явно не был глуп. Почему же мы оказались абсолютно беззащитны перед Германией в первые месяцы войны? Катастрофа: наша авиация была уничтожена одним махом, в плен попали более 3 миллионов граждан. Разве нельзя было это предвидеть? Не было зениток, ПВО, плана мобилизации, защиты границ? И разведка предупреждала. Неужели вся трагедия — от «безумного вождя», который слепо доверился Гитлеру? Тема затертая, и все же — как это могло случиться?

— Вы подняли вопрос, вокруг которого ожесточенная полемика идет уже десятилетия. Объективно это хорошо, так как дискуссия способствует открытию новых знаний. К сожалению, рамки нашей беседы вынуждают меня лишь ограничиться тезисами. Разумеется, это лишь мое видение ситуации, как исследователя.

Во-первых, мы совершенно не были беззащитны перед Германией в июне 1941 года — скорее напротив, сил и средств, выделенных Гитлером для реализации плана «Барбаросса», оказалось явно недостаточно. Если Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии переоценивало возможные силы противника, то Абвер, наоборот, допустил огромный просчет в оценке советских сил и средств, сосредоточенных к началу кампании в западных военных округах. Так, например, немцы считали, что на Западе силы Красной Армии к 11 июня насчитывали 7 танковых дивизий, в то время как их было 44. Всего силы Красной Армии немцы определяли в 215 дивизий, в то время как в реальности их насчитывалось 303. В августе во время визита в штаб группы армий «Центр» в Борисов, Гитлер мрачно заявил: «Если бы

я знал, что у Сталина столько танков, я никогда бы не напал на Советский Союз».

На 22 июня 1941 года соотношение сил между противником (включая союзников Германии) и войсками Красной Армии на Западе (пять военных округов) выглядело так: по расчетным дивизиям — 166 и 190, по личному составу — 4,3 миллиона и 3,3 миллиона человек, по орудиям и минометам — 42,6 тысячи и 59,7 тысячи единиц, по танкам и штурмовым орудиям — 4,1 тысячи и 15,6 тысячи единиц, по самолетам — 4,8 тысячи и 10,7 тысячи единиц. Противник мог выделить для участия в боевых действиях лишь 2,1 тысячи летных экипажей, в то время как ВВС РККА на Западе имели более 7,2 тысячи экипажей. По количеству и качеству советские танки превосходили танки противника. Красная Армия имела в стратегическом резерве 51 дивизию (в том числе 16 танковых и моторизованных), в то время как Вермахт и союзники — лишь 28 (в том числе всего 2 танковые и моторизованные). Как же мы были беззащитны?..

«Слепая доверчивость» или «безумие» Сталина — это миф хрущевского времени. Сталин был настолько искусственным политиком, настолько совершенным «мастером власти» и политической интриги, что не доверял никому, в том числе и Гитлеру. Гитлер, скорее всего, на первом этапе советско-нацистской дружбы Сталину доверял, но не позднее лета 1940 года интуитивно начал чувствовать опасность, исходившую от кремлевского «партнера». А итоги визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года превратили это чувство в уверенность. К концу 1940 года Германия находилась в таком положении, что какой бы ход Гитлер ни сделал, его положение все равно ухудшалось. Поэтому «Барбаросса» — шаг от отчаяния. Я думаю, что на самом деле Сталин накануне войны знал, что Красная Армия по силам и средствам сильнее Вермахта. Поэтому он и вел себя так уверенно и безмятежно. Может быть, Сталин даже предполагал, что Гитлер его боится. Гитлер и боялся. Но кто бы мог предположить, что со своими опасениями по поводу

намерений СССР фюрер решит покончить таким специфическим образом? Не забывайте также, что Германия продолжала вести безнадежную войну против Великобритании. 40% сил Люфтваффе были связаны на других театрах военных действий. Поставьте себя на место Сталина. Вы бы при описанных условиях могли бы поверить в то, что Гитлер решится еще и на такую авантюру, как нападение на Советский Союз? Разведка докладывала, верно, но, сколько в ее донесениях было невольной дезинформации? Гитлер, напав на СССР, с точки зрения Сталина, сделал ход в тот момент совершенно нелогичный и непредсказуемый.

Причины нашей «беззащитности» лежат в другом — в пороках сталинской социальной системы, которая была выстроена на месте Российского государства после физического истребления большевиками исторических сословий традиционного русского общества и невиданного закрепощения крестьянства. В атмосфере всеобщего страха, лжи и лицемерия, в которой эта система существовала. Конечно, Вермахт имел определенное превосходство — в развертывании и сосредоточении войск на главных направлениях, в инициативе, в качестве подготовки солдат, офицерского корпуса и генералитета. Среди штаб-офицеров и генералов Вермахта очень многие имели важный опыт Первой мировой войны и службы в Рейхсвере, который в 1920-е годы был высокопрофессиональной армией. А сколько, например, командиров советских дивизий служили в старой русской армии? Имели русское военное академическое образование и воспитание, уровень кругозора и культуры? Признаемся честно: кого наши командиры опасались больше — вероятного противника или партийно-политических органов и органов НКВД? Среднестатистическим бойцом Красной Армии к 22 июня 1941 года был колхозник... А кого мог воспитать нищий сталинский колхоз с его беспроблемным принудительным трудом? Сегодня мы и не представляем себе реалии «счастливой колхозной жизни» в предвоенном СССР, когда один трудовень в среднем

оплачивался из расчета один рубль, а при нечеловеческом напряжении сил за сутки колхозник редко вырабатывал около двух трудодней. При том годовой налог за избу составлял 20 рублей, обязательная страховка (от пожара и т. д.) — 10 рублей, за 0,5 га приусадебного хозяйства — 100 рублей, за корову — 5 кг мяса или 30 рублей, а также 100 литров молока или 15 рублей; за поросенка — 1 кг мяса или 5 рублей, принудительная подписка на «добровольный» займ — 25–50 рублей и т. д. Потом такой колхозник шел служить в армию...

Во-вторых, наша авиация ни в коем случае не была «уничтожена одним махом», это еще один миф. На каждую пару немецких истребителей (преимущественно новых Bf-109) приходились — почти два новых (МиГ-3, Як-1) и шесть старых (И-16, И-153) истребителей советских моделей. Ударам подверглись лишь 66 из 470 аэродромов. Только 800 самолетов были повреждены или уничтожены на земле, еще 322 немцы сбили в воздушных боях, сами потеряв при этом 114 машин. А вот что все-таки произошло с нашей авиацией в первые недели войны, вернее, с ее экипажами? Эта тема еще ждет своих исследователей. По поводу систем ПВО замечу, что и у противника для участия в войне против СССР было выделено лишь 17% сил ПВО.

Летом — осенью 1941 года Красная Армия потерпела сокрушительный разгром, потеряв за неполные пять месяцев около 18 тысяч самолетов, 25 тысяч танков, более 100 тысяч орудий и минометов. 2,2 миллиона бойцов и командиров погибли и умерли, 1,2 миллиона дезертировали, оставшись на оккупированной территории, 3,8 миллиона попали в плен. Вермахт разгромил 248 советских дивизий, включая 61 танковую, враг овладел Киевом, блокировал Ленинград и вышел к Москве. Полагаю, что главные причины этой катастрофы заключаются не только во временном удержании немцами инициативы, оперативном превосходстве или более высоком профессионализме Вермахта, но и в нежелании значительной части бойцов и командиров Красной Армии защищать колхозы и власть,

основанную на страхе и принудительном труде. Вместе с тем важную объективную роль в удержании фронта сыграли огромные пространства, мобилизационные возможности и людские ресурсы Советского Союза, а также помощь союзников. После начала войны в 1941 году в Красной Армии были переформированы или сформированы заново более 500 (!) соединений, а Вермахт прошел длинное расстояние от Бреста до Ростова в неизменном состоянии, исчерпав к декабрю свои возможности.

Богомолов пишет, что в РОА генерала Власова воевали 37 тысяч русских, в Википедии пишут, что около 120 тысяч человек, а Вы говорили, что на стороне врага оказались более миллиона граждан СССР. Почему такое расхождение?

— На самом деле расхождения нет. К сожалению, Богомолов просто некомпетентен в данном вопросе. Он механически суммировал численность некоторых частей и соединений власовской армии — войск Комитета освобождения народов России (КОНР), формировавшихся с осени 1944 года по весну 1945 года. Действительно, чаще всего для их обозначения используют аббревиатуру РОА. Однако это неправильно. Названием «Русская Освободительная армия» в 1943–1945 годах немцы обозначили русские восточные батальоны и некоторые другие формирования в составе Вермахта, укомплектованные русскими. Далеко не все из них в 1944–1945 годах были переданы в состав войск КОНР. Кроме того, аббревиатура РОА активно использовалась в спецпропаганде. Сложив численность 1-й и 2-й дивизий, запасной бригады и офицерской школы власовцев Богомолов получил цифру в 37 тысяч человек. Но это меньше трети от общей численности военнослужащих, которые находились под командованием генерал-лейтенанта А. А. Власова к 21–22 апреля 1945 года. Генералу Власову в конце концов подчинились центральный штаб и подразделения обслуживания, 1-я и 2-я пехотные дивизии, 3-я дивизия (в стадии комплектования, без вооружения), запасная бригада, офицер-

ская школа, отдельный полк «Варяг», отдельная бригада в районе Зальцбурга (в стадии комплектования), белоэмигрантский Русский Корпус, два казачьих корпуса, части и подразделения ВВС КОНР, а также некоторые другие формирования — всего 120–125 тысяч военнo-служащих, из которых примерно 16 тысяч не имели вооружения. Так что цифра из Википедии, о которой Вы упоминаете, в целом достоверна. Проблема в том, что к концу войны объединения и переформирования власовской армии по плану бывшего преподавателя Академии Генерального штаба РККА генерал-майора Ф. И. Трухина не произошло. Времени не хватило. Власовцы были вынуждены сдаваться западным союзникам по частям.

Действительно, военную службу на стороне противника в 1941–1945 годах несли примерно 1,24 млн граждан Советского Союза: 400 тыс русских (в том числе 80 тысяч в казачьих формированиях), 250 тысяч украинцев, 180 тысяч представителей народов Средней Азии, 90 тысяч латышей, 70 тысяч эстонцев, 40 тысяч представителей народов Поволжья, 38,5 тысячи азербайджанцев, 37 тысяч литовцев, 28 тысяч представителей народов Северного Кавказа, 20 тысяч белорусов, 20 тысяч грузин, 20 тысяч крымских татар, 20 тысяч советских немцев и фольксдойче, 18 тысяч армян, 5 тысяч калмыков, 4,5 тысячи ингерманландцев. Последние преимущественно служили на стороне финнов. У меня нет точных данных о численности молдаван. В рядах власовской армии — войска КОНР — в 1944–1945 годах служили не только русские, но и представители всех других народов, вплоть до евреев и караимов. Однако власовцы составляли всего лишь 10% от общего числа граждан СССР, служивших на стороне Германии и ее союзников. Называть их всех «власовцами», как это делалось в СССР, нет оснований.

Был ли в истории России подобный пример столь массового коллаборационизма? Что подвигало людей на предательство (и всегда ли переход на сторону агрессора можно назвать предательством)?

— Распространена точка зрения, в соответствии с которой численность советских граждан, несших военную службу на стороне врага, не так уж и значительна относительно численности населения СССР в целом. Это некорректный подход. Во-первых, в оккупации в 1941–1942 годах оказалась несравнимо меньшая часть советского населения, особенно на территории РСФСР. Еще неизвестно, сколько бы «добровольных помощников» оказалось у Вермахта, если бы немцы, например, дошли до Тамбовщины. Во-вторых, из военнопленных набор добровольцев начался только весной 1942 года, когда более половины из тех, кто попал в плен в 1941 году, уже погибли первой военной зимой. Как бы ни расценивать это трагическое явление и мотивы поступков этих людей, остается фактом, что граждане СССР, состоявшие на военной службе противника, восполнили его военные потери погибшими на четверть. Граждане СССР составили примерно 6–8% от суммарных людских ресурсов, использованных Германией на военной службе. Примерно каждый 16-й или 17-й военнослужащий противника имел по состоянию на 22 июня 1941 года советское гражданство. Далеко не все из них воевали с оружием в руках. Но они заменяли собой немецких военнослужащих, направлявшихся, допустим, с обслуживающих должностей в строй. Поэтому трудно оспорить тезис немецкого военного историка К. Г. Пфедфера, назвавшего помощь и участие советского населения важными условиями, определявшими для Вермахта возможность вести боевые действия на Восточном фронте в течение длительного времени.

Ни в одной войне, которую вела Российская империя, не было ничего подобного. Не было и другого. Случаи государственной измены русских офицеров во время Первой Отечественной войны 1812 года единичны и практически неизвестны во время Восточной войны 1853–1856 годов, Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской 1904–1905 годов. Из 14 тысяч офицерских и статских чинов Русской Императорской армии, плененных вра-

гом в 1914—1917 годах, за редчайшим исключением практически все сохранили верность присяге, не говоря уже о том, что никто из них не пытался создать общевойсковую армию для участия в боевых действиях на стороне Германии или Австро-Венгрии. Так же принципиально вели себя и офицеры противника в русском плену. В годы Второй мировой войны факты государственной измены приобрели заметный характер только среди офицеров Вермахта в советском плену и представителей командно-начальствующего состава Красной Армии в немецком плену. В деятельности антинацистского Союза немецких офицеров генерала артиллерии В. А. фон Зайдлица-Курибаха в советском плену приняли участие 300—400 офицеров Вермахта. Во Власовском движении в 1943—1945 годах, по поименному учету, участвовали более 1000 представителей командно-начальствующего и политического состава Красной Армии. Только у Власова весной 1945 года служили 5 генерал-майоров, 1 комбриг, 1 бригадный комиссар, 42 полковника и подполковника Красной Армии, 1 капитан первого ранга ВМФ, более 40 майоров Красной Армии и т. д. В таких масштабах ничего подобного не отмечалось среди военнопленных офицеров, например, Польши, Югославии, Великобритании или США.

Мне кажется, что независимо от мотивации причины массовой государственной измены всегда связаны с особенностями того государства, которому гражданин изменяет, если хотите, — следствие государственного нездоровья. Гитлер обрек на уничтожение целые народы, сверг Германию в безысходную войну, поставил немецкий народ на грань существования. Мог ли фюрер рассчитывать на безусловную лояльность своих офицеров и генералов? Большевики истребили в России целые сословия, уничтожили Церковь и старую морально-религиозную основу воинской присяги, ввели новое крепостное право и принудительный труд в масштабах страны, развязали массовые репрессии и отказались тем более от собственных граждан, попавших в плен. Мог ли Сталин

рассчитывать на безусловную лояльность своих бойцов и командиров?.. Так что государственная измена — и Гитлеру, и Сталину — была естественным и неизбежным результатом их практической политики. Другое дело, что в современной России и Германии нет и вряд ли будет единодушное отношение к тем, кто эту измену совершил. Интересно, например, что в 1956 году в ФРГ генерал Зайдлиц был официально реабилитирован. Федеральный суд отменил расстрельный приговор, вынесенный Зайдлицу нацистами в 1944 году, мотивируя свое решение тем, что генерал совершил измену, «преимущественно руководствуясь своим враждебным отношением к национал-социализму». В Берлине есть Штауффенбергштрассе — в честь одного из руководителей антигитлеровского заговора. Многие, но все-таки далеко не все немцы с этим согласны. Вероятно, еще больше полагают, что сравнивать поступки генерала Зайдлица и полковника К. Ф. фон Штауффенберга нельзя. Понятно, что говорить о генерале Власове и его единомышленниках в России еще сложнее. Эта тема, наверное, самая болезненная.

Общепринятая точка зрения: генерал Власов — предатель, а не идейный борец с большевизмом и сталинской тиранией.

— Верно, такая оценка объективно господствует в современном российском обществе. И тем не менее мне кажется, что за последние двадцать лет серьезно возросло количество тех, кто под влиянием новых знаний об истории собственной страны первой половины XX века изменил свое отношение к Власову или, по крайней мере, согласен с тем, что эта тема более сложная, чем представлялось нам в Советском Союзе. К сожалению, изучению этой темы не способствует невероятное количество мифов о Власове, получивших распространение буквально в последние несколько лет благодаря творчеству некоторых малосведущих публицистов и любителей дешевых сенсаций.

Два довода в пользу этого. Первый: он много лет был в большевистской партии, сделал блестящую карьеру в нашей армии. И только попав в плен, стал «идейным борцом со сталинской системой» (в отличие от некоторых белоэмигрантов, тоже поддерживавших Гитлера: они не любили фашистов, но еще более ненавидели большевиков, поэтому искренне заблуждались).

— *Партийность и карьера Власова* — это лишь внешняя, видимая сторона его жизни в Советском Союзе, впрочем, как и многих других наших соотечественников. О чем думал Власов на самом деле, честно служа той власти, которая раскулачивала его односельчан, никто не знает. Вы посмотрите, сколько миллионов у нас было членов КПСС, сотрудников органов госбезопасности, военных всех званий и родов войск. А многие ли из них вышли защищать советскую власть и Советский Союз в 1991 году и оказались готовы умереть за те слова, которые произносили на партийных собраниях?.. Так что партийность и карьера еще далеко не показатель личной преданности советскому государству.

Я вот на другой аспект проблемы обращаю ваше внимание. Вы говорите — только попав в плен, стал «идейным борцом со сталинской системой». Верно: только попав в плен. Очевидно, что система всеобщего доноительства, страха, подавления, которую недаром Сталин так умело и методично выстраивал в 1930-е годы в СССР, исключала возможность каких-либо не только протестных действий, но зачастую даже и оппозиционных замыслов. У будущего командира 2-й власовской дивизии, полковника Красной Армии Г. А. Зверева личный адъютант накануне войны был сексотом органов НКВД. Какая там борьба... друг друга боялись. Кстати, в нацистской Германии, в Вермахте, Гитлер такой атмосферы не сумел создать. В результате чего и получил полдюжины покушений в 1943—1944 годах. Так вот. Мы совершенно забываем о том, что Власову в июле 1942 года в немецком плену ничего не угрожало. Его никто не принуждал к сотрудничеству, не заставлял под угрозой расстрела или

концлагеря выступать против Сталина. Нацистам вообще Власов был не нужен, они и не были заинтересованы в появлении такой фигуры. Власов, как политическая фигура, интересовал только противников Гитлера и его оккупационной политики, а это был очень узкий круг лиц. Поэтому Власов, став «идейным борцом со сталинской системой», как вы сказали, принимал решение совершенно свободно. В отличие от некоторых других пленных советских генералов, органы НКВД не имели на Власова никакого компромата. В конце июня — июле 1942 года Сталин был очень обеспокоен судьбой Власова и требовал вывезти его из окружения на Волхове, спасти любой ценой, сохранились соответствующие радиোগраммы.

В 1941–1944 годах на Восточном фронте были пленены 82 генерала и командира Красной Армии, чьи звания можно приравнять к таковым (включая двух генералов и корпусного комиссара, погибших непосредственно на поле боя и в плену не находившихся). Из них погибли и умерли 25 человек (30%), а если исключить трех вышеупомянутых лиц, то 22 человека (27%). Интересно, что из 167 генералов Вермахта и приравненных к ним лиц, попавших в советский плен в период с 22 июня 1941 года по 8 мая 1945 года, погибли 60 человек (36%). 62 советских генерала и командира в приравненных званиях отказались от какого-либо сотрудничества с противником. В итоге из них 10 человек (16%) умерли от ран, болезней и лишений, 12 (19%) были убиты при разных обстоятельствах (в том числе 8 генералов немцы расстреляли за «активную патриотическую деятельность» — попытки побега или за просоветскую агитацию), а большинство (40 человек, или 65%, практически две трети) вернулись в Советский Союз. Из вернувшихся на родину генералов, сохранивших в плену лояльность советскому государству, погибли в результате репрессий 9 человек (меньше четверти) — те, на кого руководители ГУКР Смерш располагали бесспорным компроматом, несмотря на их пассивное поведение. Остальные дождались реабилитации и пенсионного обеспечения.

Среди них вполне мог быть Власов — ему нужно было просто остаться в лагере и вести себя достаточно пассивно, не совершая никаких резких поступков. Но Власов по собственной воле сделал выбор, который резко повысил его жизненные риски. И этот выбор в конце концов заставил его пожертвовать не только жизнью, но и именем. В отечественной истории было достаточно личностей, добровольно жертвовавших своей жизнью во имя определенной цели. Но тех, кто приносил в жертву еще и собственное имя, несравнимо меньше. Кстати, очень немногим известно, что генералы Власов, Трухин, Малышкин и другие их соратники были осуждены не Военной коллегией Верховного суда СССР, а предварительным решением сталинского Политбюро, высшего партийного органа, принимавшего в 1920—1940-е годы многие репрессивные постановления. Все члены Военной коллегии под председательством печально знаменитого генерал-полковника В. В. Ульриха были членами ВКП (б) и ночью 1 августа 1946 года они просто озвучили приговор Политбюро. Напомню, что целый ряд ответственных работников МГБ, которые вели «следствие» по «делу Власова», в 1950-е годы были расстреляны (Леонов, Комаров) или уволены из органов (Коваленко, Соколов) за «грубые нарушения социалистической законности» и применение пыток к подследственным.

Второй довод, главный: борьба Власова ставила утопическую цель — свободную и сильную Россию без Сталина и его клики.

— Сейчас, по прошествии 65 лет, очевидно, что шансов на успех у власовцев почти не было. Думаю, что многие из них это понимали и во время войны. Один из них, соавтор Пражского манифеста, лейтенант РККА А. Н. Зайцев писал в 1943 году своей будущей жене: «30% за то, что нас повесит Гитлер, 30% за то, что нас повесит Сталин, 30% за то, что нас расстреляют союзники. И только 10% — возможность успеха. Но все равно, необходимо рискнуть». Лично мне кажется, что

несомненное значение имела сама попытка бросить вызов Сталину, независимо от того, достигла бы она успеха или нет. С этой попыткой связали свою судьбу примерно 130 тысяч наших соотечественников, которых можно считать участниками Власовского движения. И их попытка, неважно была ли она утопична или нет, и их судьба — стали трагедией. Но она же показала, что Сталин не смог подавить в русском обществе волю к сопротивлению. Пусть хотя бы это сопротивление и зародилось за колючей проволокой немецких лагерей военнопленных.

Вместе с тем я совершенно согласен с тем, что подобную точку зрения сегодня разделяет меньшинство. Но она имеет право на существование — особенно на фоне небезуспешных попыток превратить Сталина в национального героя.

При этом Власов и его армия шли вместе с фашистами, которые вовсе не планировали сделать Россию сильной и свободной.

— Формально вы правы, конечно. Но тут есть важные нюансы и оттенки, которые нельзя не учитывать и которые, как правило, игнорируются.

Акцию Власова осенью 1942 года и Власовское движение зимой — весной 1943 года поддерживали и пытались популяризировать не нацисты (правильнее говорить так, фашисты были только в Италии), а их противники в оппозиционных кругах Вермахта. В феврале — марте 1943 года генерал-майор Х. фон Тресков организовал приезд Власова в тыловой район группы армий «Центр», рассчитывая на то, что после убийства Гитлера, которое должно было состояться 13 марта, Власов станет главой русского правительства в Смоленске и характер войны немедленно изменится. Взрыватель бомбы, как известно, не сработал. Гитлер остался жив, а Власов по его приказу за собственные публичные патриотические высказывания на оккупированных территориях отправился под домашний арест в июне 1943 года.

В конце войны, когда у Власова и его соратников действительно появилась своя армия (или ее прообраз), то их цель заключалась уже только в том, чтобы сформировать в короткий срок как можно более многочисленные части, привлечь к себе и вооружить как можно больше соотечественников, подчинить всех восточных добровольцев... и перевести этих людей на сторону западных союзников, чтобы спасти противников советской власти и врагов Сталина. А таких было все-таки и в 1945 году достаточно. Насильственных выдач, конечно, никто не мог предвидеть.

Пишут, что войны РОА приносили присягу Гитлеру.

— Военнослужащие восточных подразделений в составе Вермахта в 1942–1944 годах приносили обычную немецкую присягу, подразумевавшую верность фюреру. Это правда. Но до этого, напомним, абсолютное большинство восточных добровольцев приносили советскую присягу. Думаю, что при этом Гитлеру они были лояльны настолько же, насколько и ранее Сталину. Военнослужащие власовской армии, войск КОНР в 1944–1945 годах присягу на лояльность Гитлеру не приносили. Речь шла только о КОНР и Власове. Но в текст по требованию представителей Главного управления СС был внесен пункт о верности союзу с теми народами Европы, которые ведут борьбу под верховным руководством Гитлера. Как только Гитлер покончил с собой, этот пункт автоматически утратил свое значение. И, кстати, несколько суток спустя, 1-я дивизия войск КОНР под командованием генерал-майора С. К. Буняченко вмешалась в Пражское восстание. Власов присягу Гитлеру не приносил, об этом нет никаких документов. Любопытно, что в 1950–1960-е годы в ФРГ А. Х. Билленберг, с которой Власов оформил брак в апреле 1945 года, пыталась добиться генеральской пенсии, как вдова генерала. Однако федеральные власти ей в этом отказали. Соответствующие инстанции объяснили, что русский генерал Власов не состоял на германской военной службе и его вдова ни-

каких пенсионных прав не имеет. По тем же причинам, как правило, отказывали в ФРГ в пенсионном обеспечении и военнослужащим власовской армии, статус которых рассматривался как союзный.

Фашисты пользовались Власовым как орудием для формирования пятой колонны внутри страны-противника...

— Простите, не могу с вами согласиться. «Пятую колонну» в советском государстве упорно и последовательно создавали не Власов и фашисты, а Ленин, Сталин и большевики на протяжении двадцати предвоенных лет. Причем создавали достаточно упрямо и успешно. Без их усилий не было ни Власова, по крайней мере в том виде, в каком он вошел в историю, ни Власовского движения, ни Пражского манифеста, ни войск КОНР. Власов стал только символом, лидером для этих людей. А если бы он погиб в 1942 году на Волхове, нашелся бы какой-нибудь другой генерал — но это движение все равно бы состоялось. Только, вероятно, связывалось бы с другим именем.

...и если бы они победили — Россия не возродилась (Гитлер бы не допустил этого), а оказалась бы раздробленной колонией, источником ресурсов для Рейха. Вы не согласны с этими доводами?

— Вы знаете, Власов еще в августе 1942 года на допросах откровенно заявил, что Германия не сможет одержать победу над Советским Союзом — и это в тот момент, когда Вермахт выходил к Волге. Сегодня же можно говорить о том, что у Гитлера вообще не было шансов одержать победу во Второй мировой войне, слишком несопоставимы оказались ресурсы Германии и ее противников. Власов совсем не связывал свои планы с победой Гитлера на Востоке — как раз в этом случае он Гитлеру-то и не был бы нужен. Сначала он искренне рассчитывал на то, что удастся в тылу у немцев создать достаточно сильную и самостоятельную русскую армию. Затем надежды связывались с активностью заговорщи-

ков и планами на радикальное изменение оккупационной политики, в результате чего такая русская армия вот-вот появится. С лета 1943 года Власов возлагал надежды на западных союзников. При любом исходе, как казалось Власову, возможны были варианты — главное было получить свою значительную вооруженную силу. Но вариантов, как показала история, не оказалось.

Что же касается личных настроений Власова и оценок им перспектив превращения России в колонию Рейха, то я процитирую один немецкий документ, который нашел несколько лет назад в одном американском архиве. Это ведомственное донесение представителя специального штаба Розенберга в тыловом районе группы армий «Центр» от 14 марта 1943 года. Днем раньше Власов находился в Могилеве. Откровенно развивая свои взгляды в узком кругу немецких слушателей, Власов подчеркнул, что среди противников Сталина есть много людей «с твердым характером, готовых отдать жизнь за освобождение России от большевизма, но отвергающих немецкую кабалу». Вместе с тем «они готовы тесно сотрудничать с немецким народом, без ущерба для своей свободы и чести». «Русский народ жил, живет и будет жить, никогда он не станет колониальным народом», — твердо заявил бывший пленный генерал. В заключение, по сообщению немецкого источника, Власов выразил надежду «на здоровое обновление России и на взрыв национальной гордости русского народа».

Добавить мне к этому конфиденциальному донесению о настроениях Власова нечего.

Каков реальный вклад наших союзников в разгром Германии?

— Из приведенных в начале нашей беседы цифр потерь следует, что более двух третей безвозвратных потерь в живой силе общему врагу нанесли советские Вооруженные Силы, разгромив и пленив 607 дивизий противника. Этим характеризуется главный вклад СССР в победу над нацистской Германией.

Западные союзники внесли решающий вклад в военное промышленное превосходство антигитлеровской коалиции в экономике и отмобилизованных ресурсах, в победы над общим врагом на море и в воздухе, а также в целом они уничтожили около трети живой силы, разгромив и пленив 176 дивизий противника.

Поэтому, на мой частный взгляд, победа антигитлеровской коалиции стала действительно общей. Горделивая попытка вычленив из нее «советский» или «американский» вклад, объявив его «решающим» или «преимущественным», носит политический характер и к истории уже отношения не имеет. Делить усилия союзников на «главные» и «второстепенные» неправильно.

Однако мне кажется, что спустя 65 лет после такой страшной войны, когда ее предельно безжалостный характер, поправивший все нормы христианской морали, уже не вызывает сомнений, триумфализм должен бы уступить место состраданию и скорби по многомиллионным жертвам. Почему это все произошло?.. Государственная политика должна быть в первую очередь направлена на увековечивание памяти погибших и оказание реальной и ощутимой помощи совсем немногим оставшимся в живых ее участникам и современникам.

Мы так любим военные парады, тратим на них многомиллионные средства, но сколько у нас еще разбросанных по лесам и болотам солдатских костей?

Мы 65 лет трубим о своей победе, но как эти десятилетия жили побежденные, а как победители?

Для нашей страны и народа война была национальным бедствием, сравнимым только с коллективизацией и искусственным голодомором 1932–1933 годов. А мы в качестве доказательства своего государственного величия все говорим о том, сколько миллионов мы потеряли... Вот какие мы замечательные, за cenой не постояли. На самом деле здесь не гордиться и радоваться, а плакать и молиться надо. А если радоваться — то только тому, что хоть кто-то домой, слава Богу, в семью вернулся живым. И, наконец, необходимо предъявить исто-

рический счет сталинской власти, которая заплатила такую чудовищную цену не только за приход в Берлин, но и за свое самосохранение. Впрочем, это уже эмоции.

Многие полагают, что мы вполне обошлись бы и без них и что они стали нам помогать больше от страха, как бы Сталин, победив, не сделал всю Европу социалистической.

— Давайте вспомним сначала вот о чем. В период с осени 1939 года по весну 1941 года Германия успешно вела боевые действия в Европе. За 1940 год через территорию СССР прошло 59% всего германского импорта и 49% экспорта, а до 22 июня 1941 — соответственно 72% и 64%. Тем самым на первой стадии войны в Европе Рейх успешно преодолевал экономическую блокаду при помощи Советского Союза. Такая позиция СССР способствовала нацистской агрессии в Европе или препятствовала ей? В 1940 году на Германию приходилось 52% всего советского экспорта, в т. ч. 50% экспорта фосфатов, 77% — асбеста, 62% — хрома, 40% — марганца, 75% — нефти, 77% — зерна. После разгрома Франции Великобритания практически в одиночку целый год мужественно сопротивлялась нацистам.

В этот тяжелый год, когда Люфтваффе бомбили британские города, кому объективно помогал Советский Союз?

А кому помогали союзники после 22 июня 1941 года?

За годы войны с Германией по знаменитому ленд-лизу СССР получил поставок от союзников на общую сумму в 11 млрд долларов (по их стоимости 1945 года). Союзники поставили СССР 22 150 самолетов, 12,7 тысячи танков, 8 тысяч зенитных орудий, 132 тысячи пулеметов, 427 тысяч автомобилей, 8 тысяч тягачей, 472 миллиона снарядов, 11 тысяч вагонов, 1,9 тысячи паровозов и 66 дизель-электровозов, 540 тысяч тонн рельсов, 4,5 миллиона тонн продовольствия и т. д. Вся номенклатуру поставок здесь невозможно назвать. Основные поставки танков и самолетов от союзников приходятся на период с конца 1941 года по 1943 год — то есть на самый тяжелый период войны. Западные поставки

по стратегическим материалам составляли от советского производства за весь военный период: по порохам и взрывчатке — 53%, по авиабензину — более 55%, по меди и алюминию — более 70%, по броневому листу — 46%. За годы войны в СССР произвели 115,4 тысячи металлорежущих станков. Союзники поставили еще 44,6 тысячи — причем более качественных и дорогих. Союзники отвлекли на себя почти весь флот противника, почти две трети Люфтваффе, а после высадки в Европе — около 40% сухопутных сил врага.

Так обошлись бы мы без помощи и участия союзников? Думаю, вряд ли.

Была ли военная необходимость в том, что американцы сбросили атомные бомбы на Японию? У нас многие считают, что тут была не столько забота о победе над врагом, сколько демонстрация силы и попытка надавить на СССР. Как вы оцениваете ту бомбардировку — преступление или целесообразная военная акция?

— Напомню, что США оказались стороной, атакованной Японией. Формально они имели право защищаться любым доступным для себя способом. Конечно, с гуманитарной и христианской точки зрения применение атомного оружия, жертвами которого стало в первую очередь гражданское население, производит ужасное впечатление. Равно как и немотивированная знаменитая бомбардировка союзниками Дрездена. Но, признаюсь, не более ужасно, чем, например, медицинские опыты над гражданскими лицами, которые ставились в японском спецотряде № 731 в Маньчжурии. Цель этих опытов заключалась в том, чтобы разработать средства, при помощи которых можно было бы осуществить бактериологическую атаку американского побережья, например, в Калифорнии. Тот, кто сеет ветер, пожнет бурю.

Бесспорно, атомные бомбардировки в первую очередь должны были заставить императора Хирохито сложить оружие. Вероятно, что вторжение союзников на Японские острова унесло бы еще больше человеческих жизней. В Европе летом 1945 года союзники располагали доста-

точными силами, чтобы показать Сталину свое преимущество и возможности при помощи демонстрации своей многочисленной бомбардировочной авиации. Ответить на ваш последний вопрос сложнее всего, так как необходимо исходить не из приобретенного нами опыта и знаний всего послевоенного времени, а из реалий августа 1945 года.

А отстраниться трудно.

А что произошло бы, если бы летом 45-го такая бомба была бы не у американцев, а только в распоряжении руководства СССР? Какой наиболее вероятный сценарий поведения Сталина и его окружения?

— Это уже вопрос не к историку. Все-таки думаю, что Сталина в любых его политических шагах на протяжении всей карьеры в большевистской партии могли остановить лишь вопросы целесообразности или угроза, скажем так, асимметричного ответа.

Маршал Жуков — гениальный полководец или человек, который «не считал людей», то есть выигрывал сражения не умением, а числом?

— Те представления, которые у меня сложились о маршале Г. К. Жукове и его операциях, позволяют мне согласиться с последним суждением. Конечно, мне знакома и противоположная точка зрения, и аргументы оппонентов, А. В. Исаева, например.

Но, честно говоря, они меня не убеждают.

Из русской истории мы знаем, что государи часто мешали полководцам. Мешал ли военным Сталин? Или он был достаточно умен для того, чтобы в нужный момент соглашаться с профессионалами?

— Не так уж и часто. В Московский период, как мне кажется, больше всего вмешивался Иван IV, а вот цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович вели себя в этом отношении вполне сдержанно. В Петербургский период Петр I сам считал себя полководцем. Екатерина II и Павел I вполне доверяли профессионалам на театрах военных действий, хотя отношения с некоторыми

из них у монархов были сложными. Александр I не столько сам вмешивался, сколько был склонен порой попадать под чужое влияние и отстаивать чужую точку зрения как свою. Николай I и Александр II доверяли профессионалам. Николай II, вопреки распространенному мнению, став в 1915 году во главе Действующей армии, доверил управление войсками генералу Алексееву — бывшему тогда лучшим представителем русской военной Академии. Государь внимательно вникал во все вопросы, но ценил опыт и знания Алексеева, соглашаясь с его точкой зрения.

Сталин был талантливым самоучкой. Нельзя отрицать того, что он был очень обучаем и постоянно пополнял свои военные знания, стремился к тому, чтобы разбираться в сложных вопросах. Но, доведя до логического конца политический замысел Ленина, Сталин создал мобилизационную систему, которая существовала только за счет насилия и постоянных человеческих жертв. В ней не было места профессионализму и свободному творчеству по определению.

В отличие от нацистской Германии, в СССР военные стали частью партийной номенклатуры, коллективную волю которой выражал Сталин. А отношения внутри номенклатуры строились на основе страха и личной преданности вождю. Мне кажется, что Сталин не мешал военным, так как они служили ему и созданной им системе. Практиковавшиеся время от времени расстрелы тех или иных генералов были лишь хорошей воспитательной мерой: никто не мог чувствовать себя в безопасности, даже если пользовался, казалось бы, доверием Хозяина.

Как в целом можно оценить роль Сталина в ВОВ? Хотелось бы уйти от крайностей, от политизированных суждений. Понятно, что для многих людей советский период истории — это святое, их жизнь, память, идеалы, и опрокидывать, клеймить все это — значит перечеркивать, обесценивать смысл их жизни...

— С момента избрания Генеральным секретарем ЦК в 1922 году Сталин готовился к большой войне, победа в которой должна была вознести номенклатуру больше-

вистской партии на невиданную высоту. Ради сохранения власти номенклатуры ВКП (б) он принес в жертву миллионы крестьян в годы коллективизации и затем превратил страну в один большой цех по производству военной продукции. Ради консолидации режима и сокрытия последствий коллективизации он развязал «ежовщину». Ради того, чтобы вступить в войну в наиболее выгодный для Советского Союза момент, Сталин, к изумлению всего мира, пошел на сближение с Гитлером и предоставил ему свободу действий в Европе в 1939—1940 годах.

В конце концов, система, которую создал Сталин, позволила ему в годы войны вновь принести невероятные по количеству жертвы, сохранить ленинское государство и власть того «нового класса», партийной бюрократии, чью коллективную волю он олицетворял. Война позволила Сталину распространить похожие однопартийные режимы далеко за пределы СССР — в противном случае социалистический эксперимент бесславно закончился бы на десятилетия раньше. Именно Сталин сделал ложь и самообман на всех уровнях важнейшей основой существования советского общества. Советский Союз распался именно из-за лжи, в которую не верили уже ни те, кто ее произносил, ни те, для кого она предназначалась. В итоге святые идеалы советского периода, о которых вы сказали, оказались подобны тем языческим истуканам, которых киевляне с легкостью сбросили в Днепр, приняв в 988 году христианство. Никто их не стал защищать.

Только вот способны ли мы вновь обратиться к Христу? Или нас все больше тянет к Сталину?

У меня нет ответа на этот вопрос.

Почему Минобороны России до сих пор скрывает так много документов по истории ВОВ? Стыдно открывать? Всплывут какие-то вещи, которые могут стать пятном на потомках многих известных тогда людей?

— Нет, полагаю, на самом деле проблема серьезнее и не связана с беспокойством за состояние и возможные переживания потомков отдельных знаменитых генера-

лов и маршалов. Полагаю, что, если откроется беспрепятственный доступ ко всем документам ЦАМО, в том числе и тем, которые хранятся за пределами собственно архива в Подольске, та версия войны, которую нам создал Сталин, окажется совсем несостоятельной. Это касается очень многих больных тем и вопросов — например, оперативного планирования в первом полугодии 1941 года, обстоятельств вступления в войну Финляндии, потерь в отдельных операциях, битвы за Ржев, партизанского движения, боевых действий в Восточной Европе и т. д.

Но главным станет вопрос — почему же мы заплатили такую страшную цену за победу и кто несет за это ответственность? Хотя, конечно, думаю, что и многие документы армейских политотделов, например, касающиеся моральной стороны войны, произведут тяжелое впечатление. Правда не будет способствовать сохранению в обществе триумфализма.

На Западе немало говорят о бесчинствах нашей армии в Германии.

— К сожалению, небезосновательно.

Отдельные зверства, изнасилования и мародерства, наверное, в такой ситуации неизбежны, но обычно они сдерживаются жесточайшими запретами и расстрелами.

— У меня сложилось впечатление, что это был поток, который невозможно было остановить никакими репрессиями. А в последнее время задумываюсь — да и пытались ли его остановить?

Расстрелы насильников и мародеров были и у нас, но, говорят, в Восточной Пруссии было дано «послабление», что стало искушением для многих «морально неустойчивых» бойцов. Так ли это? Можно ли сказать, что в своем обращении с мирным населением в Европе (и особенно в Германии) мы невыгодно отличались от союзников?

— Давайте не будем голословно рассуждать, а просто вновь обратимся к воспоминаниям покойного сержанта Николая Никулина.

«Петров, как звали почтальона, показавшийся мне таким милым вначале, в конце войны раскрылся как уголовник, мародер и насильник. В Германии, на правах старой дружбы, он рассказал мне, сколько золотых часов и браслетов ему удалось грабануть, скольких немков он испортил. Именно от него я услышал первый из бесконечной серии рассказ на тему «наши за границей». Этот рассказ сперва показался мне чудовищной выдумкой, возмутил меня и потому навсегда врезался в память: «Прихожу я на батарею, а там старички-огневички готовят пир. От пушки им отойти нельзя, не положено. Они прямо на станине крутят пельмени из трофейной муки, а у другой станины, по очереди забавляются с немкой, которую притащили откуда-то. Старшина разгоняет их палкой: «Прекратите, старые дураки! Вы, что, заразу хотите внучатам привезти?!» Он уводит немку, уходит, а минут через двадцать все начинается снова». Другой рассказ Петрова о себе: «Иду это я мимо толпы немцев, присматриваю бабенку красивей и вдруг гляжу, стоит фрау с дочкой лет четырнадцати. Хорошенькая, а на груди вроде вывески, написано: «Syphilis», это, значит, для нас, чтобы не трогали. Ах ты, гады, думаю, беру девчонку за руку, мамане автоматом в рыло, и в кусты. Проверим, что у тебя за сифилис! Аппетитная оказалась девчурка...» <...>

Войска тем временем перешли границу Германии. Теперь война повернулась ко мне еще одним своим неожиданным лицом. Казалось, все испытано: смерть, голод, обстрелы, непосильная работа, холод. Так ведь нет! Было еще нечто очень страшное, почти раздавившее меня. Накануне перехода на территорию Райха в войска приехали агитаторы. Некоторые в больших чинах. «Смерть за смерть!!! Кровь за кровь!!! Не забудем!!! Не простим!!! Отомстим!!!!» и так далее... До этого основательно постарался Эренбург, чьи трескучие, хлесткие статьи все читали: «Папа, убей немца!» И получился нацизм наоборот. Правда, те безобразничали по плану: сеть гетто, сеть лагерей. Учет и составление спи-

сков награбленного. Реестр наказаний, плановые расстрелы и т. д. У нас все пошло стихийно, по-славянски. Бей, ребята, жги, глуши! Порти ихних баб! Да еще перед наступлением обильно снабдили войска водкой. И пошло, и пошло! Пострадали, как всегда, невинные. Бонзы, как всегда, удрали... Без разбору жгли дома, убивали каких-то случайных старух, бесцельно расстреливали стада коров. Очень популярна была выдуманная кем-то шутка: «Сидит Иван около горящего дома. «Что ты делаешь?» — спрашивают его. — «Да вот, портяночки надо было просушить, костерок развел»...

Трупы, трупы, трупы. Немцы, конечно, подонки, но зачем же уподобляться им? Армия унизила себя. Нация унизила себя. Это было самое страшное на войне. Трупы, трупы... На вокзал города Алленштайн, который доблестная конница генерала Осликовского захватила неожиданно для противника, прибыло несколько эшелонов с немецкими беженцами. Они думали, что едут в свой тыл, а попали... Я видел результаты приема, который им оказали. Перроны вокзала были покрыты кучами распотрошенных чемоданов, узлов, баулов. Повсюду одежонка, детские вещи, распоротые подушки. Все это в лужах крови...

«Каждый имеет право послать раз в месяц посылку домой весом в двенадцать килограммов», — официально объявило начальство. И пошло, и пошло! Пьяный Иван врывается в бомбоубежище, трахал автоматом об стол и страшно вылупив глаза, орал: «УРРРРРА! Гады!» Дрожащие немки несли со всех сторон часы, которые сгребали в «сидор» и уносили. Прославился один солдатик, который заставлял немку держать свечу (электричества не было), в то время, как он рылся в ее сундуках. Грабь! Хватай! Как эпидемия, эта напасть захлестнула всех... Потом уже опомнились, да поздно было: черт вылетел из бутылки. Добрые, ласковые русские мужики превратились в чудовищ. Они были страшны в одиночку, а в стаде стали такими, что и описать невозможно!»

— Думаю, что комментарии излишни.

В массовом сознании остаются два мифологических взгляда на Сталина: либо он источник всех побед (культ), либо «серийный убийца» (демонизация). Возможен ли сегодня объективный, беспристрастный взгляд?

— Все зависит от критериев, которые вы используете, и от системы ценностей. Например, одни считают высшей ценностью государство, чье величие и интересы государственного аппарата преобладают над интересами общества и частных лиц. Гражданин — это необходимый расходный материал. И если Сталин сорил собственным народом, то исключительно ради его блага и конечной победной цели.

Другие считают каждого человека Творением Божьим, неповторимым и уникальным. С этой точки зрения суть элементарной политики заключается в создании таких условий, в которых бы повышалось благосостояние граждан, защищались их жизнь, безопасность и имущество. Главный критерий ведения войны — стремление к минимизации жертв среди собственного населения и военнослужащих. Здоровый эгоизм.

Понятно, что при таких ценностных расхождении-ях согласовать диаметрально противоположные оценки Сталина нельзя.

Как вы относитесь к тому, что многие в сегодняшней России считают его «эффективным менеджером»? При этом отталкиваясь от некоторых фактов: индустриализация, великие стройки, военная промышленность, победа в ВОВ, быстрое восстановление после войны, атомная бомба и т. п. Да еще и «цены снижали»...

— Отношусь отрицательно. Ленин, а еще больше Сталин настолько опустошили страну, что в итоге к концу советского периода мы так и не смогли восполнить понесенные демографические потери, составившие за 1917—1953 годы примерно 52—53 млн человек (вместе с военными, конечно). Все сталинские достижения эфемерны — в цивилизованном Российском государстве удалось бы достичь гораздо большего, и с приростом, а не убылью населения.

Так, например, индустриализация успешно осуществлялась с последней трети XIX века и к 1913 году Россия по объемам промышленного производства занимала устойчивое 5–6-е место в мире, а по темпам экономического роста — одно из первых и входила в группу таких развивавшихся в тот момент стран, как США, Япония и Швеция. При этом 100 лет назад успешная индустриализация и становление частной крестьянской собственности на землю не сопровождалась массовыми репрессиями, созданием системы принудительного труда и гибелью миллионов крестьян.

На 1 января 1911 года в России в местах заключения содержались 174 733 человека (в том числе лишь 1331 политический) — это составляло 0,1% населения страны. На 1 января 1939 года в СССР в лагерях и спецпоселках находились 3 миллиона человек (в том числе 1,6 миллиона политических) — это составляло 1,6% населения страны. Общая разница в 16 раз (а по политическим — разница более чем в 1200 раз!).

Без большевиков, Ленина и Сталина Россия бы стала одной из самых густонаселенных и высокоразвитых стран, а уровень ее благосостояния вряд ли бы уступал как минимум современной Финляндии, которая 100 лет назад была частью Российской империи. Высококвалифицированная инженерно-техническая элита и промышленный класс, которые страна потеряла после Октябрьского переворота 1917 года, успешно бы завершили индустриализацию. Полагаю, что не было бы союза исторического Российского государства с Гитлером, и соответственно условий, которые позволили ему успешно вести войну в Европе против западных союзников в 1939–1940 годах. Но главное — сохранились бы Церковь и русская культура, не состоялось бы такого духовного опустошения нации в результате десятилетий постоянной лжи, цинизма, самообмана и бедности.

«Цены снижали», но при этом колхозная деревня деградировала. А в итоге сталинского раскрестьянивания России мы давно зависим от импорта продовольствия.

Существуют ли общепринятые объективные критерии, по которым можно судить об эффективности того или иного государственного лидера?

— *Взгляните на соседнюю Финляндию, которая не имеет таких природных богатств, такой плодородной земли, как Россия. В 1917 году Финляндия стала независимой. В 1918 году в местной гражданской войне победили белые. В годы Второй мировой войны Финляндия дважды отбилась от сталинских притязаний. Аккуратно выплатила все репарации СССР. Есть ли сегодня смысл сравнивать уровень жизни среднестатистического финна и жителя Российской Федерации? Или хотя бы чистоту улиц Хельсинки и Санкт-Петербурга?*

Благосостояние общества и граждан, их безопасность и защищенность — вот самые простые критерии. Вероятно, финские политики следовали им, поэтому сумели сохранить независимость страны, хоть и ценой дорогих территориальных потерь, и национальную идентичность своего небольшого народа.

Если за критерии брать рост политической и военной мощи, мирового влияния, победы в войнах и расширение территории, то Сталин был гений.

— *Цена только оказалась непомерной. Да и что от этого нам осталось через 50 лет после смерти Сталина? Ни мощи, ни влияния, ни территории...*

Что же касается сталинских побед, то их наглядным результатом последние десятилетия является убыль населения. И демографические прогнозы на ближайшие четверть века не очень оптимистичные. А за рубежом Сталин и его политика где сейчас популярны? Только, пожалуй, в Северной Корее.

Вот кто нам остался от сталинского наследия.

Если брать рост рождаемости, снижение смертности, социальную политику, развитие культуры, науки, образования — то при Сталине было далеко не все гладко.

— *Мягко скажем.*

Если политические и экономические права и свободы — то Сталин злодей. Получается: универсальных критериев нет, а каждый судит со своей колокольни? (И вообще, не столь давняя история — это вроде бы не столько наука, сколько политика.)

— Видите ли, история — это все-таки описательная наука. Даже если ее предметом служат не столь давние события. Задача историка — реконструкция событий, сбор, систематизация, исследование фактов, восстановление мозаики минувшего из небольших, разрозненных фрагментов. И он должен собрать их как можно больше. Естественно, что сложенную картинку можно воспринимать и оценивать по-разному. И это уже действительно зависит от критериев.

А вот понимание причинно-следственных связей взаимосвязанных событий — это еще более сложная и ответственная задача. И для того чтобы ее разрешить, нужны и конкуренция, и состязательность, и свободная дискуссия. Поэтому я вам очень признателен за возможность высказать свои не очень популярные точки зрения на разные вопросы, имеющие такое важное значение. Как я надеюсь — не только для прошлого, но и для будущего.

12 марта, 12–14 мая 2010 года

Херманн Грайфе

«ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ»

Публикация и перевод Дмитрия Хмельницкого

Что знали в Германии о Советском Союзе накануне и во время советско-германской войны 1941—45 гг.?

Вопрос этот не такой странный, как неожиданный.

Исход войны парадоксальным образом превратил Сталина в союзника западных стран и чуть ли не в руководителя «антифашистской коалиции». Это на долгие послевоенные десятилетия сделало невозможным открытое обсуждение общественной репутации Советского Союза 30-х годов. Даже холодная война, ставшая, по сути, прямым продолжением довоенного противостояния западных демократий и советской диктатуры, не поколебала официальный статус СССР, как освободителя Европы и борца за мир.

Сегодня существует устойчивое общепринятое впечатление, что пришедшая в Центральную Европу в 1945 г. Красная Армия была для европейцев «terra incognita» — абсолютно неизвестной, но заведомо благородной освободительной силой. Это случилось благодаря тому, что после 1945 г. западные союзники (и политики, и общественность) постарались забыть все плохое, что до 1941 г. говорилось и писалось в их странах о Советском Союзе. Никак невозможно было признавать СССР одновременно официальным спасителем Европы от нацистов и врагом демократии.

То, что писалось плохого о Советском Союзе в предвоенной Германии, тем более не могло рассматриваться после войны иначе как нацистская, а следовательно, и изначально лживая пропаганда. Для историков, не только советских, но и западных, абсолютно невозможно было открыто пользоваться при изучении советской истории немецкими источниками нацистского времени, без риска оказаться в «пособниках нацистов» и «ревизионистах».

Ну а в Советском Союзе вплоть до его распада по определению отсутствовала всякая критическая информация в свой адрес. Как и добросовестная историческая литература о сталинском времени вообще и предвоенной эпохе в частности.

Таким образом, получилось, что после 1945 г. ухнул в научное небытие огромный пласт исторической информации эпохи ранней советологии, накопленный в Европе до войны. Из-за этого мы сегодня имеем ничтожно малое представление о том, какими глазами смотрели тогда европейцы на СССР, что знали о нем, как его себе представляли и что от него ждали. Особенный интерес в этом смысле представляет взгляд на СССР из Германии — ввиду обостряющихся сегодня споров о предпосылках советско-германского союза 1939 г. и военного столкновения 1941 г. То есть ввиду споров о причинах Второй мировой войны.

Между 1921 и 1941 г. в Германии появилось более 900 статей и книг о путешествиях в советскую Россию и жизни в ней. За это же время в англоязычных странах вышло как минимум 370 монографий о путешествиях в Россию на английском языке.

Можно сказать, что об СССР в Европе перед войной знали практически все — конечно, только те, кто хотел узнать. Следует отметить, что информационный обмен был строго односторонним. «Железный занавес», ставший к концу 20-х годов практически непроницаемым с советской стороны, отсутствие свободы передвижения, жесткая цензура и, разумеется, полное

отсутствие советского заграничного туризма делали невозможным получение советским населением реальной информации о заграничной жизни.

В Германии, в силу географической близости, экономических связей и традиционно развитого изучения Восточной Европы интерес к советской России был особенно силен.

В коллекции автора этого текста находится более сотни книг, опубликованных в Германии в предвоенное десятилетие. Большая часть из них подпадает под дежурное понятие «нацистская пропаганда», поскольку либо просто были выпущены в нацистское время, либо к тому же выпущены нацистскими издательствами, снабжены идеологически выдержанными предисловиями и использовались в целях антисоветской пропаганды.

Но слово «пропаганда» совершенно необязательно обозначает «ложь».

Словарное определение пропаганды — «деятельность по распространению идей, направленная на формирование в обществе определенных настроений».

Влиять на формирование общественного мнения можно как лживыми, так и правдивыми способами. В довоенное время нацистская антисоветская пропаганда оказалась в исключительно благоприятных условиях по сравнению со встречной советской антинацистской пропагандой. Что плохого могла сказать советская пропаганда о нацистской Германии до 1941 г.? Почти ничего. То, что вызывало такое отвращение к нацистскому режиму в западных демократиях — политическая диктатура, однопартийная система, преследование политических противников, ликвидация свободы слова и свободы печати, — все это никак не могло испугать советского человека. Со всем этим он был хорошо знаком, и к тому же в гораздо более жестокой форме.

Только во время войны, когда стало известно о нацистском расовом геноциде и карательной политике на оккупированных территориях, советская власть получила в руки правдивый пропагандистский материал против нацистов. Рассказы об Освенциме, зверствах по отношению к «неполноценным расам» и населению оккупированных территорий поражали воображение и отодвигали на второй план, делали гораздо менее существенным сопутствующее традиционное советское идеологическое вранье о фашизме как порождении буржуазного общества и о собственной освободительной роли СССР в мировой войне. Приблизительно так же действовала и находящаяся в более благоприятных условиях нацистская пропаганда.

Для того чтобы объяснить советским людям, что на Западе трудящимся живется гораздо хуже, чем в СССР, советской пропаганде приходилось их обманывать. Причем в общей лживой пропагандистской картине «буржуазного мира» Третий рейх никак не выделялся в худшую сторону по сравнению с западными демократиями. Тем более что слово «фашизм» применялось советской пропагандой в ту пору в то время ко всему, что угодно, включая и европейские социал-демократические партии (социал-фашисты) и вообще не имело конкретного смысла.

В то же время практически любая правдивая информация о жизни в Советском Союзе шла на пользу нацистам. Целью нацистской антисоветской пропаганды до августа 1939 г. и с июня 1941-го (в промежутке антисоветская пропаганда была запрещена) было доказать, что советское население живет в ужасных условиях, что оно ограблено, лишено гражданских прав, подвергается страшному террору, гибнет в невероятных количествах и что во всем этом виноваты евреи, придумавшие марксизм и захватившие власть в СССР.

Последний пункт был логически недоказуем, требовал изощренной и малоубедительной, чисто идеологической аргументации. Все же остальное, касав-

шееся реалий советской жизни и советского режима, подтверждалось свидетельствами и судьбами тысяч людей, побывавших в СССР и покинувших его, иногда чудом и с риском для жизни.

Расовая теория с ее тезисом о расовой неполноценности славян и вообще населения Востока, использовалась в основном для идеологического воспитания эсэсовцев и полицейских и, похоже, играла совсем небольшую роль в открытой пропаганде, направленной на население Германии и Европы. Как правило, она сводилась к примитивному антисемитизму и скорее препятствовала, чем помогала в достижении основной цели.

Нацистская пропаганда против СССР не была гомогенной, скорее это было что-то вроде эмульсии, легко разлагавшейся на составные части. Ведомство Геббельса занималось в основном тем, что брало вполне серьезную и заслуживающую доверия информацию о Советском Союзе из книг и научных исследований и снабжало ее вздорным идеологическим оформлением, как правило, в виде предисловий с расистскими комментариями. Обе составляющие этой пропагандистской эмульсии не смешивались, поэтому отделить пропагандистскую правду от пропагандистского вымысла при минимальных исторических знаниях совсем нетрудно.

Основной массовой нацистской пропаганды военного времени против СССР были два тезиса: а) о страданиях советского населения и б) об освободительной миссии Вермахта на Востоке.

Последний тезис, направленный на то, чтобы сплотить европейские страны вокруг Германии для борьбы с Советским Союзом, не сработал категорически. Репутация гитлеровской Германии после всех ее агрессий в Европе и провокации (пусть и совместно со Сталиным) мировой войны была слишком дурна. В конечном счете Гитлеру не удалось убедить в благородстве собственных помыслов по спасению Европы от большевизма

не только народы оккупированных им или воюющих с ним стран, но даже своих вынужденных союзников.

Но первый тезис, несомненно, имел успех. Информация о сталинском Советском Союзе — его экономике, социальной структуре, нравах, культуре, репрессиях и пр. — по большей части вполне правдивая и подкрепленная свидетельствами массы очевидцев, сыграла свою пропагандистскую роль и оказала влияние на формирование у немецкого народа представления об СССР. А поведение Красной Армии в Восточной Пруссии весной 1945 г. как бы специально подтвердило правоту геббельсовской пропаганды о диких советских нравах. Все это способствовало тому, что на Восточном фронте немецкие войска сопротивлялись до последнего, стараясь дать возможность уйти на Запад мирному населению и надеясь на сдачу в плен не русским, а американцам. Недаром автор известного исследования о нацистской пропаганде Роберт Эдвин Герцштейн назвал свою книгу «Война, которую выиграл Гитлер».

Особый интерес вызывали в 30-е годы неслыханные до тех пор в Европе масштабы политических репрессий и масштабы использования в экономике принудительного труда. Эти темы особенно эксплуатировались нацистской пропагандой.

О ГПУ, репрессиях, принудительном труде в СССР говорилось почти во всех книгах, посвященных советской жизни. Были на эту тему и специальные обобщающие работы. Одна из них — небольшая книга, точнее, брошюра Херманна Грайфе называлась «Принудительный труд в СССР»¹. Брошюра вышла в пропагандистском издательстве Нибелунген-Ферлаг в 1936 г. и описывает ситуацию на 1935 г. Общий ти-

¹ Greife, Hermann. Zwangsarbeit in der Sowjetunion. Von Dr. Hermann Greife, Dozent an der Deutschen Hochschule für Politik, Berlin, 1936

раж брошюры достиг 2 200 000 экземпляров (во всяком случае эта цифра обозначена на форзаце 22-го издания того же 1936 г.).

В книге часто встречаются выражения типа «еврейские властители» и другие антисемитские высказывания, что, впрочем, вполне может быть результатом работы политического редактора. В остальном текст книги, приводимой здесь с небольшими сокращениями¹, заслуживает интереса; он не только показывает степень осведомленности тогдашних советологов о советской действительности, но не утратил научной ценности и сегодня.

Др. Херманн Грайфе

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Предисловие

О судьбе принудительных рабочих в Советском Союзе мы знаем относительно много. Однако условия существования в трудовых лагерях настолько ужасны, что многие просто не могут поверить, что такое возможно в XX веке.

Этим объясняется то, что рассказы о принудительном труде в Советском Союзе воспринимаются в целом довольно скептически.

Поэтому предлагаемое исследование опирается исключительно на аутентичные, по большей части официальные советские материалы. Иллюстрации тоже взяты из официальных советских источников, так что

¹ Выпущена глава 3, состоящая из писем о помощи репрессированных немецких крестьян; в главе 5, о Беломорканале, сокращены большие цитаты из вышедшей в Москве в 1934 г. книги «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина».

у любого желающего есть возможность проверить правильность приведенных данных.

По поводу приведенных в брошюре фотографий следует отметить, что речь идет о точном воспроизведении оригинальных снимков из официального советского издания «Сталинский Беломорканал» или советской прессы, качество которых соответственно плохое. Мы посчитали, однако, не целесообразным их ретушировать, чтобы и таким образом дать представление о неприкрашенной советской действительности.

В задачи этой работы не входит дать полные и исчерпывающие данные о числе сосланных, расположении лагерей принудительного труда и т. д. Скорее это должен быть очерк о жизни этих несчастных людей, трезвый и неприкрашенный, как сама действительность.

Х. Г.

Первая глава

Уничтожение еврейством самых ценных народных элементов

В ноябре 1917-го еврейский марксизм захватил власть в России. После этого он принялся за укрепление достигнутого могущества и эксплуатацию захваченного населения. Целью ставилось неограниченное господство над порабошенным, психически и нравственно деградированным населением.

Очень скоро новые властители поняли, что они смогут достичь этой цели только в случае искоренения всех расово ценных элементов, которые никогда не удовольствуются рабской ролью.

С помощью созданной для этой цели террористической организации (ЧК, позднее ГПУ) они принялись за решение этой кровавой задачи.

Относительно легко удалось почти совсем искоренить самый расово ценный верхний слой — интеллигенцию и дворянство. Часть интеллигенции погибла

уже во время мировой войны. Другая, большая часть, погибла в Гражданской войне. То, что осталось, эмигрировало или уничтожалось ЧК. Малой части «было разрешено» поставить свое образование и знания на службу нового государства.

Гораздо более трудную проблему представляли собой крестьяне. Ленин уже давно понял, что здоровое крестьянство будет самой большой преградой на пути создания «коммунистического» рабовладельческого государства. Поэтому в распоряжении у большевиков имелось только одно средство: полное искоренение этого класса.

Хотя советское правительство с момента своего создания находилось в самой острой борьбе с крестьянством, но только с началом первой пятилетки оно в полном объеме принялось за проведение этого кровавого и уникального в истории человечества мероприятия.

Все независимые крестьяне, так называемые «кулаки», лишались имущества и ссылались. Часть из них в процессе «раскулачивания» уничтожалась на месте. Масса «кулаков» была, однако, так велика, что советское правительство не могло уничтожить их всех без остатка. Поэтому оно применило другой способ.

«Кулаков» грузили в вагоны для скота и отправляли в дальние области Советского Союза. Нескончаемые поезда ехали по обширной стране. Люди без числа умирали по дороге, особенно зимой. Однако миллионы добирались до трудовых лагерей. Такие лагеря существовали в Советском Союзе и раньше. Теперь они росли и наполнялись новым человеческим материалом.

Трудовые лагеря стали для миллионов людей промежуточными станциями в потусторонний мир. Здесь гибель миллионов не считалась убийством, и, кроме того, прежде чем смерть освобождала этих несчастных от страданий, Советское государство выжимало из обреченных на смерть последние капли крови и пота ради «социалистического строительства».

Распределение лагерей принудительного труда в Советском Союзе.

1. Лагерь Соловки: лесоповал, гидроэлектростанция, рыболовство. 2. Лагерь Беломорканал. 3. Северный лагерь: лесоповал. 4. Лагерь в Свирске: гидроэлектростанция. 5. Лагерь в Волхове: алюминиевая фабрика. 6a. Лагерь в Дмитрове: Канал Волга — Москва 6b. Лагерь в Сорново: гавань. 7. Лагерь в Котласе: железная дорога. 8. Лагерь в Вишере: химическая фабрика и горнодобывающая промышленность. 9. Лагерь в Кунгуле: горнодобывающая промышленность и металлургические заводы. 10. Лагерь на Северном Кавказе: зерновые «фабрики». 11. Лагерь в Астрахани: рыболовство. 12. Лагерь в Казахстане: животноводство, консервные заводы. 13. Лагерь в Чарджоу: хлопок и текстильные фабрики. 14. Лагерь в Ташкенте: хлопок и текстильные фабрики. 15. Лагерь в Сибири: уголь и металлургические заводы. 16. Лагерь на Новой Земле: свинец. 17. Лагерь в Игарке: гавань, лесоповал. 18. Лагерь в Нарыме: лесоповал. 19. Лагерь «Лена»: золото и драгоценные металлы. 20. Лагерь «Лена — Оймякон»: лесоповал и драгоценные металлы. 21. Лагерь «Амура — Зеи»: золото, сельское хозяйство, железная дорога, фортификационные работы на Амуре и работа в гавани. 22. Лагерь на Сахалине: уголь.

Карта составлена: «Entente Internationale contre la IIIème Internationale», Женева.

Созданием лагерей принудительного труда советское правительство преследует три цели::

1. Искоренение всех «нежелательных элементов» способом, который не бросается в глаза и не выглядит как убийство.

2. Эксплуатация рабочей силы обреченных на смерть людей.

3. Устрашение остального населения на случай вероятных попыток освобождения от инородного деспотизма.

Первая цель — бесспорно самая важная. Но и труд обреченных на принудительные работы не может недооцениваться советским правительством. В качестве лесорубов ссыльные дают, например, настолько дешевую древесину, что она может поставляться на мировой рынок по демпинговым ценам, в качестве строительных рабочих они строят каналы, дороги, дамбы и другие сооружения, дающие советскому правительству возможность хвастаться «социалистическим строительством» во всем мире.

Вопреки огромному количеству осужденных, человеческого материала далеко не хватает для выполнения фантастических «планов» советского правительства, так как ссыльные, вследствие господствующих в лагерях ужасных условий жизни, зачастую умирают с той же скоростью, с какой поставляется новый человеческий материал.

По этой причине советское правительство время от времени принимается за настоящую охоту на людей, чтобы наполнять лагерь. При этом арестовываются и осуждаются люди, которые, даже с точки зрения советского правительства, не могут считаться «нежелательным элементом». Их арестовывают, разлучают с семьей и отправляют в лагерь на принудительные работы, где их ожидает верная смерть только потому, что еврейские властители нуждаются в рабочих руках, которые дешевле, чем рабочий скот.

Такая охота на людей была устроена, например, летом 1935-го в разных областях Советского Союза. Само собой разумеется, советская пресса о таких событиях, как правило, молчит. Однако иногда информация об этом просачивается.

В нашем распоряжении есть, например, сообщение официальной газеты «Известия», где кое-что говорится об охоте на людей. Эта газета¹ пишет, что, например, в городе Челябинске в течение трех недель арестовано 57 человек (не считая бездомных детей), которым нельзя было предъявить никаких обвинений. Подтверждение ареста еще 50 человек милиция просила у государственной прокуратуры *задним числом*.

Та же газета демонстрирует нам еще несколько случаев того, как советский гражданин за одну ночь может стать заключенным.

«Жена колхозника Абдуллы Зайфуллина — работница колхоза. У нее есть паспорт, выданный в г. Челябинске, и комната в рабочем поселке. Зейфуллин живет в соседнем колхозе и часто посещает жену. Однажды ночью, когда он ночевал у нее, проходила проверка паспортов. Зейфуллин предъявил справку из колхоза и трудовую книжку.

Кажется, что все в порядке, но у милиции Челябинска другое мнение. Зайфуллина арестовывают, и 4-е отделение милиции составляет протокол о ссылке вредителя и опасного для общества рецидивиста Зайфуллина в трудовой лагерь на принудительные работы».

Та же газета описывает другой случай:

«В том же городе живет рабочий Михайлов. На фабрике он работает с момента ее основания. У него есть паспорт. Однако его жене, с которой он в браке уже 15 лет и от которой у него есть четверо детей, отказывают в выдаче паспорта. Собственно, в выдаче не отказывают, но в ее документах начальник отделения милиции сделал пометку: документы в порядке, тем не

¹ «Известия» от 22.9.1935.

менее паспорт не может быть выдан, так как женщина живет в Челябинске меньше чем 3 года. Паспорт должен быть выдан на месте прошлого проживания. Однако на месте предыдущего проживания женщине было сказано, что она должна получить паспорт в Челябинске. Пока идет этот спор, женщина живет со своим мужем. Однако для милиции это уже слишком. В конце июля жена Михайлова была арестована. Далее последовал *обычный путь* (выделено мной — Х. Г.): постановление о ссылке... социально-опасный элемент...

И другой случай:

«Однажды ночью в июле несколько милиционеров, возглавляемые лично начальником отделения милиции, ворвались в комнату работницы Марии Хлистуновой. Плачет грудной ребенок. Начинается обыск, после которого женщине сообщается, что она арестована и подлежит высылке. О причине ареста ей сообщают в отделении милиции. Мать тащат вместе с грудным ребенком в милицию и держат там. Через несколько дней ей сообщают, что она арестована и подлежит высылке как «социально опасный элемент». Причина состояла в том, что муж Хлистуновой, с которым она, впрочем, несколько месяцев назад разошлась, однажды не пришел на работу, после чего его уволили и лишили паспорта¹.

Эти поразительные примеры показывают, что в Советском Союзе преследуют и ссылают ни в коем случае только «генералов» и «капиталистов». Простой фабричный рабочий, крестьянин, все население оказывается вне закона для еврейских властителей.

Здесь я хотел привести письмо возвратившегося из Советского Союза инженера, который очень правильно описывает эту проблему²:

«...ежедневно в приемные часы в следственных тюрьмах GPU в Ленинграде можно видеть длинные

¹ «Известия» от 22.9.1935

² Опубликовано в: «UdSSR-Dienst», Nr. 72, v. 22. 10. 35.

очереди людей, которые стоят в ожидании справки о том, живы ли еще их родственники в тюрьме. Большею частью это молодые женщины-работницы или пожилые, усталые, умирающие с голоду матери, которые терпеливо ждут по 6—8 ч, измученные заботой о своих близких. Информация скудная, часто объявляется об осуждении на лагерь или в ссылку. Если эти закутанные в лохмотья люди спрашивают, почему их сын, брат или супруг арестован, чаще всего они узнают о том, что речь идет о *нарушении партийной дисциплины, выходе из какой-либо коммунистической организации, переписке с членами семьи за границей, принадлежности к церковной или религиозной организации и т. д.* Предварительное заключение длится долго, и заключенный, даже если ему удастся доказать невиновность, выходит на свободу сломленным физически и морально. Большинство заключенных посылают на принудительный труд на вечный север или в раскаленные пустынные регионы.

На севере, особенно на Кольском полуострове, им находят применение в каменоломнях, на строительстве железных дорог, дорог и укреплений. Для тамошней промышленности они тоже желанные и в первую очередь дешевые рабочие.

Наряду с раскулаченными крестьянами эти, очень часто из-за незначительных прегрешений осужденные рабочие представляют собой тот человеческий материал, который производит для коммунистического государства самую важную и бесплатную работу по освоению территорий (что другими словами означает рабство).

Расход этого человеческого материала очень велик, и он должен постоянно пополняться за счет новых жертв.

Добровольно ни один рабочий не поедет в необжитые районы Севера, так что еврейско-большевистским судьям остается заботиться о том, чтобы с помощью приговоров к принудительному труду пополнять лаге-

ря рабов на Кольском полуострове и в Северной Карелии».

Средства, которые служат Советскому правительству для медленного умерщвления сосланных, — это холод, голод, болезни, нечеловеческий труд и т. п.

О жизни сосланных у нас есть убедительные свидетельства людей, которым удался побег из Советского Союза. Вот рассказ немецкого колониста Ремпеля, который свидетельствует о том, что он лично пережил¹:

«Особенно мне бросился в глаза один человек. Его лицо было обмороженным и черным. Щеки и нос были покрытые гноем. Все лицо производило жуткое, отвратительное впечатление. Несмотря на раны, он работал на холодном резком ветру. Я спросил его, почему он не обращается в больницу, ведь в таком состоянии невозможно работать. Он посмотрел на меня с отчаянием и испугом и сказал вполголоса: «Konzlagernyj» — приговорен к концентрационному лагерю...

...Для холода, сурового климата и очень тяжелой работы заключенные были одеты ужасным образом. Согнувшись, смертельно усталые, они тащились вперед. Они должны были выполнить определенный «Urok» (задание); для этого они должны были работать минимум 12 часов в день... Один рассказывал мне, что осенью в бараке было размещено 3000 мужчин. Семьдесят пять из них дождались весны, остальные погибли.

Другой российский немец, которому тоже удалось бежать из лагеря, так описывает то, что он пережил²:

«Я в жизни не встречал никого, кто бы так обращался с собакой, как на Соловках издевались над людьми разных народов. Палочные удары — это самое малое, к этому все привыкли. Мы работаем с утра до вечера, выкорчевываем пни из замерзшей земли — ради маленького кусочка плохого хлеба. Иногда нам на день дают

¹ J. Rempel: Der Sowjethölle entronnen, Kassel 1935, S. 129–131 (s. auch Protokoll auf S. 46).

² A. Schwarz: In Wologdas weißen Wäldern, Altona-Elbe, S. 165–166.

две селетки и лишают воды. Зимой мы умираем от холода. Побои. Они посылают нас в лес, хотя мы едва можем поднять руку. Для дьяволов-комиссаров это просто лень — следуют особые меры. Зимой нас запирают голыми в срубы, и это при минус 50—55 градусов.

Летом нас наказывают тем, что нас привязывают раздетыми к деревьям на расправу полчищам комаров».

Число осужденных на принудительные работы нельзя точно устанавливать. С полной уверенностью мы можем только сказать сегодня, что миллионы уже погибли в ссылке и что многие миллионы в ней томятся¹.

Вторая глава

Происхождение осужденных на принудительный труд

Как уже говорилось, основной контингент занятых принудительным трудом составляют крестьяне. Целый ряд законов и распоряжений создает законодательную базу для ареста и ссылки крестьян. Стоит указать на известный «Закон о защите социалистической собственности» от 7 августа 1932 г.

Параграф 2 этого закона звучит так:

1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при

¹ Согласно «Studienstelle der deutschen Rückkehrer aus der Sowjetunion» в Берлине, число занятых принудительным трудом в данный момент составляет минимум шесть миллионов человек. Из них около 200 000 — немцы.

смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества¹.

Третья глава

На основании этого закона бесчисленные невинные крестьяне были частью посланы в лагеря, частью расстреляны. И сегодня без передышки движутся в ссылку транспорты с заключенными крестьянами.

Другой закон, на основании которого ссылались бесчисленные крестьяне (но и рабочие тоже), — это закон об изменении §36 и 61 Уголовного кодекса от 15 февраля 1931 г.²

Пункт 2 этого закона предусматривал при отказе от выполнения определенных работ осуждение на принудительные работы. Особенно жестокие правила касались крестьян.

Среди высланных крестьян есть много немецких колонистов. Особенно умелые и тертые немецкие крестьяне представляют собой предмет неудержимой ненависти советского правительства. Ежедневно приходят сообщения об арестах и ссылках немцев. В качестве примера стоит привести следующее сообщение:

«С беспрецедентной жесткостью изгоняются немцы из Азербайджана и сотнями высылаются на дальний север. Из района Батуми, куда в 1932/33 годы бежало более 100 немецких семей, идут такие же сообщения. Эти немцы, работая на фруктовых и чайных плантациях, владат жалкое существование. Недавно всех мужчин арестовали и заключили в лагерь. Отсюда их ежедневно возят на грузовиках на работу в разные места. Женщины и дети тоже должны ежедневно

¹ Gezeztssammlung der UdSSR. 6 1932: I. Nr. 62

² Gezeztssammlung der RSFSR., 1931, I. Nr. 9

по несколько часов трудиться на плантациях в качестве рабов.

Известно также, что в этот лагерь на работу прислаано 100 немецких заключенных из Одесской области.

В развитие этой террористической акции был начат судебный процесс против известного кооператива «Конкордия» из Хеленендорфа, объединения всех немецких виноградарей на Кавказе. Семнадцать его членов были осуждены на сроки до 10 лет принудительного труда и сосланы.

Из этих сообщений следует, что террор против немцев в России продолжается с неослабевающей силой, а местами еще и значительно усиливается.

Благодаря «Центру изучения немецких репатриантов» («Studienstelle Deutscher Rückkehrer». — Д. Х.) мы знаем, что недавно еще 27 семей немецких колонистов были высланы в болотистые местности Карелии.

«Семьи находятся в чрезвычайно тяжелом положении, поскольку они не могли взять с собой почти ничего из самого необходимого». Членов семей разлучают. Женщины и дети проживают в убогих бараках, в то время как мужчины отосланы на работу за 100 км от этого места. Хлебный паек ограничен минимумом. Каждый работающий, будь то мужчина или женщина, получает ежедневно 300—400 г хлеба. Рацион стариков, дряхлых и больных еще более скуден.

Грязь, холод, сырость и голод выполняют задуманную Советами работу и ежедневно требуют все новых жертв. Особенно велика смертность среди детей. Неисчислимо количество тех, кто погиб в сотнях мест ссылки — в Карелии, Сибири, на Дальнем Востоке и других местах.

Советский суд в Новгороде-Волынском вынес недавно смертный приговор немецкой учительнице Маргарете Грюнке, жене бывшего директора немецкой школы в Краснореченске Хуго Грюнке. Осуждена госпожа Маргарете Грюнке была вместе с несколькими

ми другими учительницами той же школы якобы из-за контрреволюционной деятельности.

Как мы узнаем из частного, но надежного источника, деревня Ак-Мешед около Хивы, в которой жило 316 человек, была переселена 30.4.1935-го. Жители были отправлены в Таджикистан, Фергану на принудительный труд в безводной долине в горах Гиндукуш¹.

Вот похожие сообщения. Например, «Gazette de Lausanne» сообщает из надежного источника, что советские русские органы власти с некоторого времени проводят принудительную высылку сотен тысяч советских граждан польского и немецкого происхождения из всех западных пограничных районов, от Ленинграда до Одессы.

Ссылные отправляются на север или в Сибирь. Иногда вся деревня ликвидируется путем ночного нападения, при этом не принимается во внимание, разлучаются дети с родителями или нет. Только из Ленинграда, как сообщает газета, с января до конца марта 1935 г. было депортировано 20 000 семей.

При этом речь идет вовсе не о наказании повстанцев, а о систематических политических акциях².

Наряду с немцами заключенными лагерей принудительного труда становятся и прочие: из плодородных степей Украины, из северных лесов Карелии, из Красноводска, Сталинабада, Самарканда, Катты-Кургана, Ташкента прибывают турки, татары, украинцы, финны, таджики, текинцы, армяне, узбеки и представители многих других национальностей.

Примером могут служить некоторые данные о депортациях финнов. Это данные Комитета ингерманландцев:

«В 1929—1931 годах 4320 финских семей (всего примерно 18 000 человек) были высланы с их родины Ин-

¹ Сообщение из «Verbande der Deutschen auß Rußland e. V.» _ 1935. Выпуск 4.

² «Berliner Börzezeitung», 29.05.1935

германландии и депортированы в отдаленные части Советского Союза. В следующие два года в этом отношении наблюдалось небольшое улучшение, но весной этого года снова были проведены радикальные мероприятия большевистских органов власти против финского населения Ингерманландии в ужесточенной форме.

Согласно надежным данным, только в течение апреля — мая в 1935 г. 2500—2600 финских крестьянских семей были депортированы по преимуществу в Туркестан.

Чтобы придать этому мероприятию иллюзию законности, крестьян заставили подписать, что они свою родину покидают «добровольно». Тот, кто отказывался, попадал в лагерь в Сибирь».

Очевидец, которому удалось сбежать из Ингерманландии в Финляндию, рассказал, помимо прочего:

«В середине апреля 1935 г. со станции Елизаветино (между Нарвой и Гатчиной) отошли два поезда с депортированными. Оба поезда были настолько забиты, что каждый тянули по два локомотива. Это были в большинстве своем финские крестьяне, но среди них несколько семей этнических эстонцев. Это значит, что почти все эстонские крестьяне из Западной Ингерманландии были отправлены в Центральную Азию. Одновременно два поезда отошли от товарной станции Гатчина.

Чтобы родственники и друзья не имели возможности попрощаться с депортируемыми, все входы были перекрыты¹.

«Бежавший из деревни Саамайрви карел по имени Ефим Попов сообщил, что из Петровской были высланы 1250 мужчин, частично с семьями. Когда Попов убегал из Саамайрви, часть осужденных на принудительный труд карелов, примерно 400 человек, была

¹ «UdSSR.-Dienst», Berlin, Nr. 70, от 15. 10. 1935

под строгой охраной размещена в церкви и в двух домах. Заключенных должны были депортировать в Центральную Азию»¹.

Депортации подлежат представители старого правящего слоя, число которых, однако, от года к году сокращается. «У нас в лагерях имеются живые графы, живые землевладельцы, княгини, придворные дамы», — хвастается шеф Главного управления лагерей ГПУ Матвей Давыдович Берман.²

Больше всего представителей старого слоя было выслано после Указа о введении паспортного режима от 27 декабря 1932-го, согласно которому в больших городах разрешалось оставаться только владельцам паспортов. «Нежелательные элементы», естественно, не получали паспортов и массами высылались из городов³.

Особо следует упомянуть священнослужителей. Как известно, священники всех вероисповеданий (за исключением еврейской «конфессии») с начала советского правления были предметом дикой ненависти еврейских властителей. Большая часть из них была «физически уничтожена», остатки сосланы. Только отдельные священнослужители еще находятся на свободе.

Некоторый материал о судьбе немецких евангелических священников в Советском Союзе опубликовала международная комиссия в Женеве:

«Евангелическая церковь в Советском Союзе практически уничтожена. Из 85 живущих там евангелических священников 47 уже давно находятся в лагерях

¹ «UdSSR.-Dienst», Berlin, Nr. 71, vom 18. 10. 1935 (s. auch: «Easil Carefia», Herausgegeben von — «Academia Carelia Leugne», Helsinki 1934)

² «Stalin-Weißineerkanal», Moskau 1934. S. 78 (russ.).

³ «Iswestija». vom 28. 12. 1932.

Сибири и на строительстве Беломорканала. Два пастора Дойчман и Зиб были приговорены к смерти в течение последних недель.

Об остальных 38 евангелических пасторах можно только сказать, что неизвестно, арестованы они или нет, поскольку только о 18 известно, что они продолжают службу, в то время как 20 остальных лишены такой возможности. Но и они уже давно подвергаются преследованиям, и это только вопрос месяцев, пока последние евангелические священники не будут убиты или посланы в лагеря, а последние церкви будут закрыты. Большинство церквей либо уничтожены, либо превращены в нечто иное¹.

Многие сосланные осуждены за «нарушение трудовой дисциплины».

Так, например, закон о дополнении к Уголовному кодексу РСФСР, §59, 3, В от 15 февраля 1937 г. предусматривает за дисциплинарные проступки железнодорожного персонала лишение свободы до 10 лет или расстрела². Этот закон РСФСР был принят согласно декрету ЦИК и СНК СССР 23 января 1931 г.

Особенно бесчеловечна отправка в лагеря детей. Советское правительство объявляет время от времени мероприятия по «ликвидации детской бездомности». При этом каждый раз миру объясняется, что дети размещаются в хорошо оборудованных домах, школах и т. д. На практике правительство идет, однако, другим путем: самое простое средство для «ликвидации детской бездомности» — это отправка детей в лагеря. По свидетельствам надежных очевидцев, постоянно случается так, что вследствие болезней, холода и недостаточного питания товарные поезда с детьми привозят на место назначения только трупы. Естественно, что советское правительство не сообщает о такой

¹ Сообщения немецкой Pro-Deo-Kommission, Берлин, октябрь 1935 (рукопись)

² Собрание законов РСФСР, 1931, I, № 9.

«детской ликвидации». Очень редко новости такого рода оказываются в печати. Поэтому сообщение партийной газеты «Правда» о том, что 2000 бездомных детей были высланы в Nadwoizk (? — Д. Х.) и там размещены в лагере ГПУ, имеет огромную документальную ценность¹.

Издание «UdSSR — Dienst» также сообщает о депортированных детях: «Женщина, которой тоже удалось бежать из Карелии, сообщает, что в 60 км на север от Кархумяки находится «лагерь беспризорников».

Этот концентрационный лагерь — кошмар карельского населения, потому что в нем содержатся ставшие бездомными дети сосланных крестьян. Здесь согнано вместе около 4000 детей из разных областей Советского Союза. Здесь нет ни школ, ни мастерских. Большая часть детей погибает каждый год от голода, болезней и лишений. Дети часто пытаются бежать, но чаще всего гибнут в болотах или их во время бегства расстреливает охрана².

Известна т. н. «большевистская коммуна», представляющая собой специальный лагерь ГПУ для малолетних. Вот пример о «ликвидации детской бездомности» из официального советского издания «Известия»:

«В городской отдел народного образования пришли три грязные запуганные бездомные девочки. Они просили дать им работу.

«Так! Так! Вы хотите на фабрику? И выглядите таким образом! — руководитель городского отделения народного образования громко рассмеялся. — Ну, мы найдем вам место... подождите в коридоре».

Девочки выходят, и руководитель отдела звонит в милицию: «Пришлите кого-нибудь забрать малолетних преступниц».

Через полчаса два милиционера вели трех девочек — Зою Севастихину, Тамару Михалеву и Надежду

¹ «Правда», 4. 10. 1935

² «UdSSR.-Dienst» Berhn, Nr. 71, vom 18. 10. 1935

Галину в отделение милиции. Там с достойной удивления сноровкой и скоростью оформляется протокол. И это уже больше не 13-летние бездомные девочки, которые просили помощи в городском отделе народного образования, а девушки-рецидивистки, опасные государственные преступницы»¹.

А что происходит с государственными преступниками в Советском Союзе, известно: их либо стреляют, либо депортируют.

Кроме того, к числу заключенных принадлежат и настоящие криминальные элементы: воры, убийцы, аферисты, проститутки. Общество этой человеческой накали тоже способствует тому, чтобы превратить жизнь остальных заключенных в ад.

(...)

Четвертая глава

Разные виды осужденных на принудительные работы

Репрессированные делятся на две категории:

1. Административно ссыльные.
2. Осужденные на концентрационный лагерь.

Административным образом обычно ссылаются целые семьи (в основном крестьяне). Они размещаются, к примеру, на севере в бараках и должны работать, чтобы не умереть с голоду. *Прямого* принуждения к работе нет. Кроме того, они могут свободно передвигаться в окрестностях, но должны по определенным дням отмечаться в ГПУ. От этой относительной свободы они имеют, однако, мало толку, поскольку оплачивается их работа так низко, что они должны работать целыми днями (чаще всего в лесу).

Они представляют собой специальную касту, резко отличающуюся от остального населения.

¹ «Известия», 22. 9. 1935

Несравнимо хуже положение заключенных конц-лагерей, которые, в отличие от административно сосланных, живут под постоянной охраной.

Как уже говорилось, среди заключенных есть представители множества профессий, социальных слоев, национальностей. В лагерях их всех ожидает общий жребий: тяжелая работа, неслыханные страдания и смерть как освобождение. Следы прошлой принадлежности к определенным слоям и профессиям размываются здесь очень быстро.

Эту внешне гомогенную массу большевики делят по-новому. Согласно главному принципу их политики «разделяй и властвуй» они выделяют из массы заключенных группы, которые отделяются от прочих заключенных. Они пользуются особым снабжением и обслуживанием. Большевикам удастся так хитро провести это разделение, что охрану больших масс заключенных можно осуществлять относительно небольшим количеством войск ГПУ. Из привилегированных групп заключенных (чаще всего преступных элементов) они образуют охранные части, иногда даже вооруженные. Эти охранные части (вохровцы; ВОХР — вооруженная охрана) в правовом и материальном смысле находятся в совсем ином положении, нежели остальные заключенные. Хотя они тоже заключенные, т. е. не могут покидать места заключения, но в качестве охранников они могут, естественно, свободно передвигаться внутри него. Эти войска помещаются в отдельных казармах, если таковые имеются, одеты частично в военную форму и получают относительно хороший пищевой рацион (красноармейский паек)¹.

«Надежные» (то есть в большинстве криминальные) элементы среди заключенных использовались и на других контролирующих и руководящих работах. Они были, например, заведующими складов, поварами, сопровождали грузы и т. д. Они получали повы-

¹ «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина», Москва, 1934, глава 6.

шенный паек, но за малейшую оплошность платили смертью.

Во время обычных работ тоже проводилась дифференциация. Как правило, заключенные работали бригадами, от 25—30 до 60 человек.

Эти бригады возглавлялись бригадиром, который тоже должен был работать. На строительстве Беломорканала 2—3 бригады объединялись вместе под началом «старшего бригадира». Для подготовки старших бригадиров был даже создан специальный «институт».

Старшие бригадиры тоже пользовались привилегиями. Ягода в одном своем приказе требовал создать для них особые улучшенные условия жизни. На строительстве Беломорканала старшие бригадиры получали кроме хорошей одежды еще и 50—60 рублей ежемесячной зарплаты¹.

Особенно большим влиянием на жизнь заключенных обладают «десятники». Это надсмотрщики, которым поручено распределение и подсчет работы (который производится, как правило, в кубических метрах).

В качестве стимула высокой производительности труда заключенных, для бригадиров и десятников учреждены специальные премии².

Пятая глава

Строительство Беломорканала

Условия существования в трудовых лагерях стоит продемонстрировать на примере строительства Беломорканала. При этом я опираюсь исключительно на проработку официальных советских материалов³. Этот материал, еще неизвестный общественности,

¹ «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина», Москва, 1934, с. 265.

² Там же, с. 209.

³ Все цитаты в этой главе представляют собой дословные переводы из официальной советской книги «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина», изданной в Москве в 1934 г.

не вскрывает, конечно, полностью ситуацию с ужасным положением заключенных. Но при критическом осмыслении он дает достаточно глубокое представление об их жизни.

Проект

Как видно по прилагаемой карте, Беломорский канал соединяет Белое море с Финским заливом. Большая часть его проходит по естественным водным артериям — Неве, Ладожскому озеру, Свири, Онежскому озеру и т. д. Собственно строительные работы надо было проводить на линии между Онежским озером и Белым морем, то есть где-то между 62 и 65-й параллелями.

Климат в этом районе исключительно суров. Зима длинная и холодная. Зимние ночи — светлые. Земля покрыта метровым слоем снега.

Геологически это мореный ландшафт — территория покрыта бесчисленными большими и малыми озерами. Множество скальных блоков и осыпей. Грунт сложен из-за твердых скальных масс. Бесчисленные пороги и естественные плотины затрудняют водное сообщение.

Больших поселений нет. Немногочисленные бедные деревни разделены большими расстояниями.

Советское правительство решило провести через эту негостеприимную местность канал. Окончательный проект будущего водного пути был принят 18 февраля 1931 г.

Реализация проекта натолкнулась из-за описанных выше обстоятельств на чрезвычайные трудности. Длина канала должна была составить 227 км. Помимо прочего, следовало построить: 19 шлюзов, 15 плотин, 12 водоотводных сооружений и т. д. Нужно было передвинуть 21 миллион кубических метров грунта. В декрете Совета народных комиссаров от 2 августа 1933 г.

говорилось, что работы проводились в чрезвычайных сложных геологических и гидрологических условиях¹.

Можно было бы предположить, что для решения этой исключительно трудной задачи Советское правительство использует все возможные технические средства. Однако марксистские властители придумали другой способ. Все технические и финансовые средства должны были быть использованы для строительства тех «заводов», с помощью которых Советское правительство хотело делать себе рекламу в мире. Сюда, на дальний Север не добрался ни один любопытный иностранец; и рабочая сила в виде заключенных-рабов ничего не стоила. Даже если от невыносимой работы сотни тысяч людей должны были погибнуть, это ничего не значило, наоборот, этим достигалась одна из целей — «ликвидация классовых врагов».

Декрет Совета строительства и обороны (СТО) от 10 февраля 1931 г. постановил, что на строительстве Беломорканала можно использовать только такие материалы, которые имеются в избытке и не требуются для других строек. Кроме того, должны применяться самые простые и дешевые конструкции².

Вопреки всем ограничениям, здесь тоже следовало поставить «рекорды», которые приведут мир в изумление: канал должен был быть готов через 20 месяцев!

Было три фактора, чрезвычайно осложнявших работу:

1. На редкость неблагоприятные природные условия.
2. Нехватка необходимых материалов и оборудования.
3. Необычайно короткие сроки.

Сочетание всех этих факторов должно было превратить жизнь заключенных в ад. Однако мы увидим, что у чекистов были и другие способы отправлять несчастных на тот свет.

¹ «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина», Москва, 1934, с. 401.

² Там же, с. 32

Руководство

Строительство канала было поручено ГПУ. Руководителем был назначен тогдашний заместитель председателя (и нынешний шеф) ГПУ — Наркомата внутренних дел, как его называют с 1935 г. — еврей Ягода¹.

Руководство предприятием состояло из 37 человек. Самыми важными, кроме Ягоды, были:

Матвей Давидович Берман, шеф главного управления лагерей ГПУ.

Лазарь Иосифович Коган, шеф строительства Беломорканала.

Семен Григорьевич Фирин, начальник лагеря при строительстве канала.

Яков Давидович Раппопорт, заместитель Когана и Бермана.

Григорий Давидович Афанасьев, главный инженер.

Самуил Давидович Квасницкий, политический воспитатель.

Абрам Исаакович Роттенберг, начальник штрафного изолятора и руководитель антирелигиозных акций.

Гинзбург, лагерный врач.

Бродский, комендант войск охраны.

Берензон, Дорфман, Кагнер, Ангерт, руководители финансового отдела лагеря ГПУ.

Шеф главного управления лагерей ГПУ, Матвей Давидович Берман — один из известнейших чекистов. Он еще в 1927 г. (16.12.1927) был награжден советским правительством орденом Красного Знамени.

Абрам Исаакович Роттенберг известен уголовной полиции всего мира как опасный преступник, вор, убийца и мошенник.

Большинство из перечисленных здесь чекистов за успешную работу по препровождению заключенных на тот свет были награждены советским правительством орденами Ленина.

¹ Там же, с. 32

Из этой ситуации вытекает вся трагедия положения заключенных, ибо их судьба находилась целиком в руках еврейских бестий из ГПУ.

Условия жизни

Заключенные со всех частей огромной страны были согнаны международным еврейством на Север, в места будущей водной артерии. Подъездным путем служила железнодорожная линия Сванка — Медвежья гора — Сорока.

Привезенные в вагонах для скота заключенные должны были пешком, часто по бездорожью, маршировать к месту работы. Здесь были выкопаны землянки, поставлены палатки или построены деревянные бараки. Заключенные жили здесь в полной глуши, отрезанные от всего мира. <...>

Особенно тяжело было заключенным, которые должны были спать под открытым небом, поскольку палаток на всех не хватало, а бараки еще не были готовы. У многих не было возможности сварить полученные продукты и они ели их сырыми.

Но и в бараках было нечеловечески холодно. «Вокруг печки лежат на досках, положенных на ящики, люди в плащах и куртках. Щели между балками заткнуты газетной бумагой. Иногда наступает такой мороз, что доски на стенах лопаются с громким треском»¹. Люди страдают от холода настолько, что мечтают выспаться в туннеле внутри бетонной плотины, где в результате химических процессов выделяется тепло.

Продуктовые рационы настолько малы, что сильные заключенные часто отбирают еду у слабых. «При распределении еды стоит шум, ругань, некоторые даже дерутся за еду. Широко распространено во-

¹ Там же, с. 132.

ровство, продуктовые карточки и миски с едой вырывают из рук.

Кухня № 2 расположена в летнем бараке. В стенах огромные щели, через которые дует ветер. В кухне холод; во время приготовления еды густой дым наполняет помещение. Хлеб тоже режут в летнем бараке, где он замерзает. Имеется два термоса для еды, но ими не пользуются, так что еда доставляется к месту работы холодной.

Заклученные сушат свои штаны и валенки в палатках над печкой, что отравляет воздух»¹.

Смертность в лагере из-за различных эпидемий очень высока. Все завшивлены. Отдельные бараки оборудованы в качестве «вошебоек». Здесь в жутком холоде целыми днями сидят заключенные монахини из многочисленных бывших русских монастырей и давят металлическими палочками вшей на одежде заключенных. О «беломорских вшах» ходят легенды»².

Работа

Заклученные распределяются по бригадам численностью 25—30 человек. Десять бригад образуют «фалангу», насчитывающую, таким образом, 250—300 человек. На «фалангу» выделяется участок работы. По нему распределяются отдельные бригады: одни производят земляные работы, другие — взрывные, третьи — лесные.

Каждый заключенный получает свой объем работы, которую он должен выполнить за день, так называемую «норму». При вырубке камня это обычно два кубометра камня. Рабочий должен вырубать из скалы куски камня и везти их на тачке за 100 метров. Это «норма». Для истощенного, одетого в лохмотья человека, который к тому же каждый день должен проделать длинный путь на работу и обратно, это задание лежит на границе возможного. К тому же оборудова-

¹ Там же, с. 242.

² Там же, с. 303

ние самое примитивное: лом, тачка и несколько досок, чтобы подкладывать под тачку, — это все.

Заключенный рассказывает: «каждый должен нарубить два кубических метра каменного грунта и отвезти на тачке. Мы, новички, должны были сделать половинную норму. Но даже этого мы не смогли сделать, хотя работали с большим напряжением. Сердце стучало. Волна брани обрушилась на меня»¹.

Но однажды принятые нормы тоже не устанавливались навсегда. Еврейское начальство ГПУ в Москве часто сокращало сроки выполнения работ. Следствием было соответственное повышение норм, что немедленно стоило жизни еще тысячам людей. В таких случаях из заключенных выжимали 150–200% установленных норм. Но и обычные задания было почти невозможно выполнить. <...>

Самой трудной была работа в ледяной воде. «Восемнадцать часов длилась работа. По пояс в воде, люди таскали камни... Ночами мы шли работать в холодной воде. Из-за сильного течения удавалось едва устоять на ногах»². <...>

Отсутствие каких-либо технических средств и полное безразличие к человеческой жизни вели к настолько частым несчастным случаям на работе, что люди на строительстве канала гибли, как на войне.

За малейшую неудачу заключенных наказывают. Обычно их отправляют в «штрафной изолятор» — тюрьму, где узников содержат особенно строго. Сажают в буквальном смысле на голодный рацион и мучают всеми мыслимыми способами.

Шефом штрафного изолятора был Авраам Исаакович Роттенберг, опасный преступник, хорошо известный уголовной полиции всех стран. Эта должность

¹ Там же, с. 96.

² Там же, с. 179.

дала ему хорошую возможность использовать опыт своей длинной преступной карьеры.

Чтобы не держать заключенных слишком долго в штрафном изоляторе и не терять таким образом рабочие руки, из них образовывали «роты усиленного режима», которые содержались на голодном пайке и должны были исполнять под усиленной охраной особенно тяжелую работу. Сюда попадали прежде всего люди, которые от отчаяния отказывались вставать и идти на работу, так называемые «отказники».

Люди

В лагеря Беломорканала были согнаны люди из разных областей Советского Союза. Здесь можно было найти представителей всех профессий и всех национальностей. Священнослужители, спекулянты, бизнесмены, воры, убийцы, простые рабочие, но прежде всего крестьяне и еще раз крестьяне. Тяжелее всего приходилось, естественно, представителям старого правящего слоя, интеллигенции, не привычной к физической работе. Они умирали здесь как мухи.

Все они были здесь, на дальнем Севере, равны, все они — только рабочий скот для чужих властителей. Нет, бесконечно меньше, чем рабочий скот, так как скот берегут и заботятся о нем, а эти люди должны были здесь погибнуть.

Ужасно положение брошенных на Север жителей юга. Привыкшие к раскаленному солнцу своих степей и пустынь, они становятся первыми жертвами холода. «Представители национальных меньшинств бродят испуганно вокруг. Им все непонятно: люди, которые им приказывают, канал, который они строят, еда, которую им дают...»

Обреченно несут эти азиаты свой жребий. Они прославляют своего Бога, до тех пор пока смерть не освобождает их от страданий. «Нассыров — таджик. Он си-

дит с закрытыми глазами и двигает ритмично верхней частью туловища. У него узкая бородка, большие, мясистые покрытые шрамами губы, узкий лоб... Он встает и начинает кланяться. Это демонстративный призыв к Богу, посреди пыли, окурков и ругани»¹.

Невыразимо тяжело приходится крестьянину, «кулаку». Оторванный от своей земли, дома, родных, он должен здесь выполнять бессмысленную нечеловеческую работу.

Прибывает транспорт немецких колонистов. «Кулакам выделили участок работы, но они отказывались работать. Они выбрасывали пилы и топоры и стояли в снегу. Вокруг падали деревья, пилы визжали, бежали люди. Кулаки стояли неподвижно. Смеркалось, зажигались желтые огни костров. Кулаки начинали петь молитвы и псалмы. Наступала темнота, они стояли в темноте и громко молились»².

<...>

Как уже говорилось, особенно осложняло положение заключенных то, что они находились вместе с криминальными элементами, убийцами, ворами, аферистами и т. д. В нескольких бараках постоянно случались убийства. Они проигрывали в карты свои пайки, иногда на месяц вперед, и воровали, чтобы вернуть долги. Того, кто это не делал, убивали или превращали в инвалида.

<...>

Женщины в трудовых лагерях

При том что жребий заключенных мужчин ужасен, судьба женщин — бесконечно тяжелее. Слабые женщины должны исполнять ту же работу, как мужчины. Но нельзя выразить словами то, как унижают их женскую честь. <...>

¹ Там же, с. 93.

² Там же, с. 165.

Женщина рассказывает: «Я слабая и истощенная. Под кожей можно пересчитать все ребра. В нашей бригаде вообще не было ни одной сильной женщины... Я работала с тачкой. Склоны высокие. Тачка рвет сухожилия. <...> Первые дни мне хотелось лечь и выть...»¹

8 февраля 1933 был издан декрет ГПУ, представляющий собой важный документ, который кое-что проясняет в положении женщин в лагерях:

«Приказ № 54 Главного управления лагерей ГПУ по Беломорскому исправительному лагерю ГПУ.
Станция Медвежья гора

8 февраля 1933 г.

1. В некоторых отделениях женские отделения неудовлетворительно оборудованы и содержатся в антигигиеническом состоянии.

2. В большинстве женских рабочих коллективов нет кухни, часто еда выдается сухим пайком, что ухудшает питание.

3. Медицинское обслуживание и санитарное состояние неудовлетворительны.

Женщинам не всегда оказывается медицинская помощь.

8. Как следствие неудовлетворительной культурной работы и невнимания к жизненным потребностям имеют место: кражи, алкоголизм, игра в карты и проституция».

Того, что скрывается за этими осторожно сформулированными фразами, не в состоянии вообразить даже самая бурная фантазия.

<...>

¹ Там же, с. 306.

Строительство Беломорканала — это только один эпизод из жизни заключенных. Канал готов. Но и сегодня возникают в разных областях СССР трудовые лагеря, которые для миллионов невинных людей становятся невыразимо мучительными перевалочными пунктами на тот свет.

Строятся новые каналы, вырубаются леса. И на готовом Беломорканале работают тысячи заключенных.

Самая известная на сегодня стройка такого рода — это канал Москва — Волга. Его строительство началось в 1932 г. Построен канал должен быть к 1937 г., к концу второго пятилетнего плана. По окончании работ на Беломорканале руководство этим строительством было поручено тем же самым «проверенным чекистам»: Когану, Фирину, Афанасьеву и др.¹

Эта стройка находится на особом контроле Лазаря Моисеевича Кагановича, правой руки и тестя Сталина.

Строительство канала Москва — Волга дает большевикам достаточно возможностей отправлять «нежелательные элементы» на тот свет, поскольку там нужно передвинуть 140 млн кубических метров земли.

Некоторые говорят, что СССР находится в состоянии эволюционного развития и лагеря будут со временем закрываться. Это предположение неверно. Наоборот, по всей стране постоянно открываются все новые лагеря.

Так, например, 23 октября 1935 г. было ликвидировано дорожно-строительное объединение, а 28 октября все руководство дорожным строительством было поручено ЧК-ГПУ. Это означает не что иное, как то, что применение принудительного труда теперь должно быть распространено и на дорожное строительство.

Миллионы человек погибли уже в первом марксистском государстве мира. И еще бесчисленное ко-

¹ «Правда», 2.8.1935.

личество людей отдаст свои жизни под еврейским владычеством, пока будет существовать эта дьявольская система.

Приложение

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ДЛЯ ОПРОСА РЕПАТРИАНТОВ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

20 декабря 1935 г. в Берлине под председательством известного юриста заседал Комитет организаций¹, занимающихся вопросами немецких репатриантов из Советского Союза, чтобы в протокольной форме зафиксировать показания некоторых репатриантов. Ниже приводятся выдержки из протокола.

Немецкий крестьянин Фриц из Волжской области сообщил:

«В мае 1934-го я был арестован коммунистами-студентами и сотрудниками ГПУ. Искали золото, которого у меня не было. Меня на машине отвезли в город в ГПУ. Там меня обвинили в поездке в Москву, шпионаже, переписке с Германией и общении с немецкими шпионами, потом в отказе от вступления в колхоз.

От требования принять на себя руководство коллективной работой я отказался, так как в случае неудачи мне грозила ссылка как вредителю; в частности, меня обвинили в том, что я помог одному гражданину Германии обувью и деньгами.

Однако эта встреча с немецким подданным была совершенно безобидной, я не обсуждал с ним вообще ничего политического. Мне было также предложено принять советское гражданство.

¹ Центр изучения репатриантов из Советского Союза, Институт научных исследований Советского Союза, Международная Про-Део-Комиссия, Женева и др.

Во время допросов на столе всегда лежал револьвер, которым мне угрожали. Меня допрашивали 12 дней и держали в одиночной камере. В камере меня пытались расспрашивать доносчики. Когда меня вели на допрос, там стояли пулеметчики и вооруженные солдаты, чтобы меня запугать. Меня угрожали также посадить в жаркую камеру. Всего я провел в ГПУ 70 дней. Потом меня доставили в другую тюрьму и там сообщили, что я должен буду провести 10 лет в концентрационном лагере. Судебного разбирательства не было. Благодаря случайности я смог известить мою жену, которая принесла мне еду и деньги, но, несмотря на мой десятилетний приговор, получила разрешение только на пятиминутное свидание».

Немецкий колонист Ханс Ремпеле, который был отправлен в Архангельск, показал помимо прочего следующее:

«В Архангельске я сначала не попал в лагерь, так как моя ссылка была административной. Я должен был отметиться в ГПУ и получил там паспорт с приказом отмечаться там еженедельно, после чего меня отпустили, так что я должен был сам искать себе жилье и пропитание. Денег у нас с отцом не было. Тогда, в марте 1930-го, стоял холод до минус 23°. Мы питались продуктами, килограмм которых сумели сэкономить раньше, и нашли вскоре пустой двухэтажный дом, в котором, однако, уже находилось в каждой комнате по 60—70 человек. Условия в этих комнатах были невыносимы.

Стоило сесть на землю, как вши сразу начинали заползать за воротник. Очень много было больных.

Несколько старых священников 65—70 лет жили на лестнице. Каждая копейка тратилась на алкоголь, так что пьянство было постоянным, и половые сношения осуществлялись открыто. Вчетвером мы нашли приют в коридоре, где провели две ночи. Днем мы искали жилье в городе, но безуспешно, так как жители не хотели принимать к себе ссыльных. В конце

концов мы устроились на две ночи у одной женщины. Через исполнительный комитет я наконец узнал о бараке, где можно найти приют, если я буду рубить лес. Барак я нашел на расстоянии 15 км от города. Там проживали уже 50 русских, которые были заняты рубкой леса. За кубометр древесины я получал денежное вознаграждение, на которое мог приобретать ежедневно 750 граммов хлеба, немного рыбного супа и пшенной каши. Так как я помогал русским читать и писать письма, они поддерживали меня во время работы. Мой отец заболел и его взял к себе один баптист.

Я проходил через большой концентрационный лагерь первый раз в апреле 1930 г. Я встречал там старых и больных людей, лица которых были покрыты ранами от обморожения, кровью и гноем. Мне тогда рассказали, что в одном лагерном отделении в начале зимы жило 3000 человек, из которых к следующей весне в живых осталось только 75. В концентрационном лагере протяженностью примерно 15 км жило около 37 000 ссыльных, и столько же было жителей в городе Архангельске.

Церкви в Архангельске были оборудованы так, чтобы там на трех этажах друг над другом жили ссыльные и кулацкие семьи.

В теплое время разражались эпидемии, так что иногда из церквей ежедневно выносили от 10 до 25 мертвых детей. Их зарывали за городом. В семье одного меннонита умерли все дети, мать закапывала их в землю руками. Позже запрещалось проходить в лагерь без пропуска.

В лагере были рабочие, которые рассказывали мне, что рабочие путиловского завода (теперь завод им. Кирова) протестовали против раскулачивания, в результате 300 рабочих выслали в Архангельск.

В июне 1930-го мне удалось убежать».

Репатриант Эрнст С., который был арестован и послан ГПУ, рассказал кроме всего прочего следующее:

«Через немного дней я прибыл в большой лагерь Магнитогорск, к востоку от Урала, в нем было 12 000 человек и он делился на 7 подлагерей. Поблизости находилась еще одна штрафная колонна на 14 000 человек и еще один лагерь. В моем лагере заключенные занимались строительством плотины....

Зимой 1932/33 г. в этом лагере Магнитогорск замерзли в общей сложности 11 000 человек, о чем мне рассказали заключенные, которые работали с книгами в конторе. Информация об этом распространилась, поскольку протестовали иностранные представители».

В октябре 1933-го мне удалось освободиться и убежать в Германию».

«ФИКСАЦИЯ НА ГИТЛЕРЕ»

*Интервью Дмитрия Хмельницкого
берлинской газете «Юнге Фрайхайд»**

— Господин Хмельницкий, вы критикуете зафиксированность западных интеллектуалов на Гитлере как на единственном виновнике Второй мировой войны. Разве не должен этот тезис — в соответствии с общепринятыми клише — устраивать вас как леволиберального публициста?

— Это вопрос в первую очередь научной честности. Еще 20 лет назад, только приехав в Германию, я с удивлением обнаружил, что представления о предыстории Второй мировой войны в ФРГ не сильно отличаются от формулировок сталинской пропаганды, изложенных в советской исторической литературе. Для меня необъяснимо, почему историки в демократических странах самым откровенным образом перенимают явно лживые и недоказуемые сталинистские тезисы.

— Может быть, дело в том, что пропаганда соответствовала действительности?

— Нет. Уже один пакт Молотова — Риббентропа делает очевидной ответственность Сталина за развязывание Второй мировой войны. И все историки это знают. Но когда об этом заходит речь, наступает мол-

* «Junge Freiheit» 27.08.2009, <http://www.jungefreiheit.de/Single-News-Display-mit-Komm.154+M5d2f088ac1f.0.html>

чение. Такое впечатление, что заключено некое общественное соглашение, согласно которому порядочный историк-либерал на эту тему не говорит. Американский историк профессор Ричард Раак, специалист по сталинской эпохе, говорил мне, что стоит заговорить с немецкими коллегами на эту тему, как лица каменеют. А глаза становятся пустыми.

— **Откуда такая реакция?**

— Хороший вопрос. Я думаю, что это явление само по себе может стать предметом научных исследований. Когда я искал немецких авторов для серии исторических сборников на тему концепции Виктора Суворова, один специалист по советской истории мне сказал: «Вы не найдете в Германии ни одного исследователя, зависящего от грантов, который согласился бы принять в этом участие, независимо от того, что он думает о теории Суворова».

— **Вас это удивило?**

— В первую очередь обозлило. Потому что это означает, что вся тема как бы изъята из исторической науки. А я еще по своему советскому опыту знаю — если в науке существуют политически мотивированные тезисы, которые запрещено проверять, то это больше не наука.

— **Что, по-вашему, не соответствует действительности в описании начала Второй мировой войны?**

— Абсолютная фиксация на Гитлере и абсолютное игнорирование роли Сталина. Так, будто у него вообще не было никаких геополитических планов. В действительности Вторая мировая война — это результат соглашения двух диктаторов. Из пакта Гитлер — Сталин следует, что они оба одновременно покончили с миром в Европе.

Почему сегодня именно 1 сентября 1939 г., то есть дата нападения Германии на Польшу, считается началом Второй мировой войны? Точно так же этой датой можно было бы считать и 17 сентября, день нападения

СССР на Польшу. Конечно, первая дата более ранняя, но то, что вторая полностью игнорируется — это абсурд. События 17 сентября были предварительным условием и неотъемлемой частью событий первого сентября.

С тем же успехом можно было бы считать началом мировой войны и 23 августа 1939 г., потому что подписание пакта, собственно, и означало решение начать мировую войну.

— Польшая армия была отобилизована, ее стратеги и идеологи традиционно мечтали о завоевании жизненного пространства на западе, юге и востоке. Какую роль это могло сыграть?

— Польша как стратегическая сила не играла в 1939 г. никакой роли, независимо от того, о чем могли мечтать польские националисты. В игре двух диктатур Польша была лишь объектом.

— В июне 2009 года появилась статья русского историка Сергея Ковалева, в которой он заявил, что «тот, кто непредвзято изучал историю мировой войны, знает, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить немецкие требования».

— Это бессмыслица.

— Как Ковалев пришел к такому заключению?

— Это надо спросить у него.

— К сожалению, он не дает интервью.

— Понятно, почему. В действительности война была заранее запланирована двумя диктаторами.

— Однако российское Министерство обороны сразу же выложило статью на своем сайте.

— И вскоре убрало.

— После вмешательства Варшавы.

— Нужно знать, что происходит в России. С приходом Путина там идут попытки снова ввести «патрио-

тическую» историографию. По существу, это означает возврат к сталинским историческим фальсификациям, согласно которым Советский Союз был невинной жертвой Германии и освободителем поработенных Гитлером стран. Поэтому идет поиск виноватых, на которых можно спихнуть собственную вину. Среди них не только Польша, но даже Великобритания. И, прежде всего, естественно, — Гитлер.

— Вы составитель вышедшей в России шеститомной серии сборников статей, которые ставят под сомнение тезис исключительной вины Гитлера. В первую очередь речь идет о тезисах бывшего агента ГРУ и советского дипломата Владимира Резуна (псевдоним — Виктор Суворов), который вызвал в 1990-е годы фурор своей концепцией «превентивной войны», доказывавшей, что Гитлер своим нападением предупредил готовившееся советское нападение.

— Я знаком с Суворовым. В свое время у нас возникла идея собрать в одну книгу статьи российских и иностранных историков, занимающихся той же темой и поддерживающих концепцию Суворова. Не все выступали «за» Суворова. Например, ведущий российский военный историк Михаил Мельтюхов публиковался не только у нас, но и в другом сборнике, ставшем целью нас опровергнуть.

Наши сборники выходят в московском издательстве «Яуза», хорошо продаются и провоцируют общественные дискуссии на эту тему.

— В Германии вы опубликовали пока один сборник в малопризнаваемом, правом издательстве «Пур ля Мерите».

— Если вся критика моей книги состоит в том, что она вышла в правом издательстве, то я могу быть доволен. Это значит, что научных претензий к ней нет. Знаете, мне абсолютно все равно, в каком издательстве издаются мои книги, правом, левом или среднем — до тех пор, пока у меня есть возможность публиковать их без цензурного вмешательства.

«Яуза», скажем, полностью аполитичное издательство, издающее все, что приносит деньги. Я уверен, что редакторы, которые выпускали мои сборники, лично с ними не согласны, но они исправно делают свою работу, потому что «Яуза» рассчитывает на этом заработать. И пока эти надежды оправдываются. С тем же успехом они выпускают книги прямо противоположного содержания.

Мне точно так же все равно, разделяют ли редакторы «Пур ля Мерите» мои принципы или нет.

В конечном счете качество издательства зависит от качества издаваемых им книг. Я несу ответственность только за содержание моей книги. И, кстати, полностью удовлетворен научным уровнем продукции «Пур ля Мерите». От этой публикации выигрывает только свобода мнений, раз уж никакое другое издательство не было готово издать мой сборник.

— **Это действительно так?**

— Честно говоря, не знаю. Я не предпринимал собственных попыток найти издательство, тем более что понимал, как это будет трудно. Просто времени не было. «Пур ля Мерите» само предложило мне сотрудничество.

— **Каковы ваши политические взгляды?**

— Просто демократ. Ни в коем случае не «левый», слишком хорошо знаю по России, к чему ведет левая идеология. И не «правый». Для меня такие понятия, как «патриотизм» и «национализм», имеют только отрицательный смысл. Моя первая книга, опубликованная в 1999 г., была посвящена расизму и национализму советских эмигрантов. Недавно в газете «Ди Вельт» вышла моя (с соавторами) статья, посвященная убийству в Лондоне противника путинского режима Александра Литвиненко.

Как раз в моем случае хорошо видно, насколько абсурдны попытки политического подхода к научным темам. Если в Германии людей, защищающих взгляды,

близкие к взглядам Виктора Суворова, автоматически записывают в правый лагерь, то в России ситуация обратная. Его концепцию поддерживают как раз представители либерального и демократического лагеря. А «против» выступают правые, неофашисты, сталинисты и т. д.

Теперь мои сборники опубликованы и в России, и в Германии. Так кто я, «левый» или «правый»? Совершенно бессмысленное деление. Если вам так уж интересно, я голосовал за Свободную демократическую партию (FDP).

— Однако Суворову для подтверждения своей концепции не хватает доказательств.

— На мой взгляд, это не так. Нужно понимать, что сталинская внутренняя и внешняя политика во всех областях была подчинена одной цели — военной. Концепция Суворова о подготовке Сталиным нападения на Запад объясняет множество странностей в других областях сталинской истории.

— Многие авторы нашей газеты после проверки тезисов Суворова констатировали нехватку решающих доказательств.

— Я не вижу никакой нехватки доказательств у Суворова. То, что Сталин не имел никаких иных внешнеполитических планов, кроме нападения на Европу (в первую очередь на Германию, да и на азитские страны тоже) с целью расширения своей империи; и что удар по Германии был запланирован на лето 1941 г., — это Суворов доказал избыточно. И множество других ученых подтвердили его выводы своими исследованиями. Осмысленные аргументы в пользу какой-либо альтернативной концепции отсутствуют полностью. Не существует теории, которая бы пыталась доказать, что у Сталина были не агрессивные, а оборонительные планы. Или что Сталин не думал ни об обороне, ни о нападении...

На этот счет не существует вообще никаких доказательств. Все говорит о том, что вся внутренняя и

внешняя политика Сталина была обусловлена его тайными военными планами.

Возьмите коллективизацию и индустриализацию. Если взглянуть в эти процессы, становится совершенно ясно, что их целью ни в коем случае не было экономическое развитие страны и улучшение снабжения населения. Только создание условий для строительства мощной и современной армии.

Ведь что означает в нормальных условиях термин «индустриализация»? Рост экономики и, как следствие, повышение уровня жизни. Однако в сталинском Советском Союзе производство товаров народного потребления с началом индустриализации резко упало. Наступил голод апокалиптических масштабов, стоивший, как известно, жизни миллионам советских граждан.

Почему? Да потому что целью и коллективизации, и индустриализации было строительство не гражданской, а военной экономики. В тот момент, когда собственные граждане умирали от голода, Сталин экспортировал продовольствие за границу и покупал там промышленную технологию для производства вооружений. В основном в США и Германии.

— Вы по профессии архитектор. Как получилось, что вы занимаетесь военной темой?

— Я защитил диссертацию по сталинской архитектуре, для чего потребовалось глубоко погрузиться в эту главу советской истории. И обнаружилось много связей между военной и архитектурной сторонами сталинской эпохи.

Например, я натолкнулся на один странный архитектурный конкурс. Весной 1941 г. — до нападения Гитлера на СССР! — был объявлен конкурс на памятник в честь «Взятия Перекопа». Это место в Крыму, где была одержана не слишком значительная военная победа во время Гражданской войны. Вглядевшись в этот странно запоздавший проект, я понял, о чем шла речь.

Мое предположение: это был только повод для проектирования монументов в честь будущих советских военных побед. Таких памятников, какие после нападения на Европу могли быть поставлены во всех западных столицах.

В действительности удалось поставить только один такой памятник, в Берлине. И я, кстати, совершенно не понимаю, как могут сегодня берлинцы с одинаковым уважением относиться к памятнику «Воздушный мост», посвященному американским летчикам, погибшим во время блокады Берлина ради того, чтобы спасти его от Сталина, и к советскому монументу в Трептов-парке, испещренному золотыми сталинскими цитатами. Помоему, для этого нужно быть шизофрениками.

И еще я спрашиваю себя, неужели западные интеллектуалы, готовые игнорировать преступления сталинизма, не понимают, что поддержка ими советских исторических фальсификаций, касающихся начала войны, способствует нынешней российской пропаганде и постоянно критикуемому ими отходу режима Путина и Медведева от демократии?

— Вы думаете, что такое истолкование начала мировой войны останется на Западе официальным навсегда?

— Не думаю. Рано или поздно придет новое поколение историков и — что еще важнее — читателей. Изменение ситуации уже отчетливо видно благодаря таким историкам, как Хайнц Магенхаймер, Богдан Мусиаль, Штефан Шайль. И еще я думаю, что эта странном образом выжившая в Западной Европе последняя сталинистская догма в конечном счете разобьется о реальности исторического опыта Восточной Европы.

*Интервью взял Мориц Шварц.
Авторизованный перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя.	5
<i>Виктор Суворов</i> . Катынь или Хатынь?	7
<i>Джахангир Наджафов</i> . Дилемма Второй мировой войны: демократия или тоталитаризм.	13
<i>Дитер Шмидт-Нойхауз</i> . Способы исторических подлогов о том, как НКВД применял «Катыньскую модель»	72
<i>Александр Кузьминых</i> . «Наверное, будет война...»: политические настроения населения Вологодской области накануне и в начале Великой Отечественной войны	111
<i>Михаил Супрун</i> . Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз, 1941—1945 гг.	129
<i>Кейстут Закорецкий</i> . О периодизации Великой Отечественной войны.	145
<i>Миша Шаули</i> . Корпоративная солидарность до Москвы доведет	187
<i>Александр Пронин</i> . Пути и судьбы «второй» эмиграции: историографический очерк (к 65-летию ялтинских соглашений)	205
«Триумфализм должен бы уступить место состраданию и скорби...». Интервью с К. М. Александровым	227
<i>Херманн Грайфе</i> . «Принудительный труд в Советском Союзе» ..	270
«Фиксация на Гитлере». Интервью Дмитрия Хмельницкого берлинской газете «Юнге Фрайхайт»	310

Научно-популярное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

**Автор-составитель
Хмельницкий Дмитрий Сергеевич**

ДЕТЕКТОР ПРАВДЫ ВИКТОР СУВОРОВ

*Издано в авторской редакции
Ответственный редактор И. Петровский
Художественный редактор П. Волков
Технический редактор В. Кулагина
Компьютерная верстка И. Кобзев
Корректор Н. Грачева*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел. (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 03.11.2010. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8
Тираж 6 000 экз. Заказ № 1431

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9955-0228-9

9 785995 502289 >

«Книги Виктора Суворова стали настоящим **ДЕТЕКТОРОМ ЛЖИ** – после публикации знаменитого «Ледокола», буквально взорвавшего советскую мифологию Второй Мировой и перевернувшего прежние представления о причинах и виновниках величайшей трагедии XX века, на автора ополчился весь исторический официоз и посыпались заказные «разоблачения» и проклятия кремлевского агитпропа. Но бестселлеры Виктора Суворова – это еще и **ДЕТЕКТОР ПРАВДЫ**: несмотря на негласную цензуру, всё больше независимых историков со всего мира выступают в его поддержку и находят всё новые подтверждения его сенсационной гипотезы.

В юбилейную, десятую книгу проекта «Правда Виктора Суворова» включены лучшие статьи, доказывающие, что в 1941 году Сталин действительно готовился напасть на Германию и «советизировать» Европу, и проливающие свет на самые запретные страницы прошлого. Сам Виктор Суворов не только одобрил этот проект, но и предоставил для книги свою новую работу, еще неизвестную читателям».

От составителя

ISBN 978-5-9955-0228-9

9 785995 502289 >